

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 1, 2013 Право. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа.
Журналистика и реклама. Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Полювинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- В. Н. Назаров*, д-р психол. наук, председатель
Т. А. Воронова, канд. пед. наук
М. В. Клюев, д-р хим. наук
В. А. Исаев, д-р биол. наук
Д. И. Молдавский, д-р физ.-мат. наук
С. В. Пухов, канд. физ.-мат. наук
Е. В. Соколов, канд. физ.-мат. наук
В. А. Годлевский, д-р техн. наук
Л. И. Минеев, канд. техн. наук
О. В. Кузьмина, канд. юрид. наук
Т. М. Явчуновская, канд. юрид. наук
В. Н. Аргунова, д-р социол. наук
Д. В. Кареев, канд. ист. наук

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Право

- Кузьмина О. В.* Состязательность в контексте справедливости уголовного судопроизводства 5
Тресцова Е. В. Правовой статус недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем (будущая недвижимая вещь) 12
Таибова О. Ю. О правовом статусе несовершеннолетних в Российской Федерации 21
Попелуев Е. Л. Правонарушение как социальное явление 27

Психология

- Агеева З. А.* Особенности коммуникативной сферы тревожной личности 36
Когаловская А. С. Особенности реабилитации детей-инвалидов с использованием канистерапии 41
Лукьянова Е. В., Лукьянов И. Ю. Гендерные особенности проявления учебного стресса у студентов вуза 47

Педагогика

- Смирнова Н. В., Попель Н. В.* Развитие профессионально важных качеств будущего психолога и компетентностный подход 52

Социальная работа

- Завозяев И. И., Назаров В. И.* Социально-психологическое противодействие угрозам формирующейся наркозависимости молодежи 57

Турчин А. С., Филиппов А. А. Особенности представлений потенциальных работодателей и студентов вуза о качествах молодого специалиста **64**

Журналистика и реклама

Ивин А. А. Первые шаги провинциальной печати в России **70**

Филатова О. Д. Эфирная речь: некоторые современные тенденции **75**

Ломакина Е. Е., Бондина А. В. Коммуникационные методы продвижения товаров сезонного спроса **79**

Майорова Т. А. PR-сопровождение деятельности общеобразовательного учреждения **84**

Международные отношения

Бандурин М. А. Политика Сэмюэля Хора в отношении Третьего рейха (июнь—декабрь 1935 г.) **90**

Юбилей **96**

Сведения об авторах **100**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **102**

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *М. Б. Балябина, О. В. Батова,*
О. В. Боронина
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

**2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа.
Журналистика и реклама. Международные отношения**

Подписано в печать 08.05.2013 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая.
Печать плоская. Усл. печ. л. 8,93. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "Natural, Social Sciences"

Issue 1, 2013

Law. Psychology. Pedagogics. Sociology. Social Work.
Journalism and Advertising. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History
 (Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
 (Vice-Chairman)
L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
 (Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology (Chairman)
T. A. Voronova, Candidate of Science,
 Chemistry
M. V. Klyuev, Doctor of Chemistry
V. A. Isaev, Doctor of Biology
D. I. Moldavansky, Doctor of Physics
 and Mathematics
S. V. Pukhov, Candidate of Science,
 Physics and Mathematics
E. V. Sokolov, Candidate of Science, Physics
 and Mathematics
V. A. Godlevsky, Doctor of Technical Science
L. I. Mineev, Candidate of Technical Science
O. V. Kuzmina, Candidate of Science, Law
T. M. Yavchunovskaya, Candidate of Science, Law
V. N. Argunova, Doctor of Sociology
D. V. Kareev, Candidate of Science, History

Index of subscription
in the catalogue "Russian Press" 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2013

CONTENTS

Law

- Kouzmina O. V.** Contentiousness in the context
of justice of criminal court procedure 5
Trestsova E. V. Legal status of peal property,
which will be created or acquired in future (im-
movable thing to-be) 12
Taibova O. Yu. About the legal status of the mi-
nors in the Russian Federation 21
Potseluev E. L. Breach of law as a social phe-
nomenon 27

Psychology

- Ageeva Z. A.** Features of the communicative
sphere of the vexatious personality 36
Kogalovskaya A. S. Socialization in a radically
changing society as a theoretical problem 41
Lukyanova E. V., Lukyanov I. Yu. Gender-
specific manifestations of stress in teaching high
school students 47

Pedagogics

- Smirnova N. V., Popel N. V.** Development of
professionally important qualities of a future
psychologist and the competence-based ap-
proach 52

Social Work

- Zavozyaev I. I., Nazarov V. I.** Social-psycho-
logical resistance to dangers of forming youth's
drug addiction 57
Turchin A. S., Filippov A. A. Features of po-
tential employers' and university students' ex-

pectations concerning qualities of a young specialist **64**

Journalism and Advertising

Ivin A. A. The first steps of the provincial press in Russia 70

Filatova O. D. Oral speech on the radio and TV: some current trends 75

Lomakina E. E., Bondina A. V. Communication techniques promoting a product of seasonal demand 79

Mayorova T. A. PR support of educational institution activity 84

International Relations

Bandurin M. A. The policy of Samuel Hoar in relation to the Third Reich (June — December 1935) 90

Jubilees 96

Information about the authors 100

Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin" 102

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Editorial staff:

Publishing house director *L. V. Mikheeva*
Editors: *M. B. Balyabina, O. V. Batova,*
O. V. Boronina
Technical editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *T. B. Zemskova*

ББК 67.410.2

О. В. Кузьмина

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Справедливость и состязательность рассматриваются как основа должной правовой организации уголовно-процессуальной деятельности. Сделана попытка определить содержание справедливости и пределы ее действия в российском уголовном процессе. Подняты проблемы взаимодействия принципов состязательности и справедливости в уголовном судопроизводстве, проанализированы решения международных юрисдикционных органов, применяющих и толкующих соответствующие принципы и нормы.

Ключевые слова: справедливость, состязательность, принципы уголовного процесса, уголовное правосудие, права человека, международные стандарты.

Justice and contentiousness are considered in the article as the basis of due law organization of criminal procedure activity. The authoress has attempted to define the content of justice and limits of its action in the Russian criminal procedure, has raised the problems of interaction of justice and contentiousness principles in criminal court proceeding. Thereupon the authoress has analyzed decisions of international jurisdictional bodies, which apply and interpret appropriate principles and legal rules.

Key words: justice, contentiousness, principles of the criminal procedure, criminal justice, human rights, international standards.

Современная демократия формируется на основе универсальных принципов и приемов государственно-правового строительства, заключающих в себе накопленный за многие столетия опыт, который был осмыслен в западно-европейской и российской политико-правовой науке. Итогом является понимание права как социального института, воплощающего в себе ряд существенных начал, среди которых ведущими являются свобода, законность, справедливость. «Понимание права как равенства (как общего масштаба и равной меры свободы людей) включает в себя с необходимостью и справедливость. В контексте различения права и закона это означает, что справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость — внутреннее свойство права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.)» [11, с. 28].

Происходящие в последнее время в России реформы, попытки построения гражданского общества, создания правового государства, активная включенность России в международные процессы обуславливают формирование новой системы ценностей, а также необходимость кардинального преобразования различных институтов правовой системы и, в первую очередь, уголовно-процессуального законодательства. Такие преобразования в сфере уголовного судопроизводства должны соответствовать Конституции РФ (со-

© Кузьмина О. В., 2013

2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

гласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью), мировым стандартам в сфере защиты прав личности. «Краеугольным камнем» уголовно-процессуальной политики является вопрос применения принуждения, гарантированности обеспечения прав личности и законности их ограничения, оптимизации процессуальной формы. По большому счету речь идет о решении проблемы баланса личных, общественных и государственных интересов в сфере уголовного преследования [14, с. 26].

Одной из основных идей, заложенных в основу правовой реформы в России, является гуманизация уголовно-процессуального законодательства и, соответственно, уголовно-процессуальных правоотношений. Эта идея стала активно развиваться в 90-х гг. XX в. Принятие в 1993 г. Конституции РФ, закрепившей новые для нашего общества права и свободы, вступление в 1996 г. России в Совет Европы, требующее признания и соблюдения международно-правовых стандартов в области прав человека, не могли не отразиться на развитии российского законодательства. С этого времени отношения государства и личности стали наполняться новым содержанием.

Уголовно-процессуальная стратегия России на современном этапе характеризуется, в первую очередь, усилением внимания к личности, ее правам, свободам и законным интересам, а также гарантиям их обеспечения. Предложения ученых-процессуалистов, практиков, направленные на решение задач защиты прав личности, усиление состязательности, более широкое внедрение в систему уголовно-процессуальных норм идей справедливости, гуманизма, сделанные под влиянием социальных факторов 90-х гг., нашли отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) и практике его применения. Ориентация нашего государства на потребности и интересы личности стала составной частью общеевропейского процесса охраны прав и свобод граждан, чему в немалой степени способствовало признание Россией юрисдикции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Гуманизация уголовного судопроизводства означает, что законодатель, государство начинают обращаться лицом к человеку, вовлеченному в процесс расследования и судебного разбирательства по уголовным делам. И проявляется это не только в назначении уголовного судопроизводства и его основных принципах, но и в реальных процедурах и институтах демократического уголовного процесса (возрождение суда присяжных и мировой юстиции; усиление дифференциации уголовно-процессуальной формы; четкая регламентация порядка процедур получения разрешения суда на применение отдельных принудительных мер в отношении лиц, подвергаемых уголовному преследованию; введение института особого порядка судебного разбирательства и др.).

В свете гуманизации уголовного процесса нельзя не обратиться к вопросу о справедливости, без которой не могут решаться глобальные задачи защиты прав личности. Как отмечено в п. 5 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, справедливость включает в себя гарантированность законом прав и свобод человека, равную и эффективную защиту каждого со стороны закона [8, с. 653—654].

Ретроспектива мировой и отечественной практики свидетельствует о том, что справедливость и состязательность следует принимать за основу организации всего уголовного процесса. Они необходимы для законного и эффективного осуществления производства по уголовным делам. Вопросы взаимодействия справедливости и состязательности в уголовном судопроизводстве подлежат подробному изучению в целях выработки оптимальных

нормативных правил регулирования уголовно-процессуальных отношений. Стабильность всего уголовно-процессуального законодательства невозможна без дальнейшего теоретического осмысления принципа состязательности в уголовном процессе и его соотношения со справедливостью.

Любое демократическое государство должно создавать справедливые механизмы правовой защиты, одним из которых является уголовное судопроизводство. Поэтому важно правильно определить содержание справедливости в уголовном процессе, пределы ее действия.

В международных правовых документах неоднократно упоминается термин «справедливость» как необходимое условие осуществления правосудия во всех его формах. Справедливость является основой демократического правосудия. Европейский Суд по правам человека и Европейская комиссия по правам человека выработали ряд критериев, которые важны для понимания действия принципа справедливости правосудия (судебное решение по делу «Dombo Beheer B. V.» [16]). Основополагающим среди них является принцип равенства исходных условий, согласно которому обе стороны судебного разбирательства должны иметь равные возможности представить свою позицию и ни одна из сторон не должна пользоваться какими-либо существенными преимуществами. По сути дела справедливость правосудия зиждется на идеях равенства перед законом и судом и состязательности. В современном мире состязательная модель уголовного судопроизводства играет роль «эталоны, своего рода политического критерия демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства» [13, с. 18].

Идеи справедливости уголовного процесса легли в основу международных стандартов в сфере отправления правосудия и были регламентированы еще во Всеобщей декларации прав человека (ст. 10 — право на то, чтобы дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом) [1]. Критерием же соответствия судебной процедуры требованиям справедливости являются положения ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (Европейская Конвенция). Она гласит, что каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. В данной статье также определяется значение презумпции невиновности как одного из основных условий справедливости судебного разбирательства и устанавливается минимум процессуальных прав обвиняемого, который обеспечивает справедливость правосудия [4].

Право на справедливый суд включает принцип равенства сторон. Это означает, что обвинению и защите должна быть гарантирована равная возможность изложить и обосновать перед судом свою позицию по делу. Положение сторон в процессе должно быть справедливо уравновешено. В этом выражается суть принципа равенства исходных условий, который прямо не сформулирован в ст. 6 Европейской Конвенции, но приобрел четкие очертания в практике Европейского Суда по правам человека (например, в деле *Офнер и Хопфингер против Австрии* 1960 г. [17; 18], деле *Неймайстер* [10], деле *Бениш* [5]).

На вопрос — предполагает ли ст. 6 Европейской Конвенции право на состязательность, существуют две противоположные точки зрения:

- 1) ст. 6 закрепляет право на состязательность;
- 2) ни ст. 6, ни органы Конвенции не устанавливают, должен ли процесс носить состязательный характер.

Следует подчеркнуть, что принцип состязательности заключается в таком построении процессуального порядка судебного разбирательства и исследования в нем доказательств, при котором сторонам обеспечивается одинаковая возможность активно отстаивать свои или защищаемые (представляемые) права. Если, основываясь на этом положении, проанализировать ст. 6 Европейской Конвенции и практику Европейского Суда по правам человека, то можно прийти к следующим выводам. Право на состязательное судебное производство означает применительно к конкретному уголовному делу, что и обвинению, и защите должна быть предоставлена возможность ознакомиться с представленными замечаниями и выдвинутыми доказательствами другой стороны и высказаться по ним. Национальное законодательство может обеспечить соблюдение этого требования различными методами. Из текстов самих решений ЕСПЧ следует, что право на состязательность включается в понятие «справедливое разбирательство». Нужно лишь иметь в виду, что сущность принципа состязательности Европейским Судом по правам человека и Комиссией по правам человека понимается гораздо более узко, нежели это принято в российской уголовно-процессуальной доктрине. ЕСПЧ, говоря о праве на состязательное уголовное судопроизводство, не имеет в виду тип процесса, а сводит принцип состязательности к обеспечению равенства сторон, не затрагивая при этом вопроса о роли суда. В рамках российской правовой традиции не принято сводить состязательность только к процессуальному равноправию сторон.

Таким образом, государства вправе устанавливать любую форму процесса, не рискуя нарушить Европейскую Конвенцию, и вкладывать в понятие «состязательность» любое содержание в соответствии с их правовой традицией. Главное при этом закрепить в законодательстве и обеспечить реализацию в правоприменительной практике равные для сторон возможности представлять и использовать доказательства и высказываться по ним.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации идея равенства сторон в судебном разбирательстве получила достойное развитие. Однако надо помнить, что в российском процессе имеется еще и досудебное производство. Для того чтобы установить, имеется ли равноправие сторон, присущее состязательному процессу на досудебном производстве, достаточно обратиться к анализу процессуальных возможностей по участию стороны защиты в процессе доказывания (см., например, ст. 86 УПК РФ).

Равные возможности сторон обвинения и защиты по участию в процессе доказывания могут обеспечиваться одним из двух юридических способов:

1) закрепление за стороной защиты доказательств на тех же условиях, на которых собирают доказательства органы уголовного преследования (известно, что после многочисленных дискуссий в основу концепции УПК РФ не была положена идея введения независимого параллельного расследования, проводимого стороной защиты);

2) лишение сторон права на самостоятельное собирание доказательств. Полномочия по изъятию и фиксации фактических данных предоставляются независимому третьему лицу — судебному следователю или судье [15, с. 18].

Избавлением в досудебном производстве от несвойственных состязательности начал и одновременно утверждением традиционно устоявшихся элементов состязательности, на наш взгляд, будет служить институт судебных следователей.

Однако важным остается вопрос о роли суда в состязательном судопроизводстве. Состязательность, построенная по принципу «активные стороны и пассивный суд», в чистом виде не реализуется ни в одном национальном уголовном процессе. Тем более, в таком виде она не характерна для континентального европейского процесса, общепризнанные принципы которого отражены в Европейской Конвенции. Вместе с тем нельзя закрывать глаза на сложность проблемы, связанной с активной ролью суда в установлении фактических обстоятельств дела. Уголовный процесс зарубежных стран и России предусматривает определенную судебную активность в ходе судебного разбирательства уголовных дел, а полномочия суда позволяют влиять на собрание доказательств по делу. Однако подобная активность должна иметь определенные законом пределы. Тем не менее, ни уголовно-процессуальное законодательство, ни судебная практика не определили направления проявления судебной активности.

Представляется, что пассивный суд, не ищущий истины, безразлично относящийся к ее установлению, не может в полной мере защитить человека, государственные и общественные интересы, вынести законный, обоснованный и справедливый приговор. Поскольку именно суд, а не государственный обвинитель и защитник, несет полную ответственность за принятое решение, то он не может быть связан тем доказательственным материалом, который ему представляется обвинением и защитой. В том случае, если сторонами представлено недостаточно доказательств для обоснования решения по делу, суд может по собственной инициативе истребовать и исследовать доказательственную информацию. Иное положение не соответствует, на наш взгляд, ст. 6 УПК РФ. В то же время важно сохранить компромисс между обязанностью суда выносить законные и обоснованные решения и необходимостью проводить четкую границу, отделяющую функцию правосудия от функции обвинения.

Что касается требования справедливости, то в российском уголовном процессе свое прямое закрепление оно получило только применительно к приговору суда. Так, в ст. 297 УПК РФ указано, что приговор суда должен быть справедливым. Более того, законодатель ведет речь применительно к приговору лишь о справедливости назначенного в нем уголовного наказания (ст. 383 УПК РФ). Представляется, что в уголовном судопроизводстве содержание справедливости не должно ограничиваться указанным положением. Исходя из требований уже упоминавшихся международных документов, справедливость должна пронизывать всю процессуальную систему. Ее содержание должно распространяться на все процессуальные институты, принимаемые решения и осуществляемые должностными лицами и государственными органами действия [2, с. 10]. Несправедливым является избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, когда обстоятельства дела, а также сведения о личности обвиняемого вполне позволяли оставить его на свободе. Как несправедливый воспринимается также приговор суда, по которому осужден невиновный или оправдан виновный. Очевидно, что справедливым может быть только законный и обоснованный приговор. Оценка приговора с использованием высшего критерия, каким является категория справедливости, позволяет судить, насколько справедливым является само правосудие. Только неангажированное, нелицемерное и непредвзятое правосудие способно генерировать законный, обоснованный и справедливый приговор [3, с. 69].

Отсутствие нормативного закрепления категории справедливости создает, на наш взгляд, опасность ее игнорирования в процессе правоприменения. Справедливость в уголовном судопроизводстве выражается не только в том, чтобы надлежащим образом установить процессуальный статус его субъектов, наполнив его соответствующим содержанием. Справедливость как идея должна определять наличие в системе уголовного судопроизводства процессуальных институтов, обеспечивающих неотвратимость уголовной ответственности, а также применение к виновному соразмерного наказания. Справедливости следует придать рациональный характер.

Основным условием справедливости уголовно-процессуальной деятельности является справедливый закон. Соблюдение закона, его применение осуществляется на основе истолкования содержания законодательных положений, их действительного смысла, что неоднократно подчеркивал в своих решениях Конституционный Суд РФ [12]. Возможность неоднозначного понимания смысла закона и, соответственно, различия в его применении создают условия для проявления несправедливости при формальном соблюдении закона, т. е. деятельность будет формально законной, но несправедливой по своей сути.

Справедливость можно рассматривать как одну из основ построения уголовного процесса, нравственный критерий правосудия [6, с. 183]. Она представляет собой нравственную установку, определяющую меру добра и зла в поступках и решениях человека, общества и государства.

В целом же справедливость в современном российском уголовном процессе — категория, определяющая беспристрастность, правильность, осуществление деятельности на законных и честных основаниях. Идеи справедливости, заключающиеся в возможности привлечения к уголовной ответственности только на основе убедительных, доказанных и полностью соответствующих фактически происшедшему обстоятельствах, характеру общественно опасного деяния и личности виновного, координируются с принципом презумпции невиновности. Согласно последнему, лицо считается невиновным до тех пор, пока вина не доказана в предусмотренном законом порядке. Справедливость в уголовном процессе в известном смысле подразумевает и другие важнейшие его принципы, и в первую очередь законность, равенство граждан перед законом и судом, состязательность. Вместе с тем каждый из них характеризует какую-то качественную сторону справедливости в уголовном процессе, без которой нет и не может быть справедливости в целом. В контексте идеи справедливости при производстве по уголовным делам, так или иначе, находится большинство принципов, норм и институтов уголовно-процессуального права. В соответствии с требованиями справедливости устанавливается порядок пересмотра судебных решений, как не вступивших, так и вступивших в законную силу, обеспечивающий возможность устранения судебной ошибки.

Однако заметим, что требования законности, обоснованности и справедливости не всегда означают установление истины по делу. Так, требование неперменного установления истины по каждому уголовному делу несовместимо с установленным Конституцией РФ (ст. 51), а затем и в нормах УПК РФ (п. 3 ч. 4 ст. 47) правом обвиняемого на молчание, правом не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и родственников, а также в иных случаях освобождения лиц от обязанности давать свидетельские показания. Установив право на свидетельский иммунитет, законодатель явно предпочел охрану лежащих в основе этого иммунитета ценностей (презумпции невиновности, со-

хранения родственных отношений и т. п.) установлению истины «любыми средствами» [7, с. 5]. Доминирование юридической истины над материальной отражает современные представления о социальной ценности судебной процедуры не как репрессии, а прежде всего как способа разрешения возникающих конфликтов с наименьшими потерями для общества [9, с. 4].

Таким образом, справедливость является конструктивной целью уголовного судопроизводства, выполняет функцию системообразующего фактора. В соответствии с его содержанием формируется вся система уголовно-процессуального регулирования, начиная с принципов, а также осуществляется процесс правоприменения. Однако следует задуматься о том, как обеспечить справедливость в условиях современного состязательного процесса, где действуют презумпции, юридические фикции, стороны наделены правом заключать мировые соглашения и соглашения о сотрудничестве, ходатайствовать об исключении доказательств из производства по делу, о постановлении приговора без исследования доказательств, а также иными способами влиять на ход и результаты уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
2. *Гладышева О. В.* Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 46 с.
3. *Демидов И. Ф.* Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 66—76.
4. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4.XI.1950 г.). URL: <http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/6AE69C60-8259-40F8-93AF-8EF6D817C710/0/RussianRusse.pdf>.
5. Ефективність рішень Європейського суду з прав людини, або справи, розглянуті з 1959 по 1998 рік (Effects of Judgments of Cases 1959—1998) // Практика Європейського суду з прав людини. 1999. № 4. URL: <http://eurocourt.in.ua/Article.asp?Aidx=112>.
6. *Качалова О. В.* К вопросу о гуманизации современного российского уголовного судопроизводства // Право : история, теория, практика : сб. ст. и материалов. Брянск : Ладомир, 2009. Вып. 13. С. 178—186.
7. *Лупинская П. А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5—8.
8. Международные акты о правах человека : сб. док. М. : Норма, 1998. 753 с.
9. *Михайловская И.* Права личности — новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2—4.
10. Неймайстер против Австрии (Neumeister v. Austria) : постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июня 1968 года (жалоба № 1936/63) // Европейский Суд по правам человека : сайт Олега Анищика. URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/nejmajster-protiv-avstrii-neumeister-v-avstria-postanovlenie-evropejskogo-suda>.
11. *Нерсисянц В. С.* Философия права. М. : Изд. группа ИНФРА•М-НОРМА, 1997. 652 с.
12. О проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18—П // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.
13. *Смирнов А. В.* Состязательный процесс. СПб. : Альфа, 2001. 320 с.

14. Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. 50 с.
15. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 220 с.
16. Case of *Dombo Beheer B. V. v. the Netherlands* (Application no. 14448/88) Judgment of The European Court of Human Rights. Strasbourg, 1993. 27 October. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=Dombo%20%7C%20Beheer&sessionid=87604243&skin=hudoc-en>
17. *Hopfinger v. Austria*. No. 617/59. 19th December 1960 // Yearbook of the European Convention on Human Rights / Annuaire de la convention europeenne des droits de l'homme. Vol. 12 (1969) : Vol. III. P. 370—392 ; Vol. VI. P. 708—712.
18. *Ofner v. Austria*. No. 524/59. 19th December 1960 // Ibid. Vol. 12 (1969) : Vol. III. P. 322—354 ; Vol. VI. P. 708—712.

ББК 67.404.211.11

Е. В. Тресцова

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕДВИЖИМОСТИ, КОТОРАЯ БУДЕТ СОЗДАНА ИЛИ ПРИОБРЕТЕНА В БУДУЩЕМ (БУДУЩАЯ НЕДВИЖИМАЯ ВЕЩЬ)

Предпринята попытка установить понятие недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем, и квалифицировать ее признаки. Рассматриваются некоторые вопросы, связанные с формированием представлений о правовом статусе будущей недвижимой вещи. Анализируются договоры купли-продажи данного вида недвижимости и их отличия от сделок подряда, совместной деятельности (простого товарищества), инвестиционного соглашения, предварительного договора купли-продажи с учетом правовых позиций Высшего арбитражного суда Российской Федерации и модернизации гражданского законодательства об обороте недвижимого имущества.

Ключевые слова: недвижимость, которая будет создана или приобретена в будущем, будущая недвижимая вещь, правовой статус недвижимости, договор купли-продажи, предварительный договор, договор подряда, договор о совместной деятельности (простого товарищества), инвестиционный договор.

The author has attempted to set a concept of real property, which will be created or acquired in future and to qualify its attributes. Some questions connected with formation of ideas on legal status of immovable thing to-be are studied. The article deals with the analysis of purchase and sale contracts concerning such type of real property and their differences from contracts of work and labour, particular partnership (contract for joint activity), investment agreement, preliminary purchase and sale contracts with regard to legale views of Supreme Commercial Court of the Russian Federation and revision of civil legislation concerning turnover of real property.

Key words: real property, which will be created or acquired in future, immovable thing to-be, legal status of real property, purchase and sale contract, preliminary agreement, work and labour contract, particular partnership (contract for joint activity), investment agreement.

Гражданское законодательство Российской Федерации содержит понятие недвижимой вещи (недвижимости, недвижимого имущества), установленное в ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [4]. Речь идет о земельном участке, участке недр, здании, сооружении, объекте незавершенного строительства и ином объекте недвижимости, имеющем прочную связь с землей и перемещение которого невозможно без несоизмеримых затрат его целевому назначению.

Общими квалифицирующими признаками недвижимого имущества являются прочная связь объекта с землей и невозможность перемещения в пространстве без несоизмеримых затрат его целевому назначению. Развитие законодательства об обороте недвижимого имущества предполагает формирование новых объектов недвижимости, которые отвечают критериям, предъявляемым к вещам подобного рода [25, с. 34]. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе, принятая на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 15 декабря 2003 г. (протокол № 18), закрепила основополагающую идею о том, что изменение отношений, связанных с недвижимым имуществом, возможно лишь в рамках единой концепции развития законодательства о недвижимости, которая признавалась бы всеми основными участниками законотворческого процесса и правоприменения [10, с. 6—7].

Единая концепция развития законодательства о недвижимости получила свою модификацию в Указе Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», в статье первой которого была поставлена задача отражения в кодексе опыта его применения и толкования судом [17]. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, принятая 7 октября 2009 г. Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, вычленила функцию гражданского права по систематизации комплекса взаимосвязанных институтов вещного права, имеющей своей основой право собственности, и объединенных развернутой системой общих норм вещного права. При этом было замечено, что в условиях развитого рынка вещные права на недвижимое имущество должны составлять ядро стабильного гражданского права, однако в действующем законодательстве они намечены пунктирно и с серьезными искажениями. В то же время в развитых правовых системах создана стабильная система вещных прав на землю и другие природные объекты, строения и иные виды недвижимостей. В связи с данным утверждением юридические нормы о недвижимых вещах требуют комплексного регулирования, включающего одновременно гражданско-правовое (частноправовое) и природоресурсовое (публичное) регламентирование [11, с. 25—26].

В проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» предлагается модернизировать понятие недвижимой вещи с учетом элементов ее правового статуса, т. е. юридически значимых действий, которые могут совершаться с недвижимостями, включая правило о государственной регистрации прав на них в специальном реестре [15]. Представляется, что такой подход позволяет индивидуализировать недвижимое имущество через данные кадастрового учета в первом подразделе Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) и направить судебную практику в русло

толкования данных, способствующих однозначно квалифицировать объект недвижимости через учетно-информационные сведения о нем.

Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» предусматривает систему государственной регистрации прав на недвижимое имущество и рассматривает ее через призму юридического основания возникновения, изменения и прекращения прав на недвижимость, т. е. особого юридического факта. При этом отменяется «двойная регистрация» прав и сделок с недвижимым имуществом. Приоритет отдается государственной регистрации прав на недвижимые вещи. В отношении государственной регистрации договора продажи недвижимости вносится корректировка, согласно которой договор не требует государственной регистрации. Объектом такой сделки может быть любая недвижимая вещь [14].

Однако законодатель исходит из презумпции о том, что предметом договора купли-продажи может быть вещь, которая на момент заключения договора не существует как объект права и может быть создана продавцом в будущем к моменту исполнения обязательства по передаче такой вещи в рамках заключенного договора [1]. Так, п. 2 ст. 455 ГК РФ устанавливает, что предметом договора купли-продажи может быть товар, имеющийся в наличии у продавца на момент заключения договора, или товар, который будет создан или приобретен продавцом в будущем, если иное не установлено законом или не вытекает из характера товара [2].

Как подчеркивает Р. С. Бевзенко, российские суды уклоняются от применения прямого указания закона, допускающего принятие на себя продавцом обязательства передать покупателю в собственность вещь, в момент заключения сделки ему не принадлежащую [1]. Они полагаются на правовую традицию германской модели права собственности о том, что нельзя при заключении договора распорядиться вещью, которая будет создана в будущем и право на которую еще не зарегистрировано за продавцом. По указанной причине следует дифференцировать два юридических факта: во-первых, момент заключения договора купли-продажи недвижимой вещи, которая будет создана или приобретена в будущем, и, во-вторых, момент передачи недвижимого имущества в собственность покупателя.

Пленум Высшего арбитражного суда Российской Федерации (ВАС РФ) в постановлении от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» констатирует отсутствие запретов заключать договоры купли-продажи в отношении будущих недвижимых вещей. Право собственности продавца на эти вещи не должно быть зарегистрировано в ЕГРП на дату заключения договора, но по его условиям возникает у продавца в будущем [16]. Отсутствие у продавца права собственности на будущую недвижимую вещь в момент заключения договора не свидетельствует о его недействительности. Однако на момент передачи такой недвижимости по передаточному акту к покупателю продавец должен обладать правом собственности на нее [9].

Правовая позиция высших судов свидетельствует о том, что появляется новое понятие трактовки недвижимого имущества — недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем (будущая недвижимая вещь) [23]. Для нее, помимо общих признаков недвижимого имущества, характерны специальные квалифицирующие критерии: 1) на момент заключения догово-

ра купли-продажи будущая недвижимая вещь как объект сделки изначально отсутствует, так как предполагается ее создание или приобретение к моменту передачи вещи по договору; 2) на момент передачи вещи продавец обязан не только создать имущество или приобрести его, но и зарегистрировать право собственности на недвижимость в ЕГРП.

Правовой статус или система юридически значимых действий по поводу будущей недвижимой вещи предполагает наличие следующих действий:

- создание, т. е. образование нового объекта гражданских прав продавцом;
- приобретение, т. е. совершение действий по приобретению в собственность недвижимой вещи продавцом у третьих лиц;
- отчуждение отсутствующей у продавца недвижимости по договору купли-продажи к покупателю до создания или приобретения предмета договора в будущем;
- передача созданной или приобретенной продавцом недвижимости по акту к покупателю с предварительным совершением действий по индивидуализации вещи, включая межевание, государственный и кадастровый учет, регистрацию права собственности на имущество за продавцом;
- регистрация права собственности покупателя на вещь в ЕГРП как надлежащее условие исполнения договора купли-продажи будущей недвижимости.

Правовой режим созданной или приобретенной продавцом будущей недвижимой вещи строится на необходимости дифференциации ее как особого объекта недвижимости, отличного от традиционного предмета договора купли-продажи и иных смежных с ним сделок [24]. Помимо купли-продажи будущей недвижимой вещи в юридической практике имеют место договоры, которые на момент их заключения не имеют в качестве овеществленного результата недвижимое имущество. Речь идет об инвестиционных договорах, договорах о совместной деятельности (простого товарищества) и договорах подряда на капитальное строительство [18].

В юридической доктрине длительное время обсуждался вопрос о правовой природе инвестиционных договоров в сфере финансирования строительства недвижимости. Отдельные ученые полностью отрицали самостоятельное значение таких сделок [12]. Другие выдвигали доводы о том, что это смешанные договоры, которые концентрируют элементы различных гражданско-правовых сделок, поименованных в ГК РФ [13]. Третьи полагались на самостоятельную правовую природу таких договоров и предлагали юридически оформить новую отрасль российского законодательства (инвестиционное право) [7].

Судебная практика на разных этапах своего развития поддерживала то одну, то другую позицию и не могла определиться с единообразным толкованием гражданско-правовых норм по данному вопросу [5]. В настоящее время Пленум ВАС РФ предложил не рассматривать категорию «инвестиция» как самостоятельное юридическое понятие. Инвестиции суть денежные средства лица, размещаемые им в определенную деятельность для получения прибыли. Инвестиции могут оформляться через использование различных правовых форм: заем, аренда, совместная деятельность и иные договорные и корпоративные отношения [6].

Правоприменительная практика констатирует наличие трех моделей привлечения инвестиций в оборот недвижимого имущества [8]. Во-первых,

конструкция инвестиционных соглашений, согласно которым инвестор и застройщик, заключая договор, приобретают по отношению друг к другу следующие обязательства: инвестор должен уплатить застройщику обусловленную договором денежную сумму, а застройщик обязывается передать в собственность инвестора недвижимое имущество по факту его создания. Имеют место случаи, когда инвестор привлекает к участию в договоре соинвестора и уступает последнему право требовать исполнения от застройщика, а инвестор получает от соинвестора за это денежные средства. По мнению Пленума ВАС РФ, такие сделки, несмотря на их поименованность в качестве инвестиционных договоров, представляют по своей правовой сущности договор купли-продажи будущей недвижимой вещи. Объяснение состоит в том, что по договору купли-продажи одна сторона, именуемая продавцом, обязуется совершить в пользу другой стороны, именуемой покупателем, действия по передаче в собственность вещи, а покупатель обязуется принять такую вещь после ее создания или приобретения у третьего лица в собственность и уплатить за нее обусловленную плату (цену) [3].

Во-вторых, зачастую стороны договора оформляют обязательства по совместной деятельности или простого товарищества, по условиям которого один из товарищей участвует в нем вкладом в виде права собственности на земельный участок, а другие лица осуществляют проектные, строительные, изыскательские работы. Кроме того, некоторые товарищи привлекают специалистов, которые осуществляют контроль и надзор за процессом строительства. Вклады участников в обязательном порядке оцениваются в денежном выражении и на их основе создается результат совместной деятельности — инвестиционный проект. Овеществленный результат простого товарищества без регистрации юридического лица становится объектом права общей собственности участников и подлежит разделу согласно достигнутому между ними соглашению. Обычно на стоимость вклада каждого участника выделяется доля, пропорциональная размеру вклада в совместную деятельность [1].

В-третьих, не исключаются модели подрядных сделок, в соответствии с которыми инвестор участвует в проведении определенных работ по созданию их овеществленного результата, а застройщик принимает такую деятельность как плату за передачу определенного объекта недвижимости. При этом инвестор-подрядчик может привлекать субподрядчиков для выполнения отдельных видов работ, а также софинансирования строительной деятельности и пополнения оборотных средств покупателями недвижимого имущества [23].

ВАС РФ при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, рекомендует устанавливать правовую природу договоров и разрешать спор по правилам соответствующей главы ГК РФ о купле-продаже, подряде, простом товариществе [16]. Однако если не установлено иного, судам следует квалифицировать такие сделки как договор купли-продажи будущей недвижимой вещи. При этом право собственности на такое имущество должно возникать не у лиц, которые финансируют строительство недвижимости согласно инвестиционному законодательству, а у покупателя, который должен зарегистрировать свое право собственности на недвижимость в ЕГРП.

Если договор не имеет признаков подряда, простого товарищества, купли-продажи, а связан с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, то его

следует относить к сделкам купли-продажи будущей недвижимой вещи [3]. Правовой режим такого договора имеет следующие особенности. Продавец не может быть понужден к совершению действий по приобретению или созданию вещи, подлежащей передаче покупателю в будущем. В то же время покупатель по договору вправе требовать понуждения продавца к исполнению обязательства по передаче недвижимой вещи, являющейся предметом договора. Это правило следует из толкования смысла ст. 308 ГК РФ. Такой иск подлежит удовлетворению, если суд установит, что спорное имущество имеется в натуре и им владеет по договору продавец, право собственности которого на спорное имущество зарегистрировано в ЕГРП.

При этом не исключается дополнительное требование об исполнении обязательства по передаче имущества и о государственной регистрации перехода права собственности по договору купли-продажи недвижимого имущества. Такой подход соответствует требованиям п. 3 ст. 551 ГК РФ.

Если в спорной ситуации истцом были заявлены требования о признании права собственности на недвижимое имущество и истребовании его у ответчика, то такие требования необходимо квалифицировать как иск о понуждении к исполнению обязательства по передаче индивидуально-определенной вещи и о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимую вещь, являющуюся предметом договора купли-продажи.

В том случае, если продавец исполнил обязанность по передаче недвижимой вещи и ею владеет покупатель, а право собственности на объект зарегистрировано за продавцом, то необходимо ставить вопрос о понуждении продавца к государственной регистрации перехода прав на имущество к покупателю.

Если у продавца отсутствует недвижимое имущество, которое он должен передать в собственность покупателю (речь может идти о недвижимом имуществе, которое не создано или создано, но передано другому лицу), либо право собственности на это имущество не зарегистрировано в ЕГРП, то покупатель вправе потребовать возврата уплаченной продавцу денежной суммы и уплаты процентов на нее согласно п. 3, 4 ст. 487 ГК РФ. Кроме того, в качестве защиты может быть избран способ возмещения причиненных убытков, рассчитанный как разница между ценой недвижимого имущества, указанной в договоре купли-продажи, и текущей рыночной стоимостью такого имущества.

Если сторонами заключен договор, поименованный ими как предварительный, в соответствии с которым они обязуются заключить в будущем на предусмотренных ими условиях основной договор о продаже недвижимого имущества, которое будет создано или приобретено в последующем, но при этом предварительный договор устанавливает обязанность приобретателя имущества до заключения основного договора уплатить цену недвижимого имущества или существенную ее часть, то суды должны квалифицировать такую сделку как куплю-продажу будущей недвижимости [18].

От договора строительного подряда сделку купли-продажи будущей недвижимой вещи отличает то, что право собственности на земельный участок под зданием (сооружением) возникает у застройщика. Если застройщик предоставил земельный участок под строительство, то право собственности на объект недвижимости возникает у него с момента государственной регистрации такого права в ЕГРП. Подрядчик, осуществлявший строительство, имеет право на оплату выполненных работ в соответствии с договором, а при неисполнении условий договора стороной, предоставившей земельный участок, имеет право требовать исполнения обязанности по их оплате или возмещения причиненных

убытков, уплаты предусмотренной договором неустойки, а также может воспользоваться правом, предусмотренным ст. 712 ГК РФ.

Если подрядчик в счет договора имеет право на оплату в натурально-вещественном выражении в форме получить в собственность часть помещений в объекте недвижимого имущества, то такой договор есть смешанная сделка, сочетающая в себе элементы купли-продажи будущей недвижимости и договора подряда на капитальное строительство.

Если в договоре стороны предусмотрели условие о внесении общих вкладов в создание объекта недвижимости, то такой договор следует относить к сделкам простого товарищества. Общее имущество товарищей подпадает под режим права общей долевой собственности, пропорционально размеру внесенного вклада. Договором может быть предусмотрен и режим общей совместной собственности на недвижимость, если соглашением между товарищами или существом обязательства не вытекает иное. Право товарищей на помещение возникает с момента государственной регистрации в ЕГРП. Земельный участок под зданием (сооружением) может закрепляться по праву общей долевой собственности пропорционально площади помещения в объекте недвижимости или по праву аренды с множественностью лиц на стороне арендатора, которые имеют права на помещения. Исключением из данного правила является ситуация, когда земельный участок оформлен по праву собственности за одним из товарищей, тогда другие товарищи не имеют прав на земельный участок, а в государственной регистрации их права на помещения должно быть отказано.

Исходя из оценки договора купли-продажи будущей недвижимой вещи можно заключить, что речь идет о соглашении, по которому продавец обязуется создать или приобрести для покупателя недвижимое имущество (будущую недвижимость), а покупатель после исполнения продавцом взятых на себя обязательств по созданию или приобретению такой недвижимости обязуется принять ее в свою собственность и оплатить в целом или в существенной части цену, согласованную сторонами, до момента передачи ему продавцом будущей недвижимой вещи. Судебная практика также подтверждает данный тезис. В частности, Арбитражный суд Ивановской области, давая толкование договора, заключенного между хозяйствующими субъектами по делу № А17-3774/ 2012, указал, что фактически между сторонами был заключен не предварительный договор, а договор купли-продажи будущей недвижимой вещи [21]. В качестве аргументов суд привел факт полной оплаты цены по заключенному между сторонами договору, что свидетельствует об отсутствии в нем квалифицирующих признаков предварительного соглашения. С данными обоснованиями согласилась и апелляционная инстанция, в постановлении которой указывается на правильное применение судом первой инстанции норм материального права, согласно которым договор следует отнести к соглашению купли-продажи будущей недвижимости [19].

Аналогичное решение было принято Арбитражным судом по делу № А17-3776/ 2012, согласно которому при квалификации заключенного между сторонами договора были установлены признаки купли-продажи будущей недвижимой вещи по мотиву полной оплаты покупателем цены до момента передачи имущества продавцом [22]. Корректность судебного акта подтверждена постановлением вышестоящей судебной инстанции [20].

Такой договор следует отнести к консенсуальным, возмездным и двустороннеобязывающим сделкам. Свойство консенсуальности предполагает

установление предмета соглашения как будущей недвижимой вещи, цены, условия об оплате в целом или в большей части до передачи объекта покупателю. Данный договор является видом купли-продажи недвижимости и требует акта государственной регистрации перехода права собственности на будущую недвижимость от продавца к покупателю.

Подобного рода договор существенно отличается от подряда, совместной деятельности и смешанных сделок. Они имеют специальные правила правового регулирования в ГК РФ. Специалисты при их заключении должны руководствоваться данными требованиями и не применять аналогию норм о договоре купли-продажи.

Значение договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем, по нашему мнению, состоит в том, что это юридический инструмент регулирования имущественных отношений в сфере оборота вещи, которая будет наделена признаками индивидуально-определенной вещи в будущем. Механизм правового регулирования подобного рода сделок позволяет участвующим в них лицам выбрать определенный вариант поведения и обезопасить себя от недобросовестных участников рынка недвижимости. В этой связи законодатель предлагает ряд правовых гарантий для покупателя, оплатившего такую вещь, а именно: право требовать государственной регистрации перехода права собственности на нее от продавца к покупателю. Несомненно, что появление новой юридической конструкции — будущей недвижимости — позволит укрепить оборот недвижимости через правила государственной регистрации прав на нее. При этом правоприменитель в лице арбитражных судов дает однозначные рекомендации, отграничивающие договор по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем, от смежных договорных форм. Все это нацелено на модернизацию гражданского законодательства в области вещных и обязательственных прав, реформирование которых происходит в настоящее время.

Библиографический список

1. *Бевзенко Р. С.* Квалификация и последствия сделок с будущей недвижимой вещью : коммент. к постановлению Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 года № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 84—105. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. *Бычков А. И.* Отчуждение будущих вещей и имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 6. С. 52—66. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. *Валявина Е. Ю.* О гражданском обороте объектов незавершенного строительства // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 46—55. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации : части первая, вторая, третья и четвертая, с изм. и доп. М. : Статут, 2013. 160 с.
5. *Евдокимов А.* Анализ судебной практики по Постановлению Пленума ВАС РФ № 54 от 11 июля 2011 г. // Жилищное право. 2012. № 6. С. 7—15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. *Ершов О. Г.* О применении норм в регулировании договорных отношений по поводу приобретения или создания в будущем недвижимости // Вестник арбитражной практики. 2012. № 1. С. 10—15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Защита прав инвесторов в капитальном строительстве / под ред. В. А. Баранова, О. Н. Потюковой. М. : Деловой мир, 2012. 192 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. *Кайль А.* Судебно-арбитражная практика разрешения споров в отношении недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем // Жилищное право. 2012. № 8. С. 59—70. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. *Каранетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. 453 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства ; Исслед. центр частного права ; под общ. ред. В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской. М. : Статут, 2004. 95 с.
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. М. : Статут, 2009. 160 с.
12. *Майфат А. В.* Инвестиционные договоры: есть ли таковые (Продолжение дискуссии) // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 166—172. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. *Мустафина З. К.* Приобретение права собственности на объекты незавершенного строительства по договору купли-продажи будущей недвижимой вещи: практика и тенденции развития гражданского законодательства // Юрист. 2012. № 3. С. 42—45. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 Гражданского кодекса Российской Федерации : ФЗ от 30.12.2012 № 302-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект ФЗ № 47538-6 от 27.03.2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем : постановление Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9. С. 148—153. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации : Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 // Рос. газета. 2008. 18 июля.
18. *Писаренко О.* Предварительный договор: до и после переговоров // Жилищное право. 2012. № 8. С. 39—44. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11 декабря 2012 г. по делу № А17-3774/ 2012 // Архив Арбитражного суда Ивановской области за 2012 год. Дело № А17-3774/ 2012.
20. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2012 г. по делу № А17-3776/ 2012 // Там же. Дело № А17-3776/ 2012.
21. Решение Арбитражного суда Ивановской области от 14 сентября 2012 г. по делу № А17-3774/ 2012 // Там же. Дело № А17-3774/ 2012.
22. Решение Арбитражного суда Ивановской области от 14 декабря 2012 г. по делу № А17-3776/ 2012 // Там же. Дело № А17-3776/ 2012.
23. *Скловский К. И.* Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Закон. 2012. № 3. С. 90. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
24. *Скловский К. И.* Сделка и ее действие. М. : Статут, 2012. 78 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
25. *Тресцова Е. В.* Регулятивная функция гражданского права и институт недвижимого имущества: проблемы модернизации // Модернизация функций права и государства: традиции, установки, тенденции, перспективы : сб. материалов IX

Междунар. науч.-практ. конф. (10—11 дек. 2011 г.) : в 3 т. / сост. В. В. Груздев. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. Т. 2. С. 33—47.

ББК 67.404.53

О. Ю. Таибова

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется действующее законодательство в части, касающейся закрепления прав и обязанностей несовершеннолетних граждан. Предпринята попытка сформулировать определение понятия правового статуса несовершеннолетних; предлагается перечень мер, обеспечивающих защиту их прав и законных интересов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, ребенок, дети, правовой статус, права, свободы, обязанности.

The article is concerned with the legal status of the minor citizen of the Russian Federation. The analysis of the laws in force insofar as they relate to the consolidation of the rights and duties of the minor citizens brings us to the conclusion that, as of today, there is no clear definition of the legal status of the said category of citizens. When it comes to special considerations relating to child status in the context of the Russian law, it seems certain that the age criterion is a basic but also to a large extent formal characteristic distinguishing a child as a special subject of legal relations.

Key words: the minors, a child, children, legal status, rights, freedoms, duties.

Сложные связи, возникающие между государством и индивидом, и взаимоотношения людей друг с другом фиксируются государством в юридической форме — в форме прав, свобод и обязанностей, образующих правовой статус человека и гражданина. Это одна из важнейших политико-юридических категорий, которая неразрывно связана с социальной структурой общества, уровнем демократии, состоянием законности. Права, свободы и обязанности человека и гражданина реализуются на основе равноправия. Это главный принцип, характеризующий правовой статус личности. Права и свободы человека и гражданина, будучи сложной правовой категорией, представляют собой не простую совокупность, а систему, так как им присущи все качества последней: единство и внутренняя дифференциация.

Права и обязанности — основной исходный элемент права. Следует согласиться с Г. В. Мальцевым, что ничего более важного в структуре права, по существу, нет. «Система прав и обязанностей — сердцевина, центр правовой сферы, и здесь лежит ключ к решению основных юридических проблем» [5, с. 50].

© Таибова О. Ю., 2013

2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Права человека — это субъективные права, выражающие не потенциальные, а реальные возможности индивида, закрепленные в конституциях и законах.

Разумеется, права личности чрезвычайно многообразны по содержанию, объему, способам реализации. Однако закрепление того или иного субъективного права в законодательстве должно означать реальную возможность индивида свободно пользоваться определенным благом, совершать определенные действия в границах и в порядке, обозначенных в законе.

Государство закрепляет права личности не произвольно; оно юридически оформляет естественные права человека, а также набор прав, который обусловлен уровнем экономического развития общества. Следует отметить, что ни один человек не может реализовать сразу все субъективные права, входящие в его правовой статус. Однако это не дает основания для вывода о различии правового статуса или объема субъективных прав.

Субъективное право как юридическая категория раскрывается через набор определенных признаков: возможность пользования данным социальным благом; полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других лиц; свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права; возможность обратиться к государству для защиты нарушенного права [9, с. 95].

Понятие «несовершеннолетний» можно найти в разных отраслях права, где оно имеет специфическое содержание, определяющее особенности общественных отношений, регулируемых данной отраслью права. Что касается общего юридического понятия несовершеннолетия, то оно содержит и общую демографическую характеристику лиц определенного возраста. В законодательстве, юридической практике и юридической литературе чаще используется термин «несовершеннолетний», реже — «несовершеннолетие». Связано это с тем, что акцент делается, прежде всего, на права, свободы и обязанности несовершеннолетних. Понятие «несовершеннолетие» больше привлекает внимание в теоретическом плане — изучение возрастного периода несовершеннолетия, признаков личности, причин специфического поведения несовершеннолетних.

Несовершеннолетний — тот, кто не достиг определенного возраста, с которым закон связывает всю гражданскую дееспособность, то есть возможность реализовать в полном объеме предусмотренные Конституцией и другими законами страны субъективные права, свободы и юридические обязанности.

Детство — период, длящийся от рождения до полной социальной и психологической зрелости, становления ребенка полноценным членом гражданского общества. Однако продолжительность детства, собственно, как и жизни человека, социально различна. Этапы и границы детства подвержены социальным изменениям, поэтому невозможно изучать детство ребенка вне развития человеческого общества и законов, его определяющих. В российском законодательстве и, соответственно, правоотношениях, регулируемых им, существует достаточно большое количество специальных субъектов, статус которых специфичен по причине наличия у них тех или иных особенностей: профессиональных, половых, должностных, возрастных, некоторых иных. Ребенок — специальный субъект правовых отношений. Содержание правового понятия «специальный субъект» дает основания полагать, что лицо, обладающее его признаками, наделено особыми правами либо, напротив, ограничено в них. Относительно особенностей

статуса ребенка, рассматриваемого нами с точки зрения российского права, представляется, что возрастной критерий является основополагающим и вместе с тем во многом формальным признаком, выделяющим ребенка как специального субъекта правоотношений.

В ст. 1 Федерального закона РФ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» установлено, что ребенком является лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия) [8]. Однако, как свидетельствует сравнительный анализ российского и международного правового опыта в сфере данной проблематики, любая дифференциация людей по возрасту, в том числе в установленном законодательством порядке, является достаточно условной. Градация возрастного ценза при наделении индивида определенными правами, в том числе частичной или полной правосубъектностью, зависит от многих обстоятельств: конкретного исторического периода, переживаемого государством, нормативных изменений, национальных особенностей, различных подходов каждого из государств международного сообщества к данному вопросу и т. д. Следует отметить, что условность времени реализации человеком прав, предоставляемых ему по причине детского возраста в законодательном порядке государством, зачастую обоснована такими индивидуально-личностными признаками, как его физиологическое развитие, биологические и психологические особенности, которые нередко развиваются по собственному графику, не соответствуя традиционной норме возраста, определенной правом.

Главный признак ребенка как специального субъекта — это возрастные границы, в рамках которых он существует в данном статусе. Фактически ни одна категория граждан, кроме детей, не выделяется законодателем только возрастными критериями. Возраст совершеннолетия не является универсальным для всех государств мира. Обычно граница совершеннолетия — 18 лет. Но есть страны, где совершеннолетними считаются лица, достигшие возраста 15, 20 лет и 21 года. Поэтому когда о возрастной группе несовершеннолетних идет речь в международно-правовых актах, чаще всего границей совершеннолетия указывается 18 лет, после чего делается оговорка: «если иной возраст не установлен национальным законодательством». Именно так определяют совершеннолетие Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), от 29 ноября 1985 г. Минимальные стандартные правила специально сформулированы таким образом, чтобы они могли применяться в рамках различных правовых систем, тем самым полностью учитывая экономические, социальные, политические, культурные и правовые системы государств-членов, и в то же время устанавливать некоторые минимальные стандарты в обращении с несовершеннолетними правонарушителями при любом существующем определении совершеннолетия и при любой системе обращения с несовершеннолетним правонарушителем. Поэтому понятие «несовершеннолетний» охватывает широкий возрастной диапазон от 7 до 18 лет или старше, что представляется неизбежным ввиду многообразия национальных правовых систем [6, с. 296].

Термин «несовершеннолетний» — порождение национальных законодательств, поэтому часто можно встретить его синонимы: «ребенок», «подросток», «частично дееспособный» и т. д. Это надо иметь в виду, чтобы не принять как не относящиеся к несовершеннолетним те или иные национальные законы или международно-правовые акты. Например, самый универсальный

документ о защите детства — Конвенция ООН о правах ребенка [2] разъясняет, что под ребенком понимается каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к конкретному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. Термины «несовершеннолетний», «дети», «ребенок» являются равно аутентичными.

Как отмечает Э. Б. Мельникова, включив в законы понятие несовершеннолетнего, законодатели государств и всего международного сообщества установили юридическую границу между несовершеннолетием и совершеннолетием, создав тем самым автономную демографическую группу людей — носителей специфических прав и обязанностей [7, с. 38]. Возрастная неадаптированность (неприспособленность) несовершеннолетних к меняющимся условиям жизни требует компенсации с помощью специальной, повышенной правовой защиты этих лиц. Такая защита, предусмотренная в законах, также считается неотъемлемым признаком юридического понятия несовершеннолетнего.

Возраст 18 лет, как рубеж достижения совершеннолетия, является достаточно условным не только потому, что в ряде стран, как уже было отмечено, установлена иная граница. Он условен и в чисто индивидуальном плане. Личность конкретного человека может не соответствовать заложенному в законе представлению о моменте наступления юридической зрелости. Подросток может отставать в своем развитии или, наоборот, обогнать свой возраст. Такие ситуации особенно чреваты конфликтами. Отставший в развитии скорее станет жертвой преступления, «акселерат», напротив, имея завышенные, не соответствующие его возрасту требования к окружающим, чаще сам может нарушить закон. Защитой несовершеннолетних в подобных случаях выступают специальные нормы права в разных его отраслях. Примером может служить требование обязательного установления в необходимых случаях возраста несовершеннолетнего, равно как и особое внимание к деяниям несовершеннолетних, имеющих признаки умственной отсталости. Для защиты несовершеннолетних в судебном процессе определен большой объем полномочий их законных представителей (родителей или лиц, их заменяющих). Необходимо отметить, что в ст. 19 Конституции Российской Федерации возраст человека вообще не назван среди самых значимых признаков, исключая дискриминацию и неравенство в правах и свободах человека (пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение и др.) Несмотря на то что данный перечень предполагает наличие и иных (любых) оснований, запрещающих дискриминацию людей, было бы целесообразно внести в него дополнение, характеризующее обязательный социально-демографический признак — возраст человека, что представляется обоснованным как с точки зрения общетеоретического порядка, так и с позиций криминологической ситуации в России, отражающей возросшую преступную активность взрослых в отношении детей, жестокость совершаемых посягательств.

Специфичность статуса ребенка, особенно малолетнего, состоит в его физической и социальной беспомощности, в силу которой многие его права не могут быть им реализованы, а ответственность за их обеспечение лежит на других субъектах: родителях, лицах, их заменяющих, государстве и обществе в лице специальных учреждений и органов. По достижении определенного возраста (14, 15 лет и старше) во многих ситуациях, в том числе при угрозе собственной жизни, подросток в принципе потенциально способен защитить себя как физически, так и используя правовой порядок гарантий своих прав и свобод. Однако

Серия

• «Естественные, общественные науки»

многие определенные основным законом права, в том числе составляющие правовой статус ребенка, в реальной жизни остаются декларативными.

Правовой и социальный статусы ребенка в России от взрослых субъектов правоотношений отличаются градацией детей по возрастному цензу, в соответствии с чем меняется их правосубъектность. По мере взросления ребенок получает новые возможности, набирается опыта, а значит, приобретает новые права, обязанности, ответственность, то есть, меняется его статус [10, с. 435].

В разных отраслях права существуют разные возрастные границы реализации несовершеннолетними предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей. Зависит это не только от возраста, но и от специфики тех правоотношений, в которые вступают несовершеннолетние и которые предусмотрены конкретными отраслями права.

Отраслевая специфика возрастных подгрупп несовершеннолетних существует во всех отраслях российского права, в нормах, где речь идет о физических лицах. Наряду с правовыми, существуют и иные классификации детей по возрасту (психологические, педагогические, социально-обусловленные и др.).

Стоит заметить, что идея формирования основ правового статуса ребенка в Российской Федерации уже высказывалась учеными. В пользу этой концепции говорит многое. Во-первых, необходимость признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации. Во-вторых, слишком велика сегодня социальная «цена» этой категории граждан, поскольку от «качества», а теперь уже от количества (учитывая демографический кризис) детей, подрастающего поколения зависит будущее самого Российского государства. В-третьих, современное состояние общества требует повышенной защиты прав и интересов несовершеннолетних. Дети, как особая категория граждан, нуждаются в особой защите. Именно поэтому акцент необходимо сделать на закреплении юридических прав, свобод, обязанностей несовершеннолетних; определении их правосубъектности; на юридических гарантиях реализации прав, свобод, обязанностей несовершеннолетних [1, с. 45].

Наиболее общее и концентрированное выражение, а главное, и определенное решение проблема юридических прав личности получает в теории и практике реализации правового статуса личности. На наш взгляд, под правовым статусом личности следует понимать систему гарантированных государством ее прав, свобод и обязанностей, выступающих в качестве юридических возможностей для удовлетворения тех или иных социальных притязаний личности и, следовательно, выполняющих роль юридического средства для удовлетворения этих притязаний.

Правовой статус личности основывается не только на обладании каждым лицом правами, но и на необходимости нести обязанности. Так, например, в ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации закрепляется, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей [3].

Юридические обязанности личности — это юридически обязательные и юридически гарантированные требования к поведению личности. Юридические обязанности личности, так же как и ее права, являются необходимым средством, при помощи которого осуществляется правовое воздействие на общественные отношения.

Следует отметить, что с практической точки зрения проблема юридических прав граждан — это преимущественно вопросы реализации соответ-

ствующих юридических норм, а также вопросы повышения их юридической и социальной эффективности [4, с. 144].

Важно определить место, которое занимают несовершеннолетние среди других индивидуальных субъектов правовых отношений. Учитывая чрезвычайную социальную значимость проблемы воспитания подрастающего поколения, с одной стороны, и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних граждан, с другой, представляется, что для обоснования выделения их в качестве категории граждан, обладающих специальным правовым статусом, могут быть взяты следующие положения: 1) неполная правосубъектность несовершеннолетних граждан порождает особый характер взаимодействия этой категории с системой исполнительной власти, в связи с чем необходим особый процессуальный порядок правового регулирования статуса несовершеннолетних; 2) невозможность несовершеннолетними в реальной жизни самостоятельно обеспечивать защиту своих прав и законных интересов предполагает наличие государственных гарантий и правового обеспечения этой функции; 3) участие несовершеннолетних как специальных субъектов в большом количестве общественных отношений, регулируемых различными отраслями права, обуславливает необходимость более четкого правового регулирования статуса этой категории граждан.

Анализ действующего законодательства в части, касающейся закрепления прав и обязанностей несовершеннолетних, позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день нет четкого обозначения правового положения этой категории граждан. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» определяет лишь общие гарантии прав, не закрепляя правового статуса несовершеннолетних граждан в целом. В различных отраслях права — административном, гражданском, семейном, уголовном — содержатся нормы, лишь частично регулирующие правовое положение несовершеннолетних как участников тех или иных регулируемых правом общественных отношений.

В качестве предложений, направленных на решение первоочередных проблем формирования и укрепления правового статуса несовершеннолетних, следует указать на ужесточение норм, обеспечивающих право ребенка жить и воспитываться в семье, а также внесение некоторых дополнений в акты, устанавливающие равноправие ребенка с иными субъектами права.

Процессы, происходящие сегодня в формировании правовой системы государства, характеризуются усилением взаимодействия различных отраслей российского права. В проблеме правового регулирования статуса несовершеннолетних граждан необходимо показать взаимодействие и взаимовлияние норм различных отраслей российского права, что даст возможность увидеть все юридические грани правового статуса рассматриваемой категории граждан. Таким образом, в широком виде под правовым статусом несовершеннолетних следует понимать совокупность присущих специфических прав, свобод и обязанностей несовершеннолетних, закрепленных в Конституции и иных международных и российских законодательных актах.

Библиографический список

1. Зубарева О. Законодательство об обеспечении прав детей // Законность. 2005. № 6. С. 43—45.
2. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 нояб. 1989 г. : вступила в силу 2 сент. 1990 г. : ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июля 1990 г. : вступила в

Серия

• «Естественные, общественные науки»

- силу для СССР 15 сент. 1990 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. : (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек. № 237 ; 2009. 21 янв. № 7 ; Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
 4. Кудрявцев В. Н., Никитинский В. Н., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М. : Юрид. лит., 1980. 280 с.
 5. Мальцев Г. В. Права личности: юридическая норма и социальная действительность // Конституция СССР и правовое положение личности. М. : ИГиП АН СССР, 1979. С. 48—55.
 6. Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. 2-е изд., доп. М. : Норма-Инфра М, 2002. 944 с.
 7. Мельникова Э. Б. Будет ли в России ювенальная юстиция? // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 38—40.
 8. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : ФЗ от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (в ред. ФЗ от 20.07.2000 г. № 103-ФЗ; от 03.12.2011 г. № 378-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802 ; 2011. № 48. Ст. 4810.
 9. Права человека : учеб. для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма-Инфра М, 2003. 573 с.
 10. Пронькин В. Н., Гутников А. Б. Занимательная энциклопедия практического права. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ин-та права, 2000. Т. 1. 510 с. (Живое право).

ББК 67.072

Е. Л. Поцелуев

ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

На основании диалектического подхода и принципа историзма проведен анализ правонарушения и закононарушения. Раскрыты социальные истоки, общественные свойства правонарушения, его сущность. Рассмотрена проблема соотношения понятий «общественная опасность» и «общественная вредность». Показаны различные теоретические подходы к анализируемой категории.

Ключевые слова: правонарушение, социальные признаки правонарушения, сущность правонарушения, общественная опасность, общественная вредность.

The author has fulfilled an analysis of categories «breach of law» and «breach of statute» with the application of dialectic approach and historical method. Social origins, public characteristics of breach of law, its essence are highlighted. The article takes up the problem issues of correlation between concepts «social danger» and «social harmfulness». Various theoretical approaches to analyzed items are pointed out.

Key words: breach of law, social characteristics of breach of law, social danger, social harmfulness.

© Поцелуев Е. Л., 2013

2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Проблема правонарушений остается актуальной и важной для изучения, особенно в таких странах, как Россия, где продолжает существовать тотальный правовой нигилизм и высокий уровень правонарушаемости и преступности. В XXI в. не ослабевает научный интерес к различным аспектам теории правонарушения: понятию и признакам правонарушения [4, 6, 9, 11, 14, 18, 24, 25, 26, 27], рассмотрению его как юридического факта [11], видам правонарушений [1, 3, 5, 16, 19, 23], составу [5], сущности [10, 30], наказуемости правонарушения, связи его с юридической ответственностью [7, 8, 11], правопорядком [28] как на уровне научных статей, так и на уровне учебных пособий [8, 10], диссертаций [15] и монографий [7, 14, 31].

Многие, если не все, явления, их сущность можно раскрыть через основные, имманентные признаки, черты, свойства. Это в полной мере относится к такой категории, как «правонарушение», ряд сущностных признаков которой мы проанализируем. Как известно, нормы права — это разновидность социальных норм, правонарушения — разновидность асоциального поведения, антиобщественного действия и бездействия. С этих позиций вполне логично посмотреть на правонарушения как социальный феномен.

Если правомерное поведение — это разрешенное, желательное, должное поведение индивида, деятельность в рамках права юридических лиц, муниципальных и государственных органов, государства; а активное правомерное поведение — это его оптимальная модель, то правонарушение, наоборот, — нежелательное, запрещенное поведение, отклонение от нормы, по оценке западногерманского криминолога Г. Кайзера (см.: [13, с. 8]), девиантное (но попрошайничество, бродяжничество, проституция в ряде стран являлись, а где-то и в настоящее время являются проступками или даже преступлением, например проституция в Египте; и наоборот, в Нидерландах, ФРГ и ряде других государств она легализована), аномалия и даже патология (серийные убийцы, насильники и убийцы малолетних детей и т. п.). Правонарушения «всегда оцениваются отрицательно, что вполне объяснимо, однако не следует сбрасывать со счетов роль, которую правонарушение как явление социальной жизни сыграло в появлении права, и соответственно значение понятия правонарушения, фиксирующего “правонарушительное явление”, которое с социальной точки зрения представляет собой разногласие между двумя и более субъектами, принявшее острую, конфликтную форму», — рассуждает С. А. Параскевова [16, с. 66]. На наш взгляд, в оценке правонарушений следует также учитывать два момента: первый — помнить известное всем специалистам знаменитое высказывание Р. Иеринга, что права и свободы не упали с неба как манна небесная, а были завоеваны в борьбе, в том числе кровопролитной (отмена рабства, крепостного права и т. п.), т. е. восстания, бунты, мятежи, крестьянские войны и другие подобные выступления были тяжкими преступлениями, но они способствовали прогрессу права; второй — деформации правосознания, правонарушения посылают сигнал властям, что, возможно, в сфере законодательства, правоприменительной практики, правового воспитания есть какие-то просчеты, недостатки, что побуждает власть к совершенствованию правовой политики, механизма правового регулирования, судебной системы, правоохранительных органов, к реформированию и модернизации государственно-правовой сферы. Кроме того, если нарушается положительное (позитивное) право во имя естественного права (о чем писал И. А. Ильин), то, по нашему мнению, в этом случае уместнее использовать термин «закононарушение». Иначе получается, что

Серия

• «Естественные, общественные науки»

тот, кто боролся с оккупантами, например с немецко-фашистскими захватчиками, в том числе на оккупированной ими территории (партизаны, подпольщики, разведчики и т. п., мирное население, которое им помогало), антифашисты в самой Германии — это не просто правонарушители, а преступники. Есть определенная релевантность, конвенционализм, зависимость от типа цивилизации, эпохи, политического и государственного режима, что признается правонарушением. Доносчики на противников А. Гитлера в период национал-социализма демонстрировали с точки зрения законодательства Третьего рейха активное правомерное поведение. Но их доносы приводили к казням, и в ФРГ уже доносчики признавались преступниками. Пограничники ГДР в соответствии с действовавшими в тот период времени юридическими нормами открывали огонь по тем, кто пытался нарушить государственную границу — перелезть через Берлинскую стену, т. е. с позиций законодательства также проявляли активное правомерное поведение. Оценка их действий кардинально поменялась, как и сотрудников разведки (Штази), на диаметрально противоположную после объединения Германии, а фактически и юридически — это вхождение ГДР в состав ФРГ. Густав Радбрух прав: нельзя выполнять преступные приказы, явно несправедливые законы не являются правом [20, с. 175; 21; 22; 29].

Есть объективные причины, порождающие правонарушения, в том числе преступления. В этом смысле правонарушения — необходимое, неизбежное, «нормальное» явление. Законодатель это предвидит, поэтому и запрещает определенные деяния, предусматривает различные негативные санкции и соответствующие виды ретроспективной юридической ответственности. «Механизм действия права рассчитан не только на ровную, бесконфликтную работу, но и на такие ситуации, когда требуется “силовое” вмешательство, эффективнее всего осуществляемое государством, — отмечает А. В. Поляков. — ...вмешательство государства необходимо и тогда, когда кто-либо не исполняет свои правовые обязанности, нарушает установленные правовые запреты, посягает на права других лиц, т. е. тогда, когда совершается правонарушение» [17, с. 798].

Как справедливо пишет известный социолог права В. А. Бачинин, к оценке правонарушения можно подходить с противоположных позиций: «Правонарушения — социальная аномалия, несовместимая с нормами цивилизованного общежития» (тезис) и «Правонарушения — закономерное, необходимое и в этом смысле “нормальное” явление в жизни цивилизованного общества» (антитезис). Так возникает антиномия [2, с. 223]. Да, действительно, правонарушения — разновидность отклоняющегося поведения, аномалия и даже, в ряде случаев, патология, но одновременно и неизбежный, а следовательно, закономерный спутник социума (по мнению антропологов права, а также П. А. Сорокина, Ганса Кельзена и других ученых, право, а следовательно, правонарушения и санкции существуют уже в догосударственный период), по крайней мере, с момента возникновения первых государств, государственности — по настоящее время и на обозримое будущее.

Правонарушение можно рассматривать как социальное, общественно значимое явление и как правовое понятие. «Если подходить к правонарушению не узко-догматически, а как к социальному явлению, необходимо выявить его социальные признаки, которые конкретизируются в юридических характеристиках. Именно так поступает, например, Л. И. Спиридонов в своих исследованиях, посвященных этой проблематике», — пишут его ученики и

последователи — А. Б. Сапельников и И. Л. Честнов [32, с. 260—261]. Они выделяют три социальных признака правонарушения: 1) массовость и ущерб, 2) способ посягательства, 3) особенности субъекта посягательства. Приведем их краткие характеристики.

1. Существует прямая связь, зависимость правопорядка от количества, массовости и вида правонарушений: «...посягая на условия существования правопорядка, правонарушение посягает тем самым на правопорядок как таковой. Принципиально важным здесь является то, что правонарушение в данном случае понимается как общее понятие, а не эмпирически данное “это” правонарушение. А общее понятие правонарушения предполагает не любое посягательство на правопорядок (через посягательство на условия его существования), а причиняющее ему ущерб и массовое, распространенное посягательство. Массовость и ущерб конкретизируют, дополняют первый социальный признак правонарушения» [32, с. 261].

2. По мнению ученых, способ посягательства — это «деяние, причиняющее объективный вред сложившемуся правопорядку (условиям его существования)» [там же]. Фактически ученые говорят об объективной стороне состава правонарушения и его материальном составе, когда есть причинно-следственная связь между противоправным деянием и вредными, негативными его последствиями. Способ отвечает на вопрос как, каким образом, каким путем и т. п. Как известно, факультативным элементом объективной стороны считается способ совершения правонарушения, например, преступление может быть совершено общеопасным способом (использование взрывчатых или радиоактивных веществ и т. п.)

3. С точки зрения авторов, субъект посягательства — это «изолированный, существующий автономно социализированный индивид, который в состоянии адекватно руководить своими действиями и давать в них отчет» [32, с. 261]. Получается, что юридические лица, муниципальные и государственные органы, государства могут являться субъектами правонарушения, но при этом не выражать социальную сущность правонарушения. Мы не согласны с таким подходом, так как когда субъектом правонарушения выступает, например, юридическое лицо, то противоправные приказы, распоряжения отдают, издают его руководители, должностные лица, а реализуют, выполняют — их подчиненные, т. е., в конечном счете, индивиды. Аналогично и в отношении муниципальных и государственных органов, государства в целом. Неслучайно к юридической ответственности может быть привлечено как руководство страны, так и государство в целом, чему пример фашистская Германия (временная потеря государственного суверенитета, лишение части территории, репарация, реституция, субституция и др.).

«Таким образом, социальные признаки правонарушения включают в себя посягательство на правопорядок, специфику такого посягательства и самого деятеля — субъекта посягательства, — делают вывод А. Б. Сапельников и И. Л. Честнов. — Эти социальные признаки конкретизируются в юридических признаках, используемых, как правило, в законодательных (легальных) определениях различных видов правонарушений. <...> Юридическими признаками здесь выступает общественная опасность, противоправность, виновность и наказание как необходимое следствие правонарушения» [32, с. 262]. По поводу такого заключения возникают некоторые вопросы: 1) почему общественная опасность не является социальным признаком правонарушения, хотя вроде бы само название термина, первая его часть,

казалось бы, свидетельствует об обратном; 2) в демократическом государстве законодательная ветвь власти избирается населением и, следовательно, в большей или меньшей мере, но отражает представления электората, в том числе о наказуемости тех или иных деяний, мере юридической ответственности и о негативных санкциях за то или иное правонарушение. Хотя известно и другое, например, в Соединенном Королевстве отменили смертную казнь несмотря на то, что большая часть общества была за сохранение этого древнего уголовно-правового института.

Существует проблема соотношения понятий «**общественная опасность**» и «**общественная вредность**». Общественная опасность — это признак всех правонарушений или только преступлений? Единства среди ученых по данному вопросу нет. По нашему мнению, каждое правонарушение причиняет или может причинить вред, ущерб охраняемым общественным отношениям, благу, ценностям, которые законодатель взял под охрану и защиту, установив за посягательство на них негативные санкции, различные виды юридической ответственности. Следовательно, общественная опасность — это универсальный признак правонарушения. При этом мы исходим из презумпции, что действующие нормы права в демократических странах — разумные, в большей или меньшей степени справедливые. Правонарушения негативно влияют на моральную обстановку в социуме, «порождают у подавляющего большинства населения чувство страха перед все более распространяющейся преступностью, атмосферу обреченности, бесполезности и бессмысленности правомерного поведения. В целом негативно влияют на социально-правовую активность граждан», — справедливо констатирует А. А. Иванов [8, с. 10]. Деструктивный характер правонарушений, особенно преступлений, — это источник возмущающих воздействий, которые оказывают негативное влияние на экономические, политические, правовые и моральные устои социального порядка. Противоправные деяния дестабилизируют социальный порядок [2, с. 233]. Если воспринимать право как систему юридических норм (оно, в конечном счете, состоит из норм права), законность как точное, строгое, неукоснительное следование всеми субъектами права этим нормам, а правопорядок как реализованную законность и, безусловно, как разновидность общественного порядка, то противоправное поведение деликтоспособного лица будет отходом от принципа и режима законности и посягательством на общественный порядок, в первую очередь на правопорядок, нарушением общественного порядка. «**Правопорядок** — это основанное на праве и сложившееся в результате осуществления режима законности состояние упорядоченности и организованности общественной жизни. Правопорядок является целью и одновременно итогом, результатом правового регулирования», — правильно отмечают украинские теоретики права [12, с. 230].

Одним из первых ученых, кто высказал свою позицию по данному вопросу, был Г. Ф. Шершеневич. Сущность правонарушения дореволюционный юрист видит в поведении лица вопреки нормам права, исходящим от государственной власти, даже если ее веления не соответствуют ни общественным, ни частным интересам [33, с. 632—633], т. е. в противоправности. Трудно было ожидать иной позиции от яркого представителя догматической юриспруденции.

По мнению Л. С. Явича, правонарушения «уходят своими корнями в социальные условия жизни людей, порождающие как асоциальное поведение, так и способы борьбы с антиобщественными проявлениями» [34, с. 259]. Он критикует идеалистический подход к правонарушениям, согласно которому они порож-

дены правом: не будь господствующей воли в законе, не могло бы быть и ее нарушения [там же]. Явич убежден, что социальную сущность правонарушения можно выявить лишь с позиций исторического материализма. По его мнению, немисливо понять неправомерные поступки, игнорируя совокупность объективно сложившихся производственных отношений [там же].

Во-первых, действительно, марксисты — это детерминисты, но не фаталисты. Во-вторых, по нашему представлению, правонарушения были и в догосударственный период, хотя классы, согласно марксистским воззрениям, в первобытном обществе еще не сформировались, правда, существовала присваивающая, а затем производящая экономика, общество имело первоначально половозрастную структуру, а после трех крупных общественных разделений труда и профессиональную. Наряду с дозволениями существовали обязанности и табу, нарушение которых вело к негативным для лица последствиям. С позиций юридической антропологии, эти правила поведения можно назвать правом или, по крайней мере, предправом, протоправом.

«По своему социальному содержанию правонарушения — это произвол изолированных индивидов... направленные против господствующих отношений, волевые деяния, которыми наносится или реально может быть нанесен вред данному обществу. Асоциальность, общественная опасность или вредность составляют “материальное” содержание правонарушения как особого социального явления. Юридическим выражением опасности или вредности поступка для данного общества является его противоправность», — отмечает Л. С. Явич [34, с. 265], с чем вполне можно согласиться.

Мы солидаризируемся с Явичем и в том, что правонарушение — нарушение не только законодательства, но и правопорядка, элементом которого являются и права субъектов. «Социальная сущность правонарушения позволяет глубже понять общественную ценность и социальное значение правового регулирования, объективную потребность в праве», — делает ученый глубокий вывод [34, с. 266].

Важнейшим признаком правонарушения Л. С. Явич называет *противоправное виновное деяние*. «Общественная опасность или вредность для данного строя приводит к запрещению такового в законе под страхом наказания. <...> Однако не каждое нарушение права и правопорядка является правонарушением, которое влечет юридическую ответственность. <...> В принципе любое нарушение закона является вредным для правопорядка, но не всегда настолько, чтобы должна была следовать юридическая ответственность» [34, с. 267—268]. Конечно, если нормы права нарушило лицо, которое не является деликтоспособным, то не может быть и речи о юридической ответственности.

Ученый пришел к выводу, что «правонарушение — это произвол отдельных индивидов, выраженный в качестве виновного противоправного деяния, опасного или вредного для данного общественного строя, и потому, в первую очередь, для интересов господствующих классов» [34, с. 270]. Во-первых, понимание правонарушения как произвола продолжает марксистскую традицию в данном вопросе. Во-вторых, классовый подход к сущности правонарушения также выражен в духе Маркса, Энгельса, Ленина. В-третьих, автор выделяет сущностные свойства правонарушения: противоправность, общественную опасность или вред общественному строю. Разве опоздание, хулиганство, кража, разбой, грабеж, изнасилование и даже убийство (рядового индивида) и т. п. — посягательство на общественный строй? Нет, конечно.

В-четвертых, ученый считает, что всем правонарушениям присуща общественная опасность или вред, в чем мы с ним полностью согласны.

Думаю, следует согласиться с утверждением ученого, что «понятие общественная опасность является наиболее адекватным асоциальности, более точно выражающим социальную природу правонарушения, в первую очередь преступности» [34, с. 274]. Но тогда получается, что общественная опасность присуща всему асоциальному поведению, т. е. всем асоциальным поступкам; это «размывает» данный институт, превращает юридический термин в общепотребительный, что является ненужным, ошибочным.

Правонарушения — это антипод правомерному поведению, законности и правопорядку, в известной мере — правосознанию и правовой культуре (правонарушения свидетельствуют о деформации правосознания, правовом нигилизме и даже перерождении правосознания или сигнализируют, как отмечают специалисты, о недостатках законодательства и юридической практики), но вряд ли правонарушения можно назвать антитезой юридическим фактам и правоотношениям, судебной практике и практике правоохранительных органов. Хотя самосуд, самоуправство, наверное, можно назвать антиподом отправления правосудия, судебной практики.

Таким образом, Л. С. Явич подходит к сущности правонарушения с марксистско-ленинских, классовых позиций, характерных для советской юридической науки. Бесспорно, что правонарушения — это отклонение от установленной государством нормы, т. е. разновидность девиантного поведения.

По мнению Н. Н. Вопленко, «только социальная вредность, осознанная законодателями, выраженная ими в правовой форме запрещенного и наказуемого поведения, вскрывает сущностную и социально обусловленную природу правонарушения. Это означает, что только способность отдельных актов человеческого поведения причинять вред наиболее публично значимым общественным отношениям составляет во все времена наиболее исторически выверенную основу для объявления их противоправными и юридически ответственными. Таким образом, в социальной вредности правонарушений выражается их сущность» [6, с. 34].

С точки зрения этатизма, юридического позитивизма, любое правонарушение (а тем более правонарушение) ослабляет режим законности, а следовательно, и правопорядок. Странники этой теории усматривают сущность правонарушения в противоправности, во вреде государству, его интересам.

С точки зрения естественно-правовой и либеральной, нарушение бесчеловечных юридических норм (закрепляющих геноцид, дискриминацию по кастовому, сословному, классовому, национальному, расовому, религиозному, половому признакам), борьба за их отмену и подлинное право (гуманное, справедливое, закрепляющее принцип формального равенства и гарантии соблюдения норм права) ведут, в конечном счете, к торжеству права, совершенствованию режима законности и правопорядка. Такие правонарушения — это сигнал власти, что нужно реформировать, модернизировать законодательство и (или) юридическую практику, государственные институты, правоохранительные органы.

На наш взгляд, в любом случае, правонарушитель не уважает ценности, блага, взятые в данном обществе и государстве под охрану и защиту, частные и публичные интересы; его действия или бездействие причиняют или могут причинить разнообразный вред, ущерб индивиду, коллективу, обществу, государству, группе государств, международному сообществу. В случае массового

нарушения норм права, социальных катаклизмов может возникнуть состояние, близкое к правовому вакууму (в случае массовой деформации правосознания, тотального правового нигилизма), к хаосу, анархии, охлократии или власти криминальных структур, организованной преступности.

Наша позиция заключается в следующем: сущность правонарушения выражается в общественной опасности, а она, в свою очередь, в том вреде (моральном и материальном, восстановимом и невозстановимом, измеримом и неизмеримом), ущербе, который был причинен или мог быть причинен охраняемым нормами права общественным отношениям.

Библиографический список

1. *Анисимов В. Ф.* Классификация административных проступков : монография. Сургут : Изд-во Сургут. ун-та, 2001. 115 с.
2. *Бачинин В. А.* Основы социологии права и преступности. СПб. : Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2001. 308 с.
3. *Берник В. Р., Брызгалин А. В., Головкин А. Н.* Виды налоговых правонарушений: теория и практика / под ред. А. В. Брызгалина. Екатеринбург : Налоги и финансовое право, 2004. 304 с.
4. *Бутнев В. В.* Понятие правонарушения: общетеоретические и отраслевые проблемы // Юридические записки ЯрГУ. Ярославль : ЯрГУ, 2008. Вып. 12.
5. *Великосельская И. Е.* Понятие состава правонарушения в теории государства и права и гражданском праве // Вектор науки ТГУ (Тольяттинского гос. ун-та) : Правоведение. 2008. № 2. С. 24—27. (Спец. вып.).
6. *Вопленко Н. Н.* Понятие и признаки правонарушения // Там же. С. 27—34.
7. *Вопленко Н. Н.* Правонарушение и юридическая ответственность. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. 132 с.
8. *Иванов А. А.* Правонарушение и юридическая ответственность : теория и законодательная практика : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2004. 120 с.
9. *Карташов В. Н.* Противоправная деятельность: методологические подходы, нетрадиционные решения и перспективные направления исследования // Юридические записки ЯрГУ. Ярославль : ЯрГУ, 2008. Вып. 12.
10. *Кожневиков С. Н.* Правомерное поведение и правонарушение : сущность и содержание : учеб.-метод. пособие по курсу «Общая теория права». Н. Новгород : Интелсервис, 2001. 72 с.
11. *Коробов А. Е., Хохлов Е. Б.* Правонарушение как основание юридической ответственности // Правоведение. 2009. № 3. С. 62—75.
12. *Крестовская Н. Н., Оборотов Ю. Н., Крыжановский А. Ф., Матвеева Л. Г.* Теория государства и права : государственный экзамен. Харьков : Одиссей, 2008. 256 с.
13. *Кудрявцев В. Н.* Изучение социальных отклонений как научное направление // Социальные отклонения : введение в общую теорию. М. : Юрид. лит., 1984. С. 7—22.
14. *Маштаков И. В.* Проблемы теории правонарушения : монография / науч. ред. Р. Л. Хачатуров. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2005. 160 с.
15. *Ожегова Г. А.* Объекты правонарушений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 37 с.
16. *Параскевова С. А.* Социальные истоки гражданского правонарушения // Человек и закон. 2007. № 7. С. 64—72.
17. *Поляков А. В.* Общая теория права : феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 845 с.
18. *Поцелуев Е. Л.* Актуальные проблемы теории правонарушения // Актуальные проблемы государства и права : материалы Всерос. науч.-теор. семинара / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. С. 82—86.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

19. *Поцелуев Е. Л.* Виды правонарушений в современной учебной литературе по теории права: критический анализ // Правоведение. 2004. № 5. С. 244—257.
20. *Поцелуев Е. Л.* «Возрожденное» естественное право Г. Радбруха в современной российской и немецкоязычной юридической литературе // Порівняльне правознавство: сучасний стан : сб. ст. Междунар. науч. симпозиума «Дни сравнительного правоведения», Киев, 8—11 апреля 2009 г. / сост. А. В. Кресин. Киев : Логос, 2009. С. 175—178.
21. *Поцелуев Е. Л.* Густав Радбрух (Gustav Radbruch) (1878—1949) и «возрожденное» естественное право // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ—2009 : сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 24 февраля — 3 марта 2009 г. : в 2 ч. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. Ч. 2 : Общественные науки. С. 64—70.
22. *Поцелуев Е. Л.* Г. Радбрух (1878—1949) и немецкая неокантианская философия права // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность : (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева) : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 30 сентября — 2 октября 2010 г. : в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 169—196.
23. *Поцелуев Е. Л.* Конституционные деликты в отечественной учебной литературе (конец XX — начало XXI в.) // Право в постсоветском пространстве: проблемы единства и дифференциации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 2 ноября 2004 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. С. 55—58.
24. *Поцелуев Е. Л.* Понятие и признаки правонарушения в современном российском этактистском правопонимании // Правовые отношения в контексте развития современного законодательства и правоприменения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 3—4 октября 2008 г. / отв. ред. О. В. Кузьмина. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. С. 77—85.
25. *Поцелуев Е. Л.* Понятие и признаки правонарушения в современной российской литературе по теории права // Современные проблемы истории и теории государства и права : материалы Междунар. науч.-теорет. семинара, Иваново, 28—29 сентября 2007 г. / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. С. 82—116.
26. *Поцелуев Е. Л.* Понятие и признаки правонарушения в современных теориях права // Теоретические и практические проблемы правопонимания : материалы III Междунар. науч. конф., 22—24 апреля 2008 г. / РАП. М. : Рос. акад. правосудия, 2009. С. 865—894.
27. *Поцелуев Е. Л.* Понятие правонарушения: теоретико-методологические аспекты // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете : материалы науч. конф., Иваново, 12 февраля 2002 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. С. 158—159.
28. *Поцелуев Е. Л.* Правонарушения как посягательство на правопорядок // Сучасний правопорядок: національний, інтегративний та міжнародний виміри : тези Міжнар. наук.-практ. конф., 13—14 червня 2008 р. / за заг. ред. Ю. М. Оборотова. Одесса : Фенікс, 2008. С. 196—198.
29. *Поцелуев Е. Л.* Ренессанс естественного права после краха национал-социалистического режима // Вестник РГГУ. Сер.: Юрид. науки. 2011. № 8 (70). С. 21—30.
30. *Поцелуев Е. Л.* Сущность правонарушения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. СПб., 2009. № 6. С. 48—51.
31. *Поцелуев Е. Л.* Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. 156 с.
32. *Сапельников А. Б., Честнов И. Л.* Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов. СПб. : ИВЭСЭП ; Знание, 2006. 279 с.
33. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М. : Изданіе Бр. Башмаковыхъ, 1912. Вып. 3. 700 с.

34. *Явич Л. С.* Общая теория права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1976. 288 с.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ ТРЕВОЖНОЙ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается специфика коммуникативной сферы тревожной личности, анализируются ее конкретные составляющие.

Ключевые слова: тревога, тревожность, коммуникативные мотивы, тип интерперсональных отношений, стратегии конфликтного взаимодействия, коммуникативная толерантность, одиночество.

Specifics of the communicative sphere of the vexatious personality is considered, her concrete components are analyzed.

Key words: alarm, uneasiness, communicative motives, type of interpersonal relations, strategy of conflict behavior, communicative tolerance, loneliness.

В условиях информационного взрыва, обострения социальных проблем и, как следствие, усиления эмоционально-интеллектуальных и физических перегрузок как никогда резко возрастает риск возникновения тревоги — специфического негативного эмоционального состояния. Ситуация глобальных социальных перемен, социального обновления и изменения, связанная с высокой степенью неопределенности во всех сферах отношений, создает предпосылки для развития и обострения личностной тревожности. В связи с этим тревожность, ее природа и феноменология, неизбежно все больше привлекает к себе внимание психологов и является одним из наиболее активно исследуемых психологических феноменов.

Большой вклад в изучение этого феномена внес американский психолог Ч. Д. Спилбергер, выделивший в своих работах два типа тревожности: ситуативную, реактивную и устойчивую, личностную [6]. В современной психологии для обозначения первой используется термин тревога, второй — тревожность.

Тревога — особое психическое состояние, возникающее, когда индивид воспринимает определенную ситуацию как угрожающую, опасную, безотносительно к тому, имеет ли место реальная опасность. Тревога возникает тогда, когда индивид оценивает ситуацию как опасную и не располагает готовыми и достаточно надежными средствами ее разрешения. Состояние тревоги негативно по своей эмоциональной окраске и проявляется в чувстве напряжения, беспокойства, опасения, озабоченности, волнения, нарушения покоя, обычно сопровождающемся повышением активности вегетативной нервной системы.

С позиции функционального подхода тревога рассматривается как субъективный фактор, влияющий на динамику поведения и деятельности. Исходная функция тревоги заключается в том, что она предвосхищает опасность, служит сигналом возникающей угрозы, сигнализирует о низкой вероятности избегания нежелательного воздействия и в то же время активизирует

поисковую активность, направленную на устранение угрозы и ослабление тревоги. В этом смысле тревога выполняет одновременно функции антиципации и мобилизации ресурсов организма и личности для преодоления возможных трудностей [1]. Нормальная тревога имеет адаптивное значение, ибо подготавливает индивида к защитному реагированию, позволяя справиться с неприятной ситуацией, облегчает переживание стресса, благодаря активизации защитных механизмов обеспечивает возможность предварительной настройки всех функций организма в условиях надвигающейся опасности. Тревога выходит за рамки нормы, когда ее интенсивность и длительность непропорциональны возникшей угрозе, а также когда она возникает в нейтральной ситуации, не содержащей объективной опасности; в этом случае тревога оказывает дезорганизующее влияние на психику и поведение. Так, по мнению Ф. Б. Березина, собственно тревога характеризуется чувством неясной опасности, признаком истинной тревоги является невозможность определить характер угрозы, что делает невозможным организацию деятельности по ее устранению и предотвращению, поэтому тревожно-боязливое возбуждение сопровождается дезорганизацией поведения и нарушением целенаправленной деятельности [2]. Таким образом, среди негативных эмоциональных переживаний тревога занимает особое место, ибо часто приводит к снижению работоспособности, продуктивности деятельности, к трудностям в общении [2, 4, 7].

Тревожность, в отличие от тревоги, традиционно рассматривается как особое устойчивое свойство личности, проявляющееся в склонности к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге ее возникновения. Тревожность отражает потенциальную предрасположенность личности расценивать различные ситуации как содержащие в себе угрозу и проявляется в виде тенденции переживания нейтральной ситуации как угрожающей и в соответствующем этому поведенческом комплексе избегания воображаемой угрозы. Личности, относящиеся к категории высокотревожных, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма напряженно, выраженным состоянием тревоги. Главными характеристиками личности тревожного склада Спилбергер считает высокое чувство ответственности и долга, добросовестность, совесть, преданность делу, людям, бдительность, умение предусмотреть опасность, умелое планирование своей деятельности; все эти качества носят компенсаторный характер, их проявление способствует ослаблению тревоги [6].

Л. И. Божович выделяет два вида тревожности: адекватную, отражающую объективное отсутствие условий для удовлетворения возникшей потребности, и неадекватную, возникающую при наличии таких условий. Только во втором случае можно говорить о тревожности как устойчивой функциональной структуре, устойчивом личностном образовании [3]. В целом тревожность — это субъективное проявление неблагополучия личности, ее дезадаптации.

Как указывалось выше, основная функция тревоги заключается в организации форм поведения, облегчающих индивиду перенесение стрессовых нагрузок. Поскольку ситуативная и личностная тревожность проявляются в неразрывном единстве, постольку данная регулирующая функция является для них общей, с той лишь разницей, что при ситуативной тревожности она актуальна в конкретной ситуации, а при личностной тревожности — способствует формированию тактики и стратегии поведения личности в целом. Согласно А. М. Прихожан, личностная тревожность имеет константные формы

реализации в поведении, с преобладанием в последних компенсаторных и защитных механизмов [5]. Следовательно, тревожность может закладывать основу формирования как индивидуального стиля деятельности, так и индивидуального стиля общения.

Особый интерес вызывает вопрос о влиянии тревожности на формирование стиля общения и ее проявлении в коммуникативной сфере личности. В связи с этим в ряде эмпирических исследований, выполненных под руководством автора, реализован комплексный подход к изучению специфики коммуникативной сферы тревожной личности.

Использованная схема исследования и анализа эмпирического материала позволила решить следующие задачи:

- определить специфику коммуникативных мотивов тревожной личности;
- установить влияние тревожности на характер интерперсональных отношений;
- уточнить стиль конфликтного поведения тревожной личности;
- выяснить зависимость между уровнем тревожности и склонностью к одиночеству.

Для решения исходных задач применялся комплекс диагностических методик: тест Д. Тейлор для диагностики личностной тревожности, методики измерения мотива аффилиации А. Меграбяна и оценки потребности в одобрении Д. П. Крауна и Д. А. Марлоу, опросник Т. Лири для диагностики интерперсональных отношений, Мак-шкала В. Знакова для измерения уровня манипулятивности, диагностика коммуникативной толерантности В. В. Бойко и социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, тест К. Томаса для выделения стратегий конфликтного поведения и шкала измерения одиночества Д. Рассела. В процессе математической обработки первичного материала использован метод корреляционного анализа, в ходе которого индивидуальные показатели тревожности сопоставлялись с различными характеристиками коммуникативной сферы, начиная с коммуникативных мотивов и кончая склонностью к одиночеству.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии тесной взаимосвязи между уровнем тревожности и отдельными коммуникативными характеристиками, т. е. о существовании особого стиля общения, присущего тревожной личности.

Исходным компонентом коммуникативной сферы личности являются коммуникативные мотивы. Коммуникативная мотивация стимулирует и поддерживает активность процессов общения, обуславливает формирование коммуникативных навыков и свойств личности. В нашем исследовании коммуникативная мотивация представлена двумя мотивами: аффилиации и одобрения.

Мотив аффилиации проявляется в желании человека наладить эмоционально-позитивные взаимоотношения с другими людьми и внешне выражается в общительности, в стремлении к сотрудничеству. В структуру данного мотива входят две мотивационные тенденции: надежда на аффилиацию (стремление к принятию) и страх отвержения. Мотив аффилиации является аналогом мотива достижения и его структурных составляющих: стремления к успеху и избегания неудачи. Стремление к принятию означает ориентацию на успех в общении, а страх отвержения — избегание неудачи в установлении и поддержании контактов с другими людьми. Первый создает почву для особого стиля общения, характеризующегося уверенностью, непринужденностью, открытостью, смелостью

стью, и обеспечивает высокую активность и инициативность в общении; второй, наоборот, определяет скованность, неуверенность, робость, неловкость и напряженность общения, мешая развитию коммуникативных навыков.

В ходе корреляционного анализа обнаружена статистически значимая прямая связь между уровнем тревожности и двумя коммуникативными мотивами — страхом отвержения и потребностью в одобрении. Боязнь неудачи — характерная черта высокотревожных личностей, эта боязнь у них доминирует над стремлением к достижению успеха, что нашло отражение в структуре мотива аффилиации. Испытывая скованность и неуверенность в общении, тревожная личность в то же время отличается ярко выраженной ориентацией на социальное одобрение, выполняющее в данном случае психотерапевтическую функцию. Таким образом, специфика коммуникативных мотивов тревожной личности выражается резким превалированием страха отвержения над стремлением к принятию в структуре мотива аффилиации, а также усилением потребности в одобрении.

Тревожность пронизывает все уровни коммуникативной сферы личности и оказывает глубокое влияние на формирование конкретных типов интерперсональных отношений. Тревожная личность характеризуется особым специфическим стилем интерперсональных отношений. Согласно полученным результатам, семь из восьми диагностируемых типов межличностных отношений обнаружили статистически значимую связь с уровнем тревожности. Прямая связь установлена с подозрительным, подчиняемым, зависимым, дружелюбным и альтруистическим типами отношений; обратная связь отмечается с авторитарным и эгоистическим типами. Следовательно, высокий уровень тревожности способствует формированию дружелюбно-альтруистического и подчиняемо-зависимого типов отношений и, наоборот, препятствует развитию эгоистического и авторитарного типов взаимодействия.

Обращает на себя внимание тот факт, что тип интерперсональных отношений связан не только с общим уровнем тревожности, но и с содержанием коммуникативных мотивов, в частности со страхом отвержения. Именно эта форма мотива аффилиации показала наиболее отчетливые и разнообразные связи с характером межличностных отношений. Доминирование страха отвержения в структуре мотива аффилиации закладывает базу для формирования зависимого, подчиняемого и в то же время дружелюбного и альтруистического типов отношений. При этом усиление страха отвержения способствует повышению недоверчивости (паранойяльный тип) и снижению эгоистичности. Что касается второго коммуникативного мотива — потребности в общении, то он обнаруживает статистически значимую прямую связь с альтруистическим типом интерперсональных отношений. Альтруизм — форма нормативного, одобряемого социального поведения, отсюда данная зависимость вполне закономерна.

Потребность в одобрении, характерная для тревожной личности, показала обратную связь со склонностью манипулировать другими людьми. Манипуляция как достаточно нечестный и аморальный способ воздействия на других, осуществляемый в ущерб интересам партнера, который рассматривается лишь как средство достижения собственных эгоистических целей, не может вызывать одобрение окружающих, поэтому сильная потребность в одобрении тормозит развитие манипулятивных наклонностей.

Коммуникативные мотивы проявляются во всех ситуациях общения, в том числе и в ситуации конфликтного взаимодействия. Конфликт — неотъемлемый атрибут любого общения. Несомненно, конфликт с окружающими вы-

ступает дополнительным источником тревоги и стресса для тревожной личности, склонной избегать стрессовых ситуаций и использовать защитные механизмы; однако иногда конфликтные ситуации неизбежны, поэтому особый интерес вызывает изучение поведения тревожной личности в таких ситуациях.

Для определения специфики конфликтного поведения тревожной личности проведено сопоставление стратегий конфликтного поведения с уровнем тревожности и коммуникативными мотивами, поскольку сам стиль конфликтного поведения обусловлен не только общим уровнем тревожности, но и спецификой коммуникативных мотивов. В результате обнаружена статистически значимая обратная связь между уровнем тревожности и стратегией сотрудничества; страх отвержения показал прямую значимую связь с приспособлением и избеганием и обратную — с двумя стратегиями конфликтного поведения: сотрудничеством и соперничеством; потребность в одобрении продемонстрировала такую же связь с соперничеством. Наиболее сильное влияние на тип конфликтного поведения в данном случае оказывает страх отвержения: усиление страха отвержения повышает готовность к пассивным стратегиям конфликтного поведения — приспособлению и избеганию, снижая способность к активному конфликтному взаимодействию — соперничеству и сотрудничеству. Сотрудничество — наиболее трудная стратегия конфликтного поведения для тревожной личности, ибо требует хладнокровия, значительных интеллектуальных усилий и временных затрат. Соперничество — наиболее деструктивная форма конфликтного поведения, оно блокирует удовлетворение потребности в одобрении, а потому отвергается тревожной личностью.

Контакты тревожной личности с другими людьми осложняет низкая коммуникативная толерантность: в исследовании установлена значимая обратная связь между уровнем тревожности и толерантности. По-видимому, партнеры, не соответствующие ожиданиям и ценностным установкам такой личности, обуславливают непредсказуемость развития коммуникативной ситуации, тем самым провоцируют состояние тревоги и порождают дискомфорт в общении, что, в свою очередь, вызывает негативное, нетолерантное отношение к тем, с кем затруднена идентификация.

Тревожным людям сложнее устанавливать социальные контакты в силу присущего им страха отвержения, препятствующего развитию коммуникативных навыков. Кроме того, фактор тревожности оказывает влияние на самовосприятие и восприятие других: тревожная личность отличается одновременно непринятием себя и непринятием других. Подобный тип ауто- и гетеровосприятия в сочетании со страхом отвержения сужает круг реального общения и усиливает склонность к одиночеству, что подтверждается соответствующими корреляционными связями между исходными показателями. Таким образом, тревожность выступает своеобразным барьером для становления нормальных, гармоничных отношений и катализатором одиночества.

Обобщение полученных эмпирических результатов позволяет сделать некоторые выводы.

1. Тревожность личности, проявляющаяся в устойчивой предрасположенности к состоянию тревоги, трансформирует коммуникативную сферу личности, влияя на характер коммуникативных мотивов и обуславливая специфический тип интерперсональных отношений и конфликтного взаимодействия.

2. Специфика коммуникативных мотивов тревожной личности заключается в доминировании страха отвержения над стремлением к принятию в структуре мотива аффилиации и в усилении потребности в одобрении.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

3. Тревожность обуславливает особый стиль общения, проявляющийся в конкретных типах интерперсональных отношений и стратегиях конфликтного поведения. Высокий уровень тревожности характеризуется следующим:

— способствует формированию дружелюбно-альтруистического, а также подчиняемо-зависимого типов отношений;

— препятствует развитию эгоистического и авторитарного типов отношений;

— блокирует склонность манипулировать другими людьми;

— определяет особый тип конфликтного взаимодействия, заключающийся в предпочтении пассивных стратегий конфликтного поведения;

— затрудняет межличностные контакты, усиливая склонность к одиночеству.

В целом коммуникативная сфера тревожной личности характеризуется ярко выраженной ориентацией на социальное одобрение, закладывающей фундамент формирования специфического стиля общения, снижающего риск возникновения тревоги, и выполняющей психотерапевтическую функцию.

Библиографический список

1. Астапов В. М. Функциональный подход к изучению состояния тревоги // Прикладная психология. 1999. № 1. С. 41—47.
2. Березин Ф. Б. Тревога и адаптационные механизмы // Тревога и тревожность / под ред. В. М. Астапова. СПб. : Питер, 2001. С. 134—143.
3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности. Воронеж : МОДЭК, 1995. 446 с.
4. Левитов Н. Д. Психологическое состояние беспокойства, тревоги // Вопр. психологии. 1969. № 1. С. 131—137.
5. Прихожан А. М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. 1998. № 2. С. 21—28.
6. Спилбергер Ч. Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Стресс и тревога в спорте. М. : Физкультура и спорт, 1983. С. 12—24.
7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М. : Педагогика, 1986. Т. 1. 407 с.

ББК 60.542.5-45

А. С. Коголовская

ОСОБЕННОСТИ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КАНИСТЕРАПИИ

Канистерапия изучается как метод реабилитации и развития детей с особыми нуждами. Рассматриваются эффекты и факторы, влияющие на результативность занятий канистерапией.

Ключевые слова: канистерапия, реабилитация, развитие, дети с особыми нуждами.

Kanistherapy is considered as a method of rehabilitation and development of children with special needs. The effects and factors influencing the effectiveness of kanistherapy are discussed in this article.

© Коголовская А. С., 2013

2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Key words: kanistherapy, rehabilitation, development, children with special needs.

В термин «канистерапия» сегодня вкладываются разные значения. Это и лечение, и реабилитация, и психотерапия с привлечением собак.

Метод канистерапии зародился в недрах детской психиатрии и изначально был основан на присутствии собаки во время терапевтического сеанса в кабинете психолога/психотерапевта/психиатра. Автор метода — Борис Левинсон назвал таких собак *co-therapist* (ко-терапевты). Именно присутствие собаки становится эффективным инструментом в руках специалиста [1].

Сегодня доминирует расширительное толкование канистерапии:

канистерапия — это занятия со специально обученными собаками, направленные на коррекцию, реабилитацию и социальную адаптацию лиц с нарушениями развития (дефектами) различного генеза [2];

канистерапия (от лат. *canis* — собака и греч. *θεραπεία* [*therapeia*] — лечение, оздоровление) один из видов лечения и реабилитации человека при помощи обычных или специально отобранных и обученных собак под наблюдением квалифицированных специалистов-канистерапевтов [4].

Среди направлений канистерапии выделяют:

— реабилитационное направление (реабилитация рассматривается как комплекс различных мер по восстановлению автономности, адаптации, трудоспособности и здоровья людей с ограниченными физическими и психическими возможностями, причиной которых являются перенесенные (реабилитация) или врожденные (абилитация) заболевания. Позитивное влияние собак в этой сфере несомненно);

— лечебное направление (например, контактное: собака подобно грелке прикладывается непосредственно к больному органу, эффект от этого значительно превышает эффект от простого согревания);

— диагностическое направление (используют возможности собак в плане диагностики особо значимых и трудновывявляемых заболеваний, например при диагностике рака по запаху в Швеции и Англии);

— идеоаналитическое (собака «лечит» *отношения*, корректирует искаженную семейную систему ценностей, «пытается» перевести отношения из деструктивных в более конструктивные, поддерживающие).

Непосредственно собака не является источником терапии. Она лишь при контакте способна психологически повлиять на человека, пробудить внутренние резервы, стимулировать определенные изменения.

На сегодняшний день наиболее распространенным направлением канистерапии является реабилитация детей с ограниченными возможностями.

Реабилитация — комплексное, направленное использование медицинских, социальных, образовательных и трудовых мероприятий с целью приспособления больного к деятельности на максимально возможном для него уровне [4].

Специальные игры, упражнения с собаками могут приносить оздоравливающий эффект. Например, снимаются чувство неполноценности, депрессии, агрессии, тревожные симптомы, локализуется стресс, улучшается координация двигательных функций, улучшается адаптивность и коммуникативность, налаживаются обменные процессы и стабилизируется АД. Канистерапия может способствовать развитию умственных и эмоциональных способностей, улучшению двигательных функций и моторики.

Это развивающееся и совершенствующееся направление реабилитации. Проводимая разными специалистами работа соответствует основным принципам реабилитации, сформулированным М. М. Кабановым (см.: [3]). К ним относятся:

1) единство биологических и психосоциальных воздействий (при построении системы восстановления, компенсации); учет клинико-биологических и психологических факторов;

2) разносторонность («разноплановость») усилий для организации реабилитационной программы — учет различных сторон жизнедеятельности личности, воздействие на ее разные аспекты (сенсорное развитие, интеллектуальное, эмоциональное, физическое и др.);

3) апелляция к личности больного, принцип «партнерства»: больного включают в лечебно-восстановительный процесс, добиваясь активного его участия в восстановлении нарушенных функций организма и социальных связей;

4) ступенчатость.

В июле — августе 2012 г. в питомнике северных ездовых собак «Северная Надежда» проводились групповые занятия для детей с ОВЗ из города Нея. Дети-инвалиды, проживающие в малых городах, как правило, имеют очень скромные возможности реабилитации. Кроме того, часто эти дети находятся в условиях социальной изоляции, так как местные жители предпочитают дистанцироваться от них и их семей и формируют подобный настрой у своих здоровых детей.

Особенность группы детей с ОВЗ состояла в том, что ее состав был непостоянный, дети были разновозрастные и имели различные заболевания. Нередко в эти группы попадали и здоровые дети с разного рода психологическими трудностями. Большая часть участников уже имела опыт общения с собаками в предыдущем году.

Главной целью занятий являлось расширение коммуникативных возможностей, содействие социализации детей.

Было задействовано несколько собак из питомника, три из них прошли подготовку специально для этих занятий. Детям говорили, как зовут собак, каких они пород, какие функции они выполняют. Часть заданий были направлены на активизацию внимания и памяти.

Игры, в которых дети вместе с собаками принимали участие и которые очень полюбились им, давали заряд положительных эмоций и обеспечивали щадящую физическую нагрузку. Вместе с тем они содействовали развитию памяти, речи, координации действий, способствовали сплочению и совместной деятельности, обучали действовать по правилам.

Расширение коммуникативных возможностей — это не только вовлечение в совместные действия во время занятий, не только совместные, чаще всего позитивные, переживания, но и приобретение знания и понимания того, что лежит в основе поведения. На занятиях происходило научение:

— социальному поведению (оно имеет место и в процессе взаимодействия с другими детьми или взрослыми, и в процессе взаимодействия с собакой, так как важно представлять последствия своих действий, осваивать основы безопасного поведения);

— пониманию своего эмоционального состояния (умению отслеживать его, соотносываться с ним, выражать его социально приемлемым образом);

— пониманию эмоционального состояния других (и людей, и животных).

Для этого изучались основные эмоции, способы их выражения. Дети учились определять их у себя и у других и выражать посредством рисования.

Всего в групповых занятиях приняли участие 28 детей в возрасте от 4 до 16 лет. Мы анализировали динамику состояния тех детей, которые посетили от двух до шести занятий. Таковых было 22 человека.

Вследствие посещения занятий проявились позитивные результаты:

- возрос интерес к занятиям;
 - преодолевались негативизм и скованность;
 - повысилась активность;
 - возросло качество выполнения заданий;
 - повысился самоконтроль;
 - усилилось стремление к общению с детьми, взрослыми, животными;
- возросли способность воспринимать новое, удовлетворенность отношениями;
- повысилась уверенность в себе;
 - улучшилось настроение во время занятий;
 - повысилась творческая активность.

Изменения, выявленные в процессе наблюдения во время занятий и в результате тестирования с помощью цветового теста М. Люшера, показывают динамику состояния детей в ходе проделанной работы. Благодаря тестированию установлены следующие изменения:

- проявились воля, стремление к достижению целей, преодолению препятствий;
- усилился оптимизм, появилась надежда на позитивные изменения;
- усилились спокойствие и уверенность в сфере взаимоотношений;
- улучшилось физическое самочувствие.

На основании наличия или отсутствия позитивной динамики во время занятий мы выделили 3 группы детей. В первую группу вошли дети, у которых положительные результаты достаточно выражены, наблюдаемы и подтверждаются результатами тестирования (36,4 %). Во вторую — те, у кого результаты выражены, но слабо; у кого наблюдаемые результаты не подтверждаются результатами тестирования или они противоречивые, т. е. в одной области позитивные сдвиги, а в другой — негативные (54,5 %). В третью группу вошли дети, у которых положительной динамики не выявлено (9,1 %).

Нас интересовали факторы, повлиявшие на результаты. Дети, которые участвовали в занятиях, изначально имели интерес к общению с животными и настраивались на групповую работу.

Мы предположили, что следующие факторы могли повлиять на результат:

- количество посещенных занятий;
- ситуация в семьях детей, принимавших участие в групповой работе;
- присутствие родителей и их поведение на занятии;
- особенности заболевания;
- особенности личности ребенка.

Связей между возрастом и результативностью работы мы не выявили. Некоторое влияние на результативность оказывает количество посещенных занятий. В группе, где отсутствовала положительная динамика, среднее количество посещенных занятий заметно меньше (2,5), чем в первой (3,1) и второй (3,4). Но очевидно, что этот фактор не является ведущим.

Заметное влияние на результативность занятий оказывает состав семей и ситуация в них. Представители первой группы, у которых наиболее выражены позитивные изменения, — это дети в основном из полных и более или менее благополучных семей. Представители других групп, где результаты ниже или отсутствуют, чаще выходцы из проблемных семей, в которых родители пьют, между ними конфликтные отношения или идет болезненный процесс развода супругов.

Поведение родителей, присутствующих на занятиях, оказало значительное влияние на их результативность. Причем более всего заметна роль непродуктивного поведения родителей. Это выразалось в том, что они, присутствуя на занятиях, не проявляли положительных эмоций и интереса к своим детям и к тому, чем они занимались. Например, уделяли внимание только грудному ребенку и его потребностям, игнорируя старшего ребенка, или же были заняты удовлетворением собственных интересов и потребностей, когда с их детьми работали специалисты. На это дети реагировали следующим образом:

1) выпадали из группового процесса (Катя М., 8 лет, с трудом включалась в коллективные игры. Если ее мама с маленьким ребенком отходила к вольерам посмотреть на собак, то Катя следовала за ней, забывая о занятии. Маме было неинтересно смотреть на детские игры, и Катя во время занятия ходила за мамой);

2) проявляли негативные эмоции, сопротивлялись участию в групповых играх (Лера В., 5 лет, была замкнута, недовольна, демонстративно отказывалась участвовать в коллективных играх. По окончании первого занятия во время чаепития расплакалась. Получив поддержку и утешение от взрослых, быстро успокоилась и стала пить чай с другими детьми. После этого на занятии она приходила в хорошем настроении, проявляла положительные эмоции. В дальнейшем она откликалась не на все, а лишь на определенные задания, например рисование впечатлений, кормление животных, проявляла заботу о старшей сестре, больной аутизмом, но от активных групповых игр часто отказывалась. Создавалось впечатление, что она старается привлечь внимание мамы, малоэмоциональной, занятой младшим ребенком 1,5 лет. Кроме того, девочка пыталась заменить нехватку материнского внимания и поддержки тягой к ведущим, у которых часто спрашивала, хорошо ли у нее получается).

Позитивное внимание и интерес родителей во время занятий необязательно давали положительный результат, так как в этом случае решающее влияние могли оказывать другие факторы, о которых речь пойдет ниже. Таким образом, продуктивное поведение родителей во время занятия — необходимое базисное условие, позволяющее достигать положительных результатов, но, конечно же, недостаточное.

Состояние здоровья — еще один значимый фактор, влияющий на результативность. В первой группе состояние детей, имеющих инвалидность, не столь тяжелое, как в остальных, а 62,5 % детей — здоровые. Во второй группе здоровых детей 25,0 %, а в третьей группе их вообще нет. Во второй и третьей группах чаще встречаются дети с комплексными заболеваниями более тяжелого характера.

Существенное влияние на результативность оказывают особенности личности ребенка. Это, например, эмоциональная неустойчивость, внутренняя конфликтность, сильно выраженная неуверенность в себе, уязвимость и др. В первой группе наименьший процент таких детей (12,5 %), во второй —

25,0 %, а в третьей — наибольший (50,0 %). То есть существует прямая связь между наличием личностных особенностей, затрудняющих адаптацию, и результативностью работы. Для достижения сходных результатов детям с трудностями адаптации требуется больше времени и эмоциональная поддержка значимых взрослых.

Участники занятий, вошедшие в первую группу, заметно больше стремились контактировать с другими детьми (75,0 % против 58,3 % во второй группе и 50,0 % в третьей). В первой группе ярче, чем во второй, проявились такие результаты, как повышение активности участия в групповой работе, повышение уверенности в себе, рост удовлетворенности отношениями с окружающими, стремление к общению.

Во второй группе выявлены и другие результаты, связанные со специфическими проблемами ее участников. Это достижение большего спокойствия детей, позитивные изменения в эмоциональной сфере и улучшение речи.

Таким образом, позитивные изменения в поведении и в личности обусловлены ситуацией в семьях, поведением родителей на занятиях, особенностями заболевания и особенностями личности ребенка.

Это свидетельствует о том, что сами по себе инновационные методы реабилитации детей с ОВЗ хотя и приносят позитивные результаты и, безусловно, повышают эффективность реабилитации, но не могут заменить собой или в полной мере компенсировать дефицит базовых условий существования и развития — удовлетворительных семейных отношений, родительской любви и внимания.

Канистерапия — это путь, открывающий дополнительные возможности для развития и реабилитации детей с ОВЗ, усиливающий эффективность обучающей, развивающей и реабилитационной работы с ними, и важно содействовать его развитию.

Все вышесказанное позволяет выделить еще одно направление в канистерапии — диагностику, коррекцию и развитие детско-родительских отношений.

Библиографический список

1. *Абрамова В.* Шелти, канистерапия и проблемы метода на современном этапе развития. URL: <http://dog-ter.ru/articles/canister/46-ocanisterapii> (дата обращения: 28.02.2013).
2. *Любимова Т. Л.* Актуальные проблемы канистерапии : опыт работы центра канистерапии «Солнечный пес» // Материалы Второй Междунар. конф. по канистерапии, 24 февр. 2010 г., пос. Коткишево, Нейский р-н, Костромская обл. URL: <http://sportfes.getbb.ru/viewtopic.php?f=7&t=150&st=0&sk=t&sd=a&start=10> (дата обращения: 28.02.2013).
3. Словарь-справочник для родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями / под ред. Л. Г. Гусяковой, С. Г. Чудовой. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/34/word/reabilitacija> (дата обращения: 28.02.2013).
4. Sacred Talisman. URL: <http://sacred-talisman.jimdo.com/> (дата обращения: 28.02.2013).

ББК 60.543.172 : 60.542.2

*Е. В. Лукьянова, И. Ю. Лукьянов***ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ
УЧЕБНОГО СТРЕССА У СТУДЕНТОВ ВУЗА**

Представлен результат сравнительного анализа стрессогенности факторов учебной деятельности, выраженности симптомов психоэмоционального напряжения у студентов разного пола.

Ключевые слова: учебный стресс, симптомы психоэмоционального напряжения, управление стрессом.

The results of the comparative analysis of stressors of learning activity, symptoms of emotional stress among students of different sexes are presented.

Key words: academic stress, stress at work, symptoms of emotional stress, stress management.

Повышенный исследовательский интерес вызывает проблема стрессоустойчивости в учебно-профессиональной деятельности. В частности, появляется все больше работ, которые строятся на понимании стрессогенности образовательной среды как развивающейся психологической реальности. Длительное воздействие стресса приводит к таким неблагоприятным тенденциям и последствиям, как снижение общей психической устойчивости организма, появление чувства неудовлетворенности результатами своей деятельности, отказ от выполнения заданий в ситуациях повышенных требований и неудач [1, 8].

Успешная учебная деятельность студента зависит не только от степени владения приемами интеллектуальной работы; она обусловлена также личностными параметрами — устойчивой системой отношений студента к окружающему миру и к самому себе, т. е. его адаптационными возможностями и типом поведения в различных сферах деятельности [3, 5]. Наиболее важным для данного жизненного этапа, когда ведущей выступает учебно-профессиональная деятельность, является достижение определенного поведения, способствующего поддержанию стрессоустойчивости организма. Причем стили реагирования юношей и девушек на вызванный сложными обстоятельствами стресс отчетливее всего проявляются в способах защиты, к которым они прибегают [9]. Однако проблема по исследованию механизмов гендерных влияний на проявление учебного стресса остается малоизученной как в физиологии, так и в психологии. Таким образом, целью работы стало изучение особенностей проявления учебного стресса у студентов разного пола.

В исследовании приняли участие 270 юношей и девушек — студентов ИвГУ в возрасте от 17 до 20 лет. Для оценки стрессогенности факторов учебного процесса была использована методика комплексной диагностики учебного стресса [6]. Для проверки различий в уровне исследуемого признака использовался U-критерий Манна — Уитни. Критическое значение уровня значимости принималось равным 5 %. Статистический анализ проводился с помощью программы «Биостатистика» [2].

© Лукьянова Е. В., Лукьянов И. Ю., 2013

2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

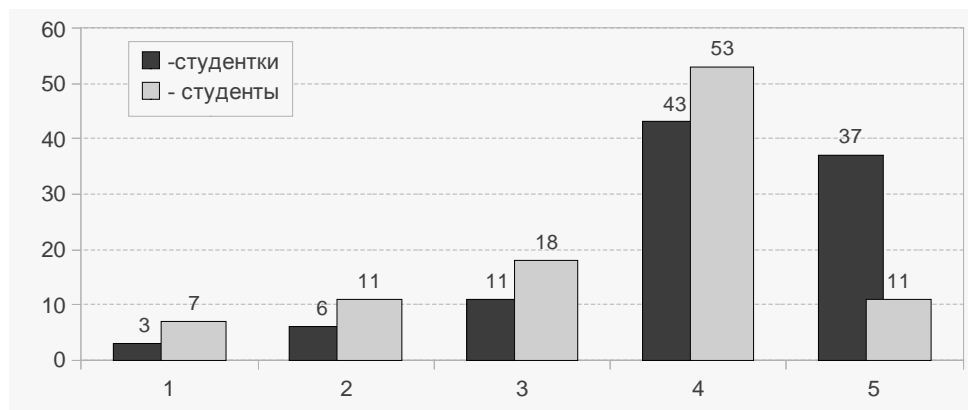

Рис. 1. Распределение обучающихся по самооценке уровня стресса: ось ординат — число респондентов, %; оси абсцисс — категория оценки уровня стресса: 1 — значительно уменьшился, 2 — уменьшился, 3 — не изменился, 4 — увеличился, 5 — значительно увеличился

На основе полученных данных по методике диагностики учебного стресса было установлено, что 64 % студентов и 80 % студенток указывают на увеличение уровня стресса в течение текущего семестра. При этом «значительное повышение уровня стресса» было отмечено 37 % студенток, что в 3 раза больше по сравнению с оценкой проявления уровня стресса студентами мужского пола (11 %) (рис. 1).

Таблица 1

Оценка уровня стрессогенности факторов учебного процесса у студентов разного пола

Фактор	Пол студента				Значение U-критерия Манна — Уитни (уровень значимости)
	мужской (n = 45)		женский (n = 225)		
	M*	SD*	M	SD	
Строгие преподаватели	4,7	1,75	5,1	1,88	0,956 (0,339)
Большая учебная нагрузка	6,0	1,87	7,2	1,78	3,358 (< 0,001)
Отсутствие учебников	5,0	2,78	4,1	2,39	1,747 (0,077)
Неумение организовать свой режим дня	4,9	2,65	4,8	2,60	0,394 (0,693)
Нерегулярное питание	4,7	2,40	5,3	2,66	1,166 (0,243)
Конфликт в группе	2,4	1,70	2,8	2,26	0,151 (0,880)
Излишне серьезное отношение к учебе	3,7	2,33	5,4	2,55	3,721 (< 0,001)
Нежелание учиться или разочарование в профессии	3,7	2,53	4,0	2,88	0,614 (0,539)
Страх перед будущим	3,2	2,24	5,1	2,78	3,860 (< 0,001)
Проблемы в личной жизни	3,7	2,79	4,6	3,09	1,573 (0,115)

* M — среднее, SD — стандартное отклонение.

Средний уровень самооценки стрессогенности учебного процесса студентками составляет 4,6 балла, что выше ($Z_{U-критерия} = 2,46$; $p = 0,013$) по сравнению с оценкой студентов. В табл. 1 представлены результаты сравнительного анализа показателей стрессогенности факторов учебного процесса. По мнению студентов обоего пола, в большей степени стресс в учебно-профессиональной деятельности вызывают следующие факторы: «большая учебная нагрузка», «неумение правильно организовать свой режим дня», а также

Серия

• «Естественные, общественные науки»

«нерегулярное питание». Значения по этим факторам находятся в диапазоне средних и повышенных величин. Однако, в отличие от студентов мужского пола, студентки выделяют как наиболее стрессогенные следующие факторы учебного процесса: «большая учебная нагрузка» ($p < 0,001$), «излишне серьезное отношение к учебе» ($p < 0,001$) и «страх перед будущим» ($p < 0,001$).

Результаты анализа выраженности симптомов психоэмоционального напряжения представлены в табл. 2. Существуют значительные различия в показателях у студентов разного пола. Негативная симптоматика наиболее выражена у студенток, которые оценивают учебный процесс как деятельность в условиях постоянной спешки и хронической нехватки времени (6,9 балла). Эти студентки отличаются раздражительностью и обидчивостью ($p = 0,003$), депрессивным настроением ($p = 0,027$), повышенной тревожностью ($p = 0,028$). В состоянии стресса они ощущают беспомощность ($p < 0,001$) и неуверенность в себе ($p = 0,014$). Несмотря на то что девушки в большей степени испытывают постоянную нехватку времени, этот симптом психоэмоционального напряжения находится в диапазоне повышенных значений и у юношей. Таким образом, данный симптом среди остальных, которые отмечены студентами обоего пола, является доминирующим.

Таблица 2

**Показатели выраженности симптомов психоэмоционального напряжения
у студентов разного пола**

Показатель	Пол студента				Значение U-критерия Манна — Уитни (уровень значимости)
	мужской (n = 45)		женский (n = 225)		
	M*	SD*	M	SD	
Ощущение беспомощности, невозможности справиться с проблемами	3,5	2,47	4,9	2,40	3,323 (< 0,001)
Невозможность избавиться от посторонних мыслей	4,7	2,86	5,2	2,43	1,121 (0,262)
Повышенная отвлекаемость, плохая концентрация внимания	4,8	2,48	5,1	2,50	0,614 (0,539)
Раздражительность, обидчивость	3,0	1,98	4,3	2,51	2,967 (0,003)
Плохое настроение, депрессия	4,0	2,42	5,0	2,64	2,201 (0,027)
Страх, тревога	3,3	2,27	4,2	2,39	2,192 (0,028)
Потеря уверенности, снижение самооценки	3,1	2,22	4,2	2,58	2,450 (0,014)
Спешка, ощущение постоянной нехватки времени	5,9	2,90	6,9	2,42	1,953 (0,051)
Плохой сон	3,9	2,26	4,5	2,95	0,867 (0,386)
Нарушение социальных контактов, проблемы в общении	2,8	2,02	3,1	2,22	0,545 (0,585)
Учащенное сердцебиение, боли в сердце	2,3	2,02	3,1	2,47	2,052 (0,040)
Затрудненное дыхание	2,0	1,74	2,1	1,83	0,605 (0,545)
Проблемы с желудочно-кишечным трактом	2,0	1,70	2,9	2,29	2,053 (0,040)
Напряжение или дрожание мышц	1,8	1,16	2,6	1,92	2,509 (0,012)
Головные боли	2,8	1,88	4,9	2,80	4,339 (< 0,001)
Низкая работоспособность, повышенная утомляемость	4,3	2,44	5,7	2,51	3,154 (0,002)

* M — среднее, SD — стандартное отклонение.

Симптоматика, связанная с вегетативными реакциями, имеет уровень низкого проявления (по 10-балльной шкале 1—3 балла) у мужской выборки. Однако для студенток характерны повышенные значения по таким симптомам, как «головная боль» ($p < 0,001$), «низкая работоспособность и повышенная утомляемость» ($p = 0,002$). Отличают девушек-студенток и более частые по сравнению со студентами проблемы в функционировании ЖКТ и сердечно-сосудистой системы в ситуации повышенной стрессогенности.

Одним из компонентов учебного стресса является экзаменационный стресс, который оказывает существенное влияние как на психологическое, так и на физиологическое состояние учащихся [3, 6]. Так, величина предэкзаменационного волнения у студенток составляет 8,1 балла; у студентов — 6,5 балла ($Z_{U\text{-критерия}} = 5,087$; $p < 0,001$).

Самооценка выраженности физиологических реакций представлена на рис. 2. Наблюдаемые симптомы характеризуют повышение активности симпатической нервной системы в ситуации стресса, причем данная реакция более выражена у студенток по сравнению со студентами. Так, если студенты мужского пола в условиях экзаменационной деятельности испытывают учащенное сердцебиение (76 %) и скованность (напряжение) мышц (33 %), то профиль стресс-симптомов у студенток включает не только учащенное сердцебиение (83 %) и напряжение мышц (53 %), но и головные боли (46 %), и сухость во рту (36 %).

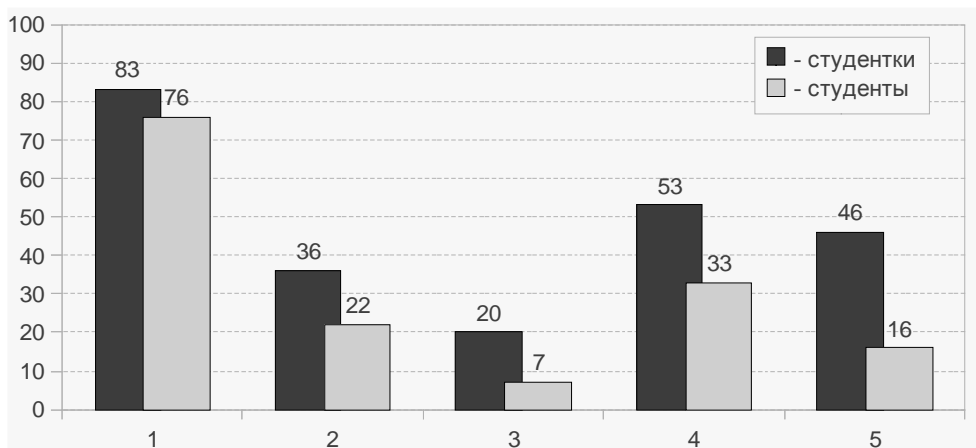

Рис. 2. Выраженность симптомов экзаменационного стресса у студентов разного пола:

ось ординат — число респондентов, %; ось абсцисс — физиологическая реакция:
 1 — учащенное сердцебиение, 2 — сухость во рту, 3 — затрудненное дыхание,
 4 — напряжение мышц, 5 — головная боль

Во избежание психоэмоционального напряжения и связанных с ним последствий, которые могут привести к дезадаптации и возникновению психосоматических заболеваний, студенты выбирают разные методы защиты и вырабатывают определенный совладающий стиль поведения [4, 7]. В данной работе выявлено, какие приемы студенты используют в стрессовой ситуации учебно-профессиональной деятельности. Наиболее частыми (т. е. имеющими востребованность более 50 %) методами стресс-менеджмента у студентов мужского пола являются: сон (64,4 %), общение с друзьями (62,2 %) и хобби (57,8 %). У студенток приоритеты несколько иные: общение с друзьями

Серия

• «Естественные, общественные науки»

(88,8 %), сон (85,7 %), вкусная еда (66,9 %), перерыв в работе (62,1 %) и прогулки на свежем воздухе (56,7 %). Следует отметить, что негативные приемы снятия стресса (потребление алкоголя, курение) по частоте использования студентами обоих полов имеют достаточно низкие значения.

Таким образом, проблема изучения учебно-профессионального стресса вызывает повышенный исследовательский и практический интерес в связи с такой важной социальной задачей, как формирование гендерных установок стресс-толерантного поведения в будущей профессионально-педагогической деятельности. Обозначенная проблема в некоторой степени откроет новые перспективы для прикладных исследований, в частности для психолого-педагогической работы со студентами — будущими педагогами разного пола.

Библиографический список

1. *Бодров В. А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : Пер Сэ, 2006. 528 с.
2. *Гланц С.* Медико-биологическая статистика. М. : Практика, 1998. 459 с.
3. *Ильин Е. П.* Психофизиология состояний человека. СПб. : Питер, 2005. 412 с.
4. *Лукьянова Е. В., Лукьянов И. Ю.* Защитно-совладающее поведение у студентов с низким уровнем адаптационного потенциала // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Естественные, общественные науки. 2011. Вып. 1. С. 57—60.
5. *Налчаджан А. А.* Психологическая адаптация. М. : Эксмо, 2010. 368 с.
6. *Щербатых Ю. В.* Психология стресса и методы коррекции. СПб. : Питер, 2006. 256 с.
7. *Handbook of Stress Medicine and Health / ed. by C. L. Cooper.* New York : CRC Press LLC, 2005. 410 p.
8. *Health Psychology. Topics in Applied Psychology / Ch. Abraham, M. Conner, F. Jones, D. O'Connor.* London : Hodder Education, 2008. 290 p.
9. *Noelen-Hoeksema S., Girgus J. S.* The emergence of gender differences in depression during adolescence // *Psychological Bulletin.* 1994. Vol. 115. P. 424—443.

ББК 60.524.45

Н. В. Смирнова, Н. В. Попель

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩЕГО ПСИХОЛОГА И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

Рассматривается соотношение развития профессионально важных качеств будущего психолога и условий компетентностного подхода в вузе.

Ключевые слова: компетентность, компетентностный подход, профессионально важные качества, рефлексия, эмпатия.

In the article the problem of correlation of development of professionally important qualities of future psychologist and conditions of competence-based approach in high school is considered.

Key words: competence, competence-based approach, professionally important qualities, reflection, empathy.

Инновационный характер современных социальных процессов в стране четко прослеживается и в сфере высшего профессионального образования. Подписание Россией Болонской декларации, принятие нового «Закона об образовании в Российской Федерации» показывают приверженность государства идеям интеграции, гуманизации и гуманитаризации образования, повышению его качества. Вместе с тем современная социокультурная ситуация и трансформация российского общества в значительной степени обострили проблему адаптации формирующейся личности к социальным условиям. «Мы столкнулись сегодня с очень сложной ситуацией, — отмечает Д. И. Фельдштейн, — когда глобальные изменения (экономические, технологические, социальные) преобразовали все стороны жизни общества и, главное, обусловили качественные изменения самого человека — его восприятия, сознания, мышления, потребностно-мотивационной и эмоционально-волевой сфер, его жизненных ритмов, пространства деятельности, структуры отношений, душевных переживаний, этических и ценностных аспектов бытия» [5].

Это, в свою очередь, все более активизирует задачу подготовки в новых условиях активной целеустремленной личности, проявляющей высокий уровень профессиональной культуры, адаптивной к складывающимся в профессиональном и социальном сообществах нормам и ценностям, обладающей способностью конструктивно преодолевать трудности.

В теории профессионального образования совокупность профессиональных требований к специалисту называется по-разному: квалификационная характеристика, профессиограмма личности, профессиональная готовность, профессиональная компетентность. Характеризуя одну проблему, эти педагогические категории имеют разные смысловые доминанты и употребляются в разных контекстах. В последние десятилетия все чаще говорят о

компетентностном подходе, в рамках которого одинаково активно используются два близких понятия: компетентность и компетенция. Анализ литературы показывает, что *компетентностный подход* — это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. Основным признаком компетентностного подхода в образовании является развитие у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального и личного опыта. *Компетенция* — это совокупность взаимосвязанных качеств личности (знания, умения, навыки, способы деятельности), необходимых человеку, чтобы качественно и продуктивно действовать в будущей профессии; это наперед заданное требование (норма) к образовательной подготовке учащегося. *Компетентность* же — это владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности; это состоявшееся личностное качество (совокупность качеств) ученика и минимальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере [3, с. 197]. Компетенция в основном связана с процессом образования, получения профессии. Она является индикатором его результата и включает в себя когнитивную, операционально-технологическую, мотивационную, этическую, социальную и поведенческую составляющие. На наш взгляд, педагогическое понятие «компетентность» в данном случае гармонизируется с психологическим, а именно — «профессионально важные качества», которые, с одной стороны, отражают некий личностный потенциал, а с другой — могут явиться результатом обучения в условиях того, что в современной педагогике и ФГОС ВПО называется «компетентностный подход».

В психологической концепции компетентности, развитой Дж. Равеном, подчеркивается системный характер данного феномена. В качестве необходимой составляющей компетентности выступают ценности и жизненные цели человека. Принципиально в его концепции то, что ценности — это не просто некое внешнее по отношению к компетентности явление. Они входят в структуру компетентности как важнейшая составляющая, без их учета невозможно полноценно изучать компетентности. Он подчеркивает, что «прежде чем браться за оценку чьих-то способностей, необходимо установить ценности, увлечения или намерения данного индивида <...> Нет никакого смысла пытаться оценить способности человека вне связи с субъективно значимыми для него целями» [там же].

В структуру профессиональных компетенций будущего психолога входит рефлексия как знание о способах самоанализа и самоизменения с целью наиболее продуктивной деятельности. Наш опыт показал, что в подготовке психолога необходимо осуществление следующих условий становления профессиональной рефлексии как составной части профессиограммы: создание среды, способствующей саморазвитию студента и стимулирующей его; организация максимального напряжения сил в процессе учебной деятельности; обеспечение большей свободы в выборе учебных дисциплин и способов их освоения; профессиональное содружество с «референтным» преподавателем.

Знание о рефлексии и рефлексивная деятельность гуманитарны по своей сути. Гуманитарное знание — это основной инструмент освоения профессии будущими психологами. Именно гуманитарный тип познания мира и себя в мире важен для самосознания человека, потому что оно обеспечивает

его бытие, указывает на его место в мире, определяет, что он может, а что нет, на что имеет, а на что не имеет права. Оно, по словам А. Г. Асмолова, помогает человеку извлечь цели из самого себя [1, с. 387].

Исходя из самого общего представления о профессии «психолог», считаем, что основными компетенциями, которыми должен обладать представитель данной профессии, являются компетенции социальные, т. е. совокупность личностных характеристик, знаний и способов деятельности в области общения, понимания другого человека, помощи, посредничества и др.

Мы решили выяснить, какими компетенциями должен обладать психолог, у студентов этой же специальности. В исследовании участвовали студенты социолого-психологического факультета специальности «Психология» 4-го курса ИвГУ. Вопрос звучал так: «Какими компетенциями должен обладать психолог?» При этом мы не стали уточнять, знают ли студенты, что такое профессиональная компетенция, и ограничивать респондентов в количестве их ответов.

Изучив ответы, мы получили шесть самых распространенных вариантов. На первом месте оказалась «обучаемость и готовность постоянно повышать свою квалификацию» (56 %). Далее следует «владение теоретической базой» (52 %). Одинаковое количество ответов получили компетенции «коммуникативные» и «практические и методологические умения» (по 40 % соответственно). Такие свойства личности, как эмпатия и сотрудничество, назвали в качестве компетенций психолога 32 % респондентов. И на последнем среди самых встречаемых ответов месте оказался «жизненный опыт» (12 %). Таким образом, очевиден «перевес» компетенций, которые можно условно назвать «когнитивными» или «знаниевыми», и это, видимо, связано с особенностями студенческой выборки. Тем не менее отметим, что для студентов 4-го курса необходим более практически направленный выбор компетенций, в котором бы отражалось не только их стремление учиться, но и осознание важности таких компетенций, которые бы выходили прямо в профессию. Можно предположить, что если человек успешен как профессионал, любит свою работу, то у него больше шансов остаться востребованным в своей профессиональной области. Но для того чтобы человек успешно формировался как профессионал, он должен не только сделать правильный выбор будущей профессии, но и развиваться в верном направлении, становиться специалистом в выбранной области профессиональной деятельности, не только усваивать предоставляемые ему знания, но и развивать *профессионально важные качества* — индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на ее эффективность. А. А. Бодалев, говоря о формировании профессионализма психолога-специалиста, наряду с такими профессионально важными качествами, как мотивационная включенность, эмоциональная выносливость, работоспособность, высокая нравственность, указывает на важную роль когнитивно-интеллектуального компонента познавательных способностей. Называя мастером в своей профессии того психолога, который «владеет способностью глубоко и точно понимать главные особенности внутреннего мира другого человека, успешно оценивать его как личность, как субъекта деятельности и совсем близко к реальности схватывать его индивидуальное своеобразие», он отмечает, что «для развития способности постигать сущность внутреннего мира другого человека <...> кроме само собой разумеющейся наблюдательности, большое значение имеет воображение, отмечаемое у лица, выступающего в качестве специалиста-психолога. Но воображение

профессионально направленное: по внешним проявлениям человека, по особенностям его мимики и пантомимики, положению тела в пространстве, модуляциям и тону голоса, по его моторике в целом, количественно-качественным характеристикам выполняемой им деятельности и другим признакам представлять его состояние в данной ситуации, его отношение к происходящему, к тем, кто около него находится, к тому, в чем он участвует, его желания в данный момент и прочее — это примеры деятельности воображения, направленной на познание другого человека» [2, с. 19].

Т. А. Флоренская пишет, что «у психолога-профессионала должна быть развита способность к децентрации, то есть умение ставить себя на место другого человека и смотреть на окружающее и самого себя его глазами, должна быть у него способность к эмпатии — сопереживанию. Но чтобы сохранить возможность квалифицированно помочь этому человеку в его проблемах, психолог должен уметь удерживать себя на позиции вневходимости и осуществлять постоянное слежение и за собой, внося вовремя психологически целесообразные коррективы в свое поведение» [4, с. 87]. Можно сказать, что успешность практической деятельности психолога во многом зависит от такого качества, как аутентичность (конгруэнтность самому себе).

На базе 1—5-х курсов социолого-психологического факультета ИвГУ нами было проведено исследование среди студентов-психологов с целью выяснить, происходит ли качественное изменение в системе профессионально важных качеств на разных этапах обучения. Использовались определенные методики для исследования эмпатийных способностей, коммуникативных умений, уровня творческого потенциала, социальной зрелости. Анализ результатов по диагностике эмпатийных способностей показал, что для большинства студентов всех курсов характерен заниженный уровень эмпатии, средний уровень проявляется практически в равном соотношении у студентов всех курсов. Есть и будущие психологи с очень низким уровнем эмпатии. Материалы диагностики уровня творческого потенциала демонстрируют, что для 61 % студентов каждого курса характерны средние способности к творчеству, для остальных — слабые.

Использование методов математической статистики выявило, что значимое различие между результатами выборки с 1-го по 5-й курс существует лишь по таким «инструментальным» профессионально важным качествам, как «умение слушать», «терпимость в общении». Уровень социальной зрелости также повышается от 1-го к 5-му курсу. Можно предположить, что эти качества формируются в условиях компетентного подхода и на их развитие влияет именно учебный процесс. Однако здесь требуется дополнительное исследование.

Становление личности профессионала успешно осуществляется лишь в том случае, если в процессе обучения формируется система адекватных представлений о профессии, общекультурных и профессиональных компетентностей, участвующих в формировании жизненных планов личности, организующих и направляющих ее активность, придающих ей качественное своеобразие, неповторимый индивидуальный и социальный облик. Профессиональное становление личности уже на этапе обучения заключается в том, что, выбирая профессию, осваивая ее, профессионально совершенствуясь, личность изменяется, формируются опыт и компетентность, развиваются профессионально важные качества.

Сегодня организаторы учебно-воспитательного процесса в вузе, как правило, оказываются перед лицом следующей альтернативы: либо стать проводниками «культуры полезности» (а для студента это направленность на экзамен как формальный итог обучения) и через образование вести формовку, штамповку личности, либо так организовать деятельность в сфере образования, чтобы помочь каждому человеку найти себя в профессии. Хотя нельзя не согласиться с А. Г. Асмоловым, который пишет: «Личность всегда шире своей профессии. Образование, понимаемое как расширение возможностей развития личности, образование, ушедшее от адаптивно-дисциплинарных подходов к обучению и воспитанию, помогает учащемуся совершить в жизни самый трудный выбор — выбор быть человеком» [1, с. 402]. На наш взгляд, в огромной степени это относится к профессии психолога.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М. ; Воронеж : Ин-т практ. психологии, 1996. 587 с.
2. Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М. : Флинта-Наука, 1998. 168 с.
3. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М. : Когито-Центр, 2002. 396 с.
4. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. М. : Ин-т психологии АН СССР, 1991. 244 с.
5. Глобальные изменения в обществе обуславливают качественные изменения самого человека : интервью с Д. И. Фельдштейном. URL: http://psyjournals.ru/psyedu/2009/n2/n3/22801_full.shtml (дата обращения: 21.02.2013).

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ББК 60.524.258.3

И. И. Завозьяев, В. И. Назаров

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГРОЗАМ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ НАРКОЗАВИСИМОСТИ МОЛОДЕЖИ

Обсуждается проблема создания общенациональной системы противодействия угрозе наркотизации молодежи в современной России. Авторы считают, что необходимость формирования такой системы достигла критического значения. Разрозненные усилия различных институтов общества оказываются недостаточными. Объединение их деятельности в рамках конкретного направления способно значительно увеличить эффективность. Создание подобной технологии находится на этапе замысла, что требует дополнительных комплексных научных изысканий. Авторы доказывают, что ведущими должны стать исследования, направленные на повышение социального влияния на основе применения достижений социальной психологии.

Ключевые слова: молодежь, угроза, зависимость, борьба, национальные масштабы, социальная технология.

The problem of creation of a nationwide system for resistance to dangers of youth's drug addiction in contemporary Russia is discussed in the article. The authors consider that the necessity of formation of such a system has reached the critical point. Odd efforts of different public institutions are insufficient. Unification of their activity in the frames of a concrete direction is able to raise effectiveness substantially. Creation of such a technology is now at the blue-print stage and requires additional complex scientific researches. The authors prove that researches aimed at promotion of social influence on the basis of social psychology achievements application should be leading ones.

Key words: youth, danger, addiction, resistance, nationwide, social technology.

История и культура едва ли не каждого народа свидетельствуют об употреблении в различных немедицинских целях психоактивных веществ (ПАВ). Одновременно выявляются примеры того, как желание сохранить прибыльность от продажи наркотических веществ населению приводило даже к межгосударственным конфликтам (достаточно вспомнить так называемые «опиумные войны»). Особенностью современного этапа развития нашей страны, в частности, стало использование ПАВ в масштабах, превосходящих все существовавшие до настоящего времени. Тенденции дальнейшего роста их употребления по своей динамике напоминают эпидемию, что вызывает острое чувство тревоги. В той или иной мере подобное становится проблемой большинства стран, включая государства с развитой экономикой. Общей чертой, помимо масштабности происходящего, является изменение у населения психологических мотивов к началу употребления активных веществ (употребление ПАВ становится частью культуры общения, культуры отдыха и др.). Создание заинтересованными преступными сообществами

© Завозьяев И. И., Назаров В. И., 2013

2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

новых искусственных рецептур ПАВ делает затруднительным принятие мер государством по своевременному созданию противодействующих лекарственных форм. Особо тревожным выглядит рост употребления ПАВ в молодежной среде, в которой оно приобретает черты моды, трансформируясь в субкультуру.

Безусловно, меры борьбы с наркоманией изначально должны быть многообразны и комплексны и учитывать как возможности общественных и государственных институтов, привлекаемых для борьбы с этим социальным злом, так и результативность подходов, соответствующих профилактическому применению этих мер в зависимости от стадии и фазы формирующейся наркозависимости. При этом все усилия, действующие в комплексе, должны быть системными, чтобы эффективнее использовать имеющиеся ресурсы для противодействия угрозам появления зависимости от ПАВ. Очевидно, что необходима общенациональная технология социального влияния.

В странах Западной Европы и США можно видеть примеры, которые говорят о стремлении их обществ и государств создавать системы мер противодействия и борьбы с распространением наркотиков. В каждой из них особое место отводится усилиям по защите молодежи. Адресной группой для основных воздействий становятся молодые люди, не имеющие опыта употребления ПАВ, или те, у кого данный опыт сводится к единичным случаям. Это является объективным следствием особенностей биохимического и психологического воздействия современных наркотических веществ, употребление которых даже в течение короткого периода приводит к устойчивой зависимости, что делает целесообразным принятие превентивных мер. Основные усилия на первых этапах процесса противодействия потенциально опасному приобщению к употреблению ПАВ связаны с усилением социального влияния на контактные, организованные и малые группы молодежи. В общенациональном плане на основе социально-психологических рекомендаций выполняются комплексы мер с целью дескрипитации направленности в сторону приобщения к употреблению ПАВ. «Жизнь пройдет мимо, если Вы будете дружить с ПАВ» — данную мысль можно считать лейтмотивом социальной рекламы и пропаганды. При этом места отдыха или встреч молодежи, ее организованной деятельности являются местами наибольшей активности персонала данных систем.

Наш опыт как основание для оценок эффективности подобных усилий связан с изучением практической деятельности общественных и государственных институтов в ходе нашего пребывания в графстве Стафффордшир (Великобритания) и стажировки сотрудников социально-психологического факультета в Университете Клемсона (США, штат Южная Каролина). Неоценимую помощь в изучении проблем наркозависимости мы получили в качестве участников обучающих семинаров, которые проводили американские коллеги на базе Ивановского государственного университета. В рамках их программы особое внимание уделялось обсуждению вопросов выявления и устранения причин формирования хронической зависимости. С благодарностью отмечаем, что эту часть программы проводила Коринн Ф. Герве [3]. Не отражая в данном случае всего многообразия точек зрения и мнений, характеризующих отношение специалистов к наличию и продуктивности деятельности подобных систем, следует признать необходимость их дальнейшего развития в направлении совершенствования социальной технологичности. Для их более полной оценки можно использовать публикации материалов

Серия

• «Естественные, общественные науки»

конференции «Новые социальные технологии в сфере работы с молодежью и пожилыми людьми» [10]. По нашему мнению, следует отметить две важные особенности данных систем. Они значительно усилены работающими в них специалистами и организационно-финансовой помощью муниципальных структур. В этой связи на базовом уровне их можно характеризовать как примеры работы с молодежью по месту жительства, в том числе в клубах и молодежных сообществах, специально создающихся для указанных целей. В Великобритании и США, на наш взгляд, центральное место для осуществления контактов с проблемными молодыми людьми занимают лица, получившие необходимое образование как социальные работники («полевые сотрудники») и по аналогии с отечественным психолого-педагогическо-медицинское («специалист по зависимостям»). В каждой из названных стран указанные сотрудники обладают определенными полномочиями по отношению к родителям, их работодателям и лицам, так или иначе причастным к решению молодежных проблем. В рамках систем имеются взаимодействующие между собой социально-психологические, медицинские, образовательные, организационные и иные структуры. Всю работу обосновывают и регламентируют принятые на государственном и региональном уровнях необходимые документы.

Можно определить направление работы зарубежных коллег по противодействию формированию наркозависимости у молодых лиц в сегодняшней ситуации и на перспективу как стратегически обоснованное объективными причинами. Внедрение общества и государства в оказание медицинской помощи лицам, имеющим наркозависимость, к сожалению, не достигает в значительном проценте случаев необходимых результатов, имеет тенденцию неуклонного удорожания стоимости реабилитации и в целом не меняет ситуации распространения негативной практики употребления ПАВ молодежью. Несколько эффективнее итоги подобной деятельности ряда частных клиник, доступность которых для массы нуждающихся, тем не менее, ограничена по финансовым причинам. Однако необходимо напомнить, что в любом случае употребление ПАВ оставляет след в виде ухудшения здоровья значительных групп молодежного населения, снижая одновременно их производительный потенциал, ослабляя государство с демографической и экономико-производственной стороны. Тем самым проблема совершенствования противодействия наркотизации населения выходит на уровень актуальных геополитических задач государства и общества [8].

В нашей стране имеются примеры аналогичных по назначению систем противодействия, созданных и функционирующих в регионах [11]. В то же время отечественная организация системного противодействия наркотизации молодого населения нашей страны вызывает ряд вопросов. Прежде всего это касается ее структуры (как возможной базовой основы для национальной системы противодействия), в настоящее время представляющей собой весьма фрагментарную конструкцию. Поэтому можно видеть, что системного взаимодействия между ответственными за ее работу подструктурами (институтами) чаще всего не происходит. Основным критерием для такого утверждения становится принцип наличия или отсутствия преемственности между усилиями структур системы противодействия применительно к особенностям, динамике и общей схеме процесса наркотизации у различных групп населения. Другой предпосылкой эффективности мер противодействия может стать социальное влияние на выбор в пользу отказа молодых лиц от разового употребления ПАВ по любым поводам (за исключением медицинских). Субъект,

по направлению к которому оказывается социальное влияние, в идеальном случае должен как бы передаваться в системе от структуры к структуре по мере возраста или изменения его отношения к ПАВ, при этом накапливая ресурс отрицательного отношения к ним. Сегодня же ее структуры, имея различную подчиненность, работают прежде всего в рамках своих интересов и требований — должностных, коммерческих, грантоопределяющих и др. На большом ряде примеров можно наблюдать разрозненную деятельность организаций государственного, волонтерского, церковного и гуманитарного толка. Все это говорит о том, что у нас отсутствует организованная и развивающаяся национальная социальная технология противодействия наркотизации молодого поколения. Использование достижений психологии в деятельности подобных систем и их организация находятся в настоящее время на этапе замысла [9].

Вполне очевидно, что в академическом аспекте действие этой системы следует определить как оказание социального влияния на адресные группы. Согласно устоявшемуся в социальной психологии мнению неправильно представлять подобное влияние в виде отдельных организованных кампаний или акций, разрозненных попыток людей от имени государства, а также по иным основаниям воздействовать друг на друга. Социальный мир влияет на каждого из нас постоянно, мы изначально находимся в континууме влияющих событий и взаимодействий. Люди, события, ситуации, остро возникающие обстоятельства образуют единое «силовое поле социального влияния». Поэтому каждый индивид выступает в данных условиях и субъектом и объектом влияния. Итогом этого по отношению к индивидам и групповым субъектам может быть трансформация их чувств, переживаний в новое отношение к такой социально значимой проблеме, какой стала возможная или уже реальная (формирующаяся) зависимость от ПАВ у многочисленных представителей молодежной среды.

Можно считать, что основной трудностью при проектировании, создании и последующем функционировании предполагаемой системы противодействия наркотизации молодежи будет ее организация на основе научно обоснованной технологии социального влияния. Эта трудность вызвана прежде всего тем, что данная технология для своего завершения требует дальнейших изысканий, проверки практикой, т. е. времени на полное воссоздание и доработку. Следует констатировать, что стратегически необходимы исследования, результаты которых станут фундаментом для социально-психологического обоснования подходов и методов предполагаемой деятельности. На сегодняшний день это обоснование нельзя назвать имеющимся в наличии. Для современного общества необходимость комплексного усиления психологизации социального влияния в различных существующих к настоящему времени взаимоотношениях признается многими авторами [2, 6, 9, 13]. По нашим оценкам, наиболее актуальным в этой связи становится изучение социально-психологического аспекта взаимодействия субъекта и объекта влияния. В то же время еще раз требуется уточнить, что на данный период при огромном числе научных фактов и их теоретическом обобщении отсутствует возможность выбора какой-либо единственной концептуальной модели для технологизации социального влияния в целях противодействия росту зависимостей. Подобные выводы не могут быть названы неожиданными. Это объяснимо и ожидаемо, если учесть многообразие и дифференцированность всего, что мы знаем о человеке, его личностном и социальном мире, слож-

ность сочетаний врожденного и приобретенного, значение ситуативных факторов, в том числе политических, и т. д. Даже будучи интегрированными в сознании, вышеназванные факторы не становятся полной гарантией предсказуемого поведения человека. Достаточно вспомнить хотя бы так называемые теории планируемого поведения, часто определяемые как теории рационального поведения [1, 4, 14]. Тем не менее в настоящее время едва ли есть нечто, что может заставить полностью отказаться от деятельности по восстановлению (формированию) установок социально-лично-направленного поведения. Для этого имеются и теоретические концепции, и опыт практической работы по совершенствованию социального влияния, применимый в целях решения обсуждаемой проблемы и способный стать основой их реализации [5, 7]. Предполагаемое в перспективе формирование социальной технологии противодействия наркотизации молодежного сегмента населения изначально лимитируется проблемой оптимизации степени и широты охвата целевой аудитории, на которую направлено влияние. Следует напомнить, что установки, определяющие поведение, усваиваются, интернализируются индивидом из той культуры, в которой он воспитывался и живет. Тем самым, если говорить о психологизации социального влияния в целях прекращения наркотизации молодежи, мы неминуемо выйдем на уровень общественных институтов, уровень жизненных ценностей и т. д., перейдем с уровня достижения формально нормативного поведения на уровень осознания «значимости» пагубного действия ПАВ. При этом исполнительные структуры социального влияния, являющиеся одновременно участниками и составляющими процесса воздействия, по своим наличествующим особенностям в научном плане также практически не рассматривались. Любые попытки регуляции их прав на деятельность могут вызывать ту или иную ответную реакцию, что подтверждает необходимость соблюдения законности и корректности влияния со стороны государства. В частности, авторы, поднимая проблемы развития деятельности средств массовой коммуникации, говорят о так называемой медиакритике. Подчеркивается, что отражение в СМИ отдельного жизненного случая предполагает восхождение от него к проблемам, процессам, явлениям и, что особенно важно отметить, к ценностям. При этом доминирует положение, согласно которому и «сегодня» и «завтра» журналисты могут интегрировать разные социальные группы, мобилизовать их в ситуациях кризисных и катастрофических, просвещать людей и прививать им активистскую политическую культуру, контролировать власть и регулировать ее контакты с обществом [12]. Одновременно нет эффективных рабочих (в первую очередь интегративных) критериев для оценки ответного состояния групповых субъектов, специализированных под задачи противодействия формированию наркозависимости.

Говоря о системности и психологизации как ведущих принципах построения общенациональной системы противодействия, мы понимаем их как преемственность и обоснованность взаимодействия между институтами этой системы для обеспечения высокой результативности комплексного социального влияния их усилий, направленных на профилактику употребления ПАВ. Заинтересованность общества, родителей и государства связана с потребностью в эффективности взаимодействия всех субъектов предполагаемой системы. Профилактика употребления ПАВ и социально направленное воспитание во всё большей мере отвечают национальным задачам, конечной же целью при этом становится восстановление нормативного личностного и

социального статуса молодых граждан на основе их воссозданного физического и психического здоровья. Поэтому, помимо сугубо медицинских, педагогических и индивидуально ориентированных психологических направлений в работе с данными группами и отдельными представителями молодежи, всё большую актуальность получают социально-психологические методы и подходы. По нашему мнению, именно их последующее развитие и применение как базовых принципов станет характеристикой предполагаемой системы общенационального противодействия росту числа лиц, склонных к употреблению ПАВ. Следующим по значимости принципом системы (проектирования) на этапе ее замысла является оперативное выявление молодых людей, склонных употреблять ПАВ, а также уже имеющих первичный опыт их употребления. Для этого необходима сеть социально-педагогических работников, осуществляющих свою деятельность на местах (в первичных коллективах, молодежных объединениях, по месту жительства) при условии добровольности принятия молодыми гражданами их помощи или же при наличии согласия родителей подростков. В подобной работе с организованными группами молодежи возможно участие волонтеров. Однако вышесказанное, по сути, характеризует только инструментальные аспекты решения проблемы. Профессиональная сеть должна быть объединена общими принципами осуществления и реализации проекта на всей территории страны, что не исключает необходимости учета региональных особенностей, включая местные культуру и традиции. При индивидуализации и многообразии форм социального воздействия основополагающими остаются единство социально-психологических, медицинских, социально-педагогических и этнокультурных методов влияния, а также этапность и преемственность всего комплекса мероприятий.

Таким образом, если расценивать текущее состояние и перспективы создания общенациональной системы противодействия наркотизации населения как деятельность некоей организованной структуры, мы должны понимать: сегодня она рассматривается в качестве «замысла». Формируя замысел системы, о которой идет речь, мы обязаны отталкиваться от определенного количества смыслов, способных обеспечивать реальное функционирование выстраиваемой структуры. При этом замысел становится антиципированной системой смыслов, прошедших объективацию по отношению к адресным группам социального влияния, каждый из которых выделяется ими как значимый, побудительный стимул. В качестве отправной точки возможно также исследование системы ценностей молодых людей, живущих в тех или иных географических условиях или даже в геополитической области (их картины мира). Важно отметить, что носителями смыслов (адресатами) могут являться не только индивиды, но и сообщества, группы (включая возникшие по этническому принципу), приверженцы тех или иных субкультур и др. Общей чертой здесь выступает то, что их созидательная активность для общества закреплена в той картине мира, которая имеется у ее носителей. В этой связи есть основание учитывать, что социальное влияние всегда рассматривается по отношению к тем или иным происходящим процессам и особенностям условий общественно-социальной среды. Это делает необходимым изучение подходов к проблеме, а также принципов, становящихся базовыми основами создания системы противодействия. Безусловно, речь не может идти о появлении очередной бездеятельной и безвластной структуры, построенной по правилам чиновничьего взаимодействия. Едва ли кому-то помимо белых

Серия

• «Естественные, общественные науки»

воротничков это может оказаться нужным. Поэтому проектирование становится существенно важным этапом для всей последующей работы. Выше мы указали нашу точку зрения, согласно которой для адресной группы воздействие всего, что может быть отнесено к техникам социального влияния и взято для решения поставленной проблемы, должно соответствовать оптимальному соотношению с общими принципами функционирования системы. Это во-первых. Во-вторых, по объективным причинам ряд усилий, которые выполняются государственными структурами закрытого типа (например, силовыми), остаются в пределах их компетенции для выполнения специализированных задач этих ведомств в противодействии наркотизации. Как известно, существует много техник социального влияния. Тем не менее все они группируются вокруг небольшого количества основных психологических процессов, связанных с особенностями восприятия (социальная перцепция), запоминания информации (например, психология рекламы) и ее структурирования, чувствами и принятием решений (возрастная психология, роль эмоций). Поэтому достижение целей социального влияния в виде осознания пагубности немедицинского употребления ПАВ тем или иным групповым субъектом, равно как и его индивидами, самым тесным образом касается изучения психологических механизмов, учета массовых особенностей и последующей индивидуализации социального воздействия.

Социальное влияние как общий метод противодействия формированию наркозависимости у молодежи станет эффективным при условии того, что одновременно оно будет направлено на развитие жизненных целей и ценностей у молодых людей, сможет содействовать росту и признанию их личной успешности среди сверстников, а также повышению их позитивного самовосприятия в значимом окружении.

Библиографический список

1. *Авермат Э.* Социальное влияние в малых группах // Перспективы социальной психологии. М. : ЭКСМО, 2001. С. 504—547.
2. *Бусарёва О. А.* Системный подход в решении вопросов пациентов с химической зависимостью в кабинете медико-социальной реабилитации // Психология и духовность человека в системе рыночных отношений : материалы 3-го съезда психологов Чувашии / под общ. ред. В. П. Фоминых. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2006.
3. *Герве К. Ф.* Струны печали и радости : понимание причин хронической зависимости. Краснотурьинск : Яса, 2004. 267 с.
4. *Грановская Р. М., Никольская И. М.* Защита личности: психологические механизмы. СПб. : Знание, 1999. 352 с.
5. *Зимбардо Ф., Ляйне М.* Социальное влияние. СПб. : Питер, 2000. 448 с.
6. *Козлов В. В., Карпов А. А.* Психология игровой зависимости. М. : Психотерапия, 2011. 336 с.
7. *Котляров А. В.* Освобождение от зависимостей, или Школа успешного выбора. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. 448 с.
8. *Нартов Н. А., Нартов В. Н.* Геополитика / под ред. В. И. Старовойтова. 4-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Единство, 2007. 527 с.
9. *Новиков В. В., Мануйлов Г. М., Козлов В. В.* Психологическое управление в кризисных социальных сообществах. М. : ГАЛА-издательство, 2009. 436 с.
10. Новые социальные технологии в сфере работы с молодежью и пожилыми людьми : материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 236 с.

11. Реабилитация и индивидуальное психолого-педагогическое сопровождение подростков, склонных к употреблению ПАВ : (стационарно-дистанционный сетевой проект «Ступени») : практ. пособие / Н. Г. Старцева и др. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. 48 с.
12. *Страинов С. Л.* Актуальные медиапонятия : журналистский словарь сочетаемости. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 148 с.
13. *Фетискин Н. П.* Психология девиантного поведения: диагностика и методы профилактики : моногр. / Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. М. ; Кострома, 2003. 320 с.
14. *Штальберг Д., Фрей Д.* Установки: структура, измерение и функции // Перспективы социальной психологии. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 228—264.

ББК 60.025.1

А. С. Турчин, А. А. Филиппов

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ ВУЗА О КАЧЕСТВАХ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА

Рассматривается проблема взаимных ожиданий студентов вузов и их потенциальных работодателей — представителей среднего и малого бизнеса. На основании данных эмпирического исследования «психологического контракта» как системы представлений о своем месте в организации, не подтвержденных реальным изучением собственных профессиональных качеств и требований со стороны организации, намечены пути совершенствования психологического сопровождения первичного профессионального самоопределения студентов вуза.

Ключевые слова: взаимные ожидания, психологический контракт, компетенции, ценностные ориентации.

In the article the question of reciprocal expectations of students and their potential employers — representatives of small and medium-sized enterprises is described. The ways of improvement of psychological support of university students' primary self-determination are outlined. They are based on the data provided by the empirical study of "a student's psychological contract", which is a system of the ideas of their place in the enterprise, though not proven by the real study of their core competences and requirements from the enterprise.

Key words: reciprocal expectations, psychological contract, competences, value focus.

Требования к молодому специалисту, формулируемые в государственных образовательных стандартах третьего поколения, ориентированы на высокий профессионализм и мобильность как конечный результат образовательной подготовки в вузе. Однако представления об идеальном молодом специалисте в настоящее время у работодателей и студентов-старшекурсников, а также их взаимные ожидания, определяемые как «психологический контракт» [5], весьма различны. Это связано с тем, что дей-

ствующая система образования находится в процессе реформирования и не может учесть всего разнообразия требований, которые предъявляют к выпускникам вузов потенциальные работодатели. Необходимо уделять больше внимания профессиональной ориентации студентов уже с первого года обучения, для того чтобы помочь выявить ту сферу деятельности, в которой молодой специалист может наиболее полно реализовать свои способности. Для студентов это означает, что необходимо самостоятельно заботиться о формировании компетенций, т. е. как можно больше времени уделять профессиональной подготовке.

Перечень компетенций в текстах рабочих программ определяет не только фундаментализацию их знаний, но и способность к инновациям, расширению сферы деятельности, готовность к постоянному самообучению. Новые повышенные требования предъявляются работодателями к управленческому персоналу. Среди них следует назвать: обладание знаниями о новых технологиях, способность пользоваться сложными процедурами принятия решений, готовность к риску, коммуникативные способности, высокую степень гибкости, умение работать с различными системами мотивации, знание людей для выбора сотрудников, умение руководить людьми и т. д. При этом в отношении выраженности данных качеств у молодых специалистов в литературе нет единого мнения [2, 3, 4].

Наряду с позитивными факторами, влияющими на адаптированность и конкурентоспособность молодых специалистов [1, 2], имеется ряд объективных характеристик, предопределяющих настороженное отношение к ним со стороны работодателей. К их числу можно отнести: недостаточность или отсутствие профессионального опыта в сочетании с завышенными требованиями к условиям и оплате труда, неопределенность трудовых и профессиональных интересов, социальную и психологическую нестабильность и др.

Рассмотренные выше факторы в значительной степени определяют особенности поведения молодежи в сфере занятости: высокую мобильность и динамичность, специфическую структуру ее занятости (предпочтение частного сектора экономики). Многие работодатели, в свою очередь, используют выпускников не в соответствии с полученным образованием и квалификацией, а исходя из потребностей компании.

В последние годы заметно и резкое изменение профессиональных предпочтений молодежи при выборе отрасли. Так, если раньше молодые люди не считали привлекательной занятость в торговле и общественном питании, то сегодня названные сферы деятельности, а также бытовое обслуживание предпочитают производству и науке. Хотя государственное регулирование количества лиц, получающих высшее профессиональное образование, направлено на рост численности выпускников технических вузов, наиболее престижными выпускникам школ представляются профессии банковского служащего, менеджера, юриста, коммерсанта. Ведущими мотивами профессионального выбора по-прежнему являются высокий уровень оплаты труда и авторитетность компании.

Нами было выполнено анкетирование студентов старших курсов Ивановского государственного университета с целью проверки представлений о требованиях к ним со стороны потенциальных работодателей. На основании того же самого анкетирования, проведенного с представителями среднего и малого бизнеса г. Иваново и Ивановского региона, получены ответы, позволившие увидеть данную проблему с противоположной стороны, т. е. уточ-

нить «психологический контракт» со стороны работодателя, сопоставить взаимные ожидания.

Оказалось, что многие вопросы трактуются анкетированными неоднозначно. Например, представления о том, какие элементы внешнего облика специалиста влияют на решение работодателя при приеме на работу первого, отличаются от реальных представлений об идеальном специалисте второго.

В представлениях студентов идеальный специалист — это человек с умеренной жестикомией (93 %), улыбающийся (91 %), принимающий непринужденные позы (78 %), обладающий эстетической привлекательностью голоса (72 %), т. е. их представления достаточно близки с теми установками, которые были выявлены у потенциальных работодателей.

68 % студентов считают, что работодатель обращает свое внимание на руки, 65 % — на цвет одежды, прическу, грамматическую правильность речи специалиста, 63 % — на походку, 53% — на ясность произношения, 51 % — на богатство активного словаря.

48 % студентов полагают, что если специалист — девушка, значит, ей следует пользоваться косметикой, что почти до 1 % совпадает с мнением потенциальных работодателей. Также в их представлении специалист должен быть среднего роста (40 %). Если он носит пиджак, тот должен быть застегнут, а головной убор — отсутствовать (38 %).

36 % студентов считают, что работодатели обращают внимание на цвет обуви, 34 % — на скорость говорения, богатство интонаций при разговоре, 31 % — на цвет волос, 27 % — на тембр голоса, 25 % — на ноги, плечи и на отсутствие жестикомии, 23 % — на высокий рост, нос, лоб, зажатую позу.

На основе полученных результатов можно утверждать, что наиболее тесная связь между ответами студентов и работодателей обнаружена в следующих выборах:

— цвет одежды: работодатели — 61 %, студенты — 65 % (расхождение в 4 %);

— прическа: работодатели — 61 %, студенты — 65 % (расхождение в 4 %);

— цвет обуви: работодатели — 34 %, студенты — 36 % (расхождение в 2 %);

— ясность произношения: работодатели — 53 %, студенты — 53 % (расхождений нет).

При ответах на остальные вопросы анкеты тесной связи не обнаружено.

Ответы работодателей показали, что они придают большое значение семейному положению специалиста (53 %), хотя 47 % из них не обращают на это внимания. 75 % студентов считают, что работодателю совершенно неважно, состоит в браке специалист или нет.

Процентное распределение ответов на вопрос «Имеет ли значение для работодателей наличие детей у специалиста?» выглядит тоже весьма контрастно: для 61 % предпринимателей важно наличие детей у соискателя рабочего места, 39 % это не смущает. 76 % студентов думают, что при устройстве специалиста на должность работодателю безразлично, есть у человека дети или нет. 24 % считают, что наличие детей — весомый аргумент не в пользу специалиста.

Ответы на вопрос «Какая форма образования приветствуется работодателями?» распределились следующим образом. 93 % студентов считают, что при трудоустройстве предпочтение будет отдано специалисту с дневной

формой образования, 3 % — специалисту с заочного отделения, 4 % — специалисту-бакалавру. 95 % работодателей отметили, что отдадут предпочтение специалисту, окончившему дневное отделение вуза; 5 % безоговорочно возьмут специалиста с вечерней формой образования. Таким образом, студенты и работодатели сошлись во мнении, что наиболее конкурентоспособен на рынке труда соискатель рабочего места с дневной формой образования. Расхождения в ответах работодателей и студентов составили 2 %.

Ответы на вопрос «Возможна ли занятость студентов в организациях?» существенно различаются. Так, 62 % работодателей не хотели бы иметь среди своих сотрудников студентов, для 38 % работодателей не имеет значения то, что сотрудник параллельно получает образование. И 100 % учащихся считают, что занятость студентов в организациях возможна.

Ответы на вопрос «Обязан ли специалист владеть иностранным языком?» по данным анкет тоже заметно различаются. Так, 45 % работодателей считают, что отдадут предпочтение специалисту, владеющему иностранным языком, 55 % полагают, что наличия у специалиста базовых знаний иностранного языка вполне достаточно. Большинство студентов (72 %) уверены, что специалист, владеющий иностранным языком, более конкурентоспособен, 28 % считают, что их базовых знаний языка будет достаточно.

Ответы на вопрос «Необходимо ли наличие водительских прав у специалиста?» показали: для 70 % работодателей совершенно неважно, есть у специалиста водительские права или нет, 30 % считают, что наличие водительских прав дает специалисту преимущество при трудоустройстве. У студентов возникло противоположное распределение процентов голосов при ответе на данный вопрос — 69 % считают наличие водительских прав преимуществом.

Ответы на вопрос «Является ли обязательным условием при трудоустройстве наличие у специалиста ивановской регистрации (прописки)?» свидетельствуют: 63 % работодателей и 70 % студентов считают, что у специалиста должна быть ивановская регистрация, для того чтобы было легче трудоустроиться. 37 % работодателей и 30 % студентов полагают, что существует возможность трудоустройства и без прописки.

Ответы на вопрос «Обязан ли специалист быть уверенным пользователем ПК и оргтехники?» почти не различаются. Для 100 % работодателей важно, чтобы специалист был уверенным пользователем ПК и оргтехники. 95 % студентов считают аналогично, 5 % думают, что владение ПК необязательно.

Ответы на вопрос «Необходимо ли наличие опыта работы у специалиста?» весьма близки. Так, 91 % работодателей охотнее примут на должность специалиста с опытом работы. 81 % студентов считают так же. Только 9 % работодателей приняли бы на работу неопытного специалиста. 19 % студентов полагают, что при трудоустройстве опыт работы необязателен.

Ответы на логически связанный с предыдущим вопросом «В какой сфере необходим опыт работы?» тоже не показали существенных различий. Так, 89 % работодателей считают, что специалист должен иметь опыт работы в той сфере, в которой он хочет трудиться. 77 % студентов ответили аналогично. Для 11 % работодателей не важно, в какой сфере деятельности был занят специалист ранее. 23 % студентов считают так же.

Ответы на связанный с ранжированием инструментальных ценностей вопрос «Какими ценностями должен руководствоваться хороший специалист?» представлены в таблице.

Доминирующая направленность ценностных ориентаций четко фиксируется как определенная жизненная позиция в данном случае по критерию вовлеченности в сферу труда. Качественный анализ результатов исследования дает возможность оценить жизненные идеалы, иерархию ценностей — средств, которые работодатель рассматривает в качестве эталона. Вычислялся средний балл рангового значения фактора.

В целом результаты анкетирования предпринимателей несколько различаются с данными, полученными при анкетировании студентов. Так, существенные различия просматриваются в следующих выборах:

— широта взглядов: работодатели — 38 %, студенты — 76 % (расхождение в 38 %);

— твердая воля: работодатели — 19 %, студенты — 70 % (расхождение в 51 %);

— уверенность в себе: работодатели — 44 %, студенты — 82 % (расхождение в 38 %);

— самоконтроль: работодатели — 25 %, студенты — 55 % (расхождение в 30 %);

— терпимость: работодатели — 19 %, студенты — 46 % (расхождение в 27 %);

— нетерпимость к недостаткам в себе и в других: работодатели — 25 %, студенты — 42 % (расхождение в 17 %);

— независимость: работодатели — 27 %, студенты — 55 % (расхождение в 28 %).

Ценности, которыми руководствуется молодой специалист

Инструментальные ценности	Ответы работодателей, %	Ответы студентов, %
Аккуратность	89	70
Воспитанность	61	70
Исполнительность	100	93
Широта знаний	61	85
Рационализм	44	53
Честность	70	59
Трудолюбие	80	78
Широта взглядов	38	76
Твердая воля	19	70
Высокие притязания	14	36
Уверенность в себе	44	82
Чуткость	25	46
Самоконтроль	25	55
Терпимость	19	46
Нетерпимость к недостаткам в себе и в других	25	42
Ответственность	55	57
Независимость	27	55
Жизнерадостность	17	31

На основании теоретического анализа психолого-педагогической литературы по изучаемой проблеме и результатов проведенного нами исследования были сформулированы следующие выводы.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

1. Подтверждена перспективность применения аксиологического подхода в системе оценивания качества подготовки молодого специалиста. Выявлена существенная связь уровня психологической подготовки с перспективой трудоустройства.

2. Отмечены достаточно высокая неустойчивость (подвижность) ценностных ориентаций у молодых специалистов и наличие потребности повышения своей психологической культуры как условия трудоустройства и первичной профессиональной адаптации.

3. Профессиональная ориентация молодых специалистов должна рассматриваться как необходимый компонент в деятельности психологической службы образовательных учреждений.

4. Целесообразно исследование акмеологических перспектив личности будущего профессионала в системе современных трудовых отношений.

Библиографический список

1. *Бодалев А. А., Васина Н. В.* Акмеология : настоящий человек. Каков он и как им становятся? СПб. : Речь, 2010. 224 с.
2. *Деркач А. А., Селезнева Е. В.* Акмеологическая культура личности : содержание, закономерности, механизмы развития. М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2006. 496 с.
3. *Истратова О. Н., Эксакусто Т. В.* Справочник психолога-консультанта организации. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 638 с.
4. *Ньюстром Дж. В., Дэвис К.* Организационное поведение. СПб. : Питер-Юг, 2000. 448 с.
5. *Ребрилова Е. С.* Психологический контракт как характеристика субъекта труда в контексте социальных условий производственной среды : дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2009.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ

Обобщаются сведения о начальном этапе становления русскоязычной периодической печати в российской провинции XVIII столетия. Основное внимание уделяется концепции и структуре ярославского журнала «Уединенный пешехонец».

Ключевые слова: история русской журналистики XVIII века, региональная журналистика, историко-краеведческое издание.

This article summarizes the information about the initial stage of the Russian-language periodicals in the Russian province of XVIII-th century. The focus is on the concept and structure of the Yaroslavl magazine «Uedinenny poshehonets».

Key word: history of Russian journalism XVIII century, historical and regional editions.

Конец XVIII столетия был ознаменован стремлением к распространению просвещения в российскую глубинку. Двигателем прогресса рассматривалось образование и книга (газета, журнал) как носитель подлинного знания.

В русле возникшей тенденции 15 января 1783 года Екатериной II был принят указ об открытии вольных типографий. Он подтолкнул развитие печатного дела и журналистики в провинциальной России. Так, уже в 1784 году появилась печатня в Ярославле, в 1788 году — в Тамбове, в 1789-м — в Тобольске, в 1793-м — в Костроме, в 1797-м — во Владимире и Вятке. В отдаленные и экономически слабые регионы общественно-культурные новшества приходили с опозданием на годы, а то и на десятилетия. К примеру, в Оренбурге первая типография появится только в 1827 году. Они, как правило, открывались как частные предприятия при губернских правлениях с целью печатать казенные бумаги для обеспечения местного делопроизводства, но служили и другим целям: книгопечатанию и выпуску периодики. Типографии были небольшие (на 1—2 стана) с минимальным штатом сотрудников (3—5 человек). Экономический фактор играл здесь ключевую роль.

Известный русский поэт и наместник Тамбовского края Г. Р. Державин в письме к князю Н. Н. Трубецкому объяснял стремление организовать собственное печатное предприятие желанием улучшить делопроизводство: «По обширности здешней губернии и по множеству текущих дел весьма много таких, которые бы чрез типографию скорее течение свое имели; то ежели усмотрю я выгоду, что дешевле один стан, нежели множество пустокормов подъячих содержать, я бы решился единственно для канцелярского производства завести здесь типографию» [4]. Известно, что Державин обращался к Н. И. Новикову в 1786 году с просьбой о продаже печатного станка со всеми необходимыми инструментами, присылке опытного специалиста-типографа, а также книг Типографической компании.

В связи с политикой укрепления вертикали власти после восстания Е. Пугачева Екатерина II проводила губернскую реформу, создавая с

1775 года наместничества — административно-территориальные единицы, состоявшие из 2—3 губерний. Первыми стали Калужское, Ярославское, Орловское, Тамбовское, Воронежское наместничества.

Повышение статуса территорий придавало импульс их общественно-экономическому и культурному развитию. Наместничествам требовались новые учреждения, а также кадры. Интеллигенцию выписывали из столиц, где уровень образования и культуры был на порядок выше, а производство опережало спрос. Назначенный на должность ярославского наместника генерал-губернатор А. П. Мельгунов стремился сеять просвещение и мечтал, чтоб «музы притекли к берегам Волги». Он пригласил на работу в Ярославль лиц из своего окружения. В их числе оказался и Василий Демьянович Санковский (1741—1798), чиновник с «литературным уклоном», входивший в кружок М. М. Хераскова, печатавшийся в его «Полезном увеселении» и «Свободных часах», издатель журнала «Доброе намерение» (1764). Ему суждено будет стать родоначальником русскоязычной провинциальной журналистики в России.

Рост числа образованных людей был связан и с открытием новых учебных заведений. В том же Ярославле, как и в ряде других провинциальных городов, действовала духовная славяно-латинская семинария (с 1747 года), училище для дворянских отпрысков и народная школа при городской богадельне (с 1777 года). В 1786 году открылись главное народное училище и дом призрения ближнего. Ярославль стал родиной общедоступного театра, созданного в 1750 году Федором Волковым. По мнению Г. А. Колпакова, это значительно способствовало развитию просвещения в крае [6].

Первые периодические издания в русскоязычной провинции стали появляться в конце XVIII столетия. С этого времени начинается этап накопления издательского и типографского опыта, апробация различных видов книжной и газетно-журнальной продукции. К первопроходцам региональных СМИ следует отнести еженедельные «Тамбовские известия», основанные в 1788 году правителем Тамбовского наместничества Г. Р. Державиным. Об этом со ссылкой на В. П. Семенникова, автора «Дополнительных материалов для истории провинциальных типографий», напомнил в 1966 году А. В. Блюм [3, с. 151]. И только в 2012 году осуществилось репринтное издание газеты, что само по себе факт уникальный.

Первенцем сибирской журналистики стал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Ежемесячный журнал издавался тиражом 300 экземпляров в 1789—1791 годах по инициативе П. П. Сумарокова, внучатого племянника А. П. Сумарокова. Его перу принадлежат опубликованные здесь научно-популярные статьи («Краткое изложение новейших астрономических открытий»), сказки («Искусный лекарь», «Способ воскрешать мертвых»), стихотворения и поэмы («Лишенный зренья Купидон»), притчи («Соловей, Попугай, Кошка и Медведь») и даже эпиграммы. Сугубо литературным тобольский журнал не стал. Здесь помещались статьи по географии, истории, философии, естествознанию, экономике, хотя преобладали переводные материалы и перепечатки из столичной периодики. Кружок молодых учителей при главном народном училище Тобольска обеспечивал творческую подпитку сатирического характера. Известно, что в работе журнала принял участие ссыльный А. Н. Радищев [2, с. 538].

В ряду зачинателей газетного дела такие города, как Калуга, где в 1804 году затеяли ежемесячный журнал «Урания», Казань, в которой с

1811 года начала печататься политико-литературная газета «Казанские известия», Харьков, с 1812 года привлекавший публику «Харьковским еженедельником», Астрахань, знакомившая обывателей с 1813 года с «Восточными известиями» [1, с. 9].

Родиной же русскоязычной провинциальной периодической печати России стал Ярославль (которому, кстати, не однажды выпадет осуществлять пилотные проекты в сфере СМИ). Там в 1786 году начал выходить журнал «Уединенный пошехонец».

Названный с намеком на провинциальность, отстраненность и самодостаточность, он печатался ежемесячно объемом в 70—80 страниц книжного формата на обычной бумаге. Благодаря поддержке ярославского наместника А. П. Мельгунова (как моральной, так и финансовой) на протяжении двух лет вышло 24 номера*. Тираж, очевидно, был незначителен (от 100 до 300 экземпляров). Издание давно стало библиографической редкостью. Его экземпляры отсутствуют даже в хранилищах малой родины (Ярославской областной универсальной научной библиотеке, Государственном архиве Ярославской области).

На страницах «Уединенного пошехонца» печатался материал универсальной тематики. Однако сборником, совмещающим «полезное с приятным», он не стал. Редактор придал ему журнальную идейность, концептуальность и целостность.

В. Д. Санковский предложил ряд идейно-тематических направлений, перспективных для провинциального издания вообще: а) духовно-нравственное, что, очевидно, было обусловлено его увлечением масонством («...благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частными людьми к общественной пользе»); б) просветительское, что, видимо, было связано с его интересом к науке («разные духовные, философические, нравоучительные, исторические, до нашего Отечества и до иных государств относящиеся, также до естественной истории, домоводства и до наук принадлежащие, сочинения»); в) историко-краеведческое, что увязывает журнал с определенным регионом («...разные известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стране издревле и ныне») [9, № 1, с. 1].

Номер обычно открывался похвальной или духовной одой, в которой прославлялась Россия, благодетельное правление Екатерины II («Ода на новый 1786 год») или объяснялось истинное предназначение человека («Последний суд», «Христианин, торжествующий при смерти»). Оды «Уединенного пошехонца» характеризуются ярко выраженным гражданским пафосом, отличаются патетикой, возвышенным стилем, хотя и не выделяются своими художественными достоинствами.

Далее в журнале следовали проповеди, религиозно-нравоучительные размышления («Слово о Божией славе к почтеннолюбезной пастве своей, говоренное преосвященным Арсением, архиепископом Ростовским и Ярославским января 1 дня 1786 года», «Страх Божий», «Твердь», «Размышления о добродетели и дружбе», «Рассуждение о смерти», «Страсти причиною наших заблуждений» и др.). И биографические данные, и тексты журнала доказывают, что Санковский имел непосредственное отношение к масонам. Это проявляется в

* Журнал за время своего существования поменял название. Начатый в 1786 году как «Уединенный пошехонец», он был продолжен в 1787 году как «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле».

акцентировании религиозно-философской проблематики, культивировании высших ценностей, приоритета жизни вечной над жизнью земной.

«Уединенный пошехонец» не отнесешь к местечковым изданиям. Его концепция отличается вселенским масштабом, погружением в бездны человеческого духа. Это становится возможным в числе прочего путем публикации переводов Цицерона, Овидия, Феокрита, А. Поупа, Ж. Сен-Ламбера, Ш. Бонне, Э. Роттердамского, Л. Мерсье и других.

Закономерно появление в журнале научно-популярных статей по естествознанию и истории («Шар земной», «Исторические достопамятности», «Жизнь честных людей древнего Рима», «Карл Великий», «О взятии Казани царем Иваном Васильевичем»), о литературе и театре («Географическое описание царства Стихотворства», «О древних чтецах греческих и римских», «Письма Овидия, написанные им в заключении своем к приятелю», «Всеобщая комедия», «О пользе театральных действий и комедий»), о философии и искусстве («Система легчайшей философии», «О житии и учении первого так называемого философа Пифагора», «О музыке»). Полезны практические советы по ведению домашнего хозяйства в рубрике «Перевод из экономического лексикона».

Вторую половину номера «Уединенного пошехонца» занимали художественные произведения. Стихи и басни Санковского обращены к будничной современности и относятся к произведениям низкого жанра. П. Н. Берков еще в отношении «Доброго намерения» заметил: «Это не салонная, изящная проза А. А. Ржевского или более строгая, упорядоченная, несколько пухлая речь М. Хераскова; в лице переводчиков “Доброго намерения” выступает новая группа писателей, связанных с третьим сословием, с “подьяческим” жаргоном, с канцелярски тяжелыми оборотами, в основном идущими от практики петровских, а может быть, и допетровских приказов» [2, с. 146]. Н. И. Новиков, находясь в том же дискурсе, в «Опыте исторического словаря о российских писателях» признавал, что стихотворения Санковского «весьма не худы», «сочинения его довольно похваляются» [8].

При этом в журнале преобладала проза, тяготеющая к быту. Она воспринимается просто и естественно, жизненно и правдиво. Реалистические тенденции в отечественной традиции обусловлены вниманием к низкой действительности, оппозиционным характером литературы и журналистики. Они выражали демократический и антикрепостнический пафос.

В «Уединенном пошехонце» нашла свое место и сатира, что позволяет включить ярославское издание в литературно-журнальный процесс того времени. Политическую программу журнала можно назвать умеренно-консервативной, что связано с мировоззренческими установками редактора, исходившего из идеи просвещенной монархии, нравственного самоусовершенствования. Однако «Уединенный пошехонец» не обходил проблемы самодурства и произвола дворян. Журнал высмеивал невежество, расточительство, распутство, обличая Верхоглядов и Ветродумов, Легкомыслов и Распутов («Сила любовной страсти»). При этом «Уединенный пошехонец» не бичует, не обличает, а наставляет на путь истинный, воспитывает на примере вечных ценностей. Путь самопознания ради самосовершенствования понимается как наиболее адекватный для развитой личности. Только отрехшись от собственного эгоизма и оценив по достоинству чужое «я», можно достичь счастья, духовного бодрствования, исторического оптимизма.

Изредка в «Уединенном пошехонце» помещалась социально острая сатира, поднимавшая проблемы крепостного права («Письмо некоего сельского священника к Милорду», «Надгробная надпись Ивану и Марье»).

«Уединенный пошехонец» выдвинул задачу изучения Ярославского края в географическом, историческом, этнографическом планах, заложив основы краеведения в провинциальной журналистике. На страницах «Уединенного пошехонца» увидели свет не только заметки (об открытии главного народного училища, дома «для призрения, воспитания и обучения в нем шестидесяти сирот и неимущих детей»), но и очерки (о Ярославле, Любиме, Мологе, Мышкине, Пошехонье, Романове, Ростове, Рыбинске, Угличе). Отмечая стилистическое и композиционное единообразие этих текстов, можно предполагать их автором одного человека.

Жизнь периодических изданий XVIII века, а уж первопроходцев провинциальной печати тем более, была короткой. «Уединенный пошехонец» закрылся через два года из-за смерти его покровителя А. П. Мельгунова. Еще более драматичной оказалась судьба первых изданий в Тамбове, Калуге и Харькове (менее одного года).

Несправедливые оценки прозвучали в их адрес в XIX веке. К примеру, «Уединенного пошехонца» читателям XIX столетия открыл ярославский поэт, журналист и редактор Л. Н. Трефолев, опубликовав в 1879 году в журнале «Русский архив» статью «Первый русский провинциальный журнал “Уединенный пошехонец”» и ряд других. Он полагал, что издание было вызвано «только забавою, так сказать, литературною прихотью ярославского наместника А. П. Мельгунова» (цит. по: [10, с. 446]).

Сегодня отношение к первопроходцам отечественной журналистики пересмотрено. К примеру, исследователь Е. А. Ермолин справедливо пишет: «Незримыми нитями духовной общности редакторы “Уединенного пошехонца” оказываются связаны с тем кругом идей и лиц, который близок к Новикову восьмидесятых годов, осознавшему бесперспективность чисто политической борьбы с деспотизмом и вставшему на трудный путь самосовершенствования» [5, с. 151]. Региональные издания универсального характера собирали вокруг себя интеллигенцию, формировали круг читательских интересов в провинции. Они достаточно профессиональны, концептуальны, разнообразны в подходах и жанрах, исключительны благодаря историко-краеведческой тематике. Будучи провинциальными по месту издания, первенцы русскоязычной периодической печати ориентировались на общероссийский масштаб и энциклопедический круг научно-практических вопросов.

Библиографический список

1. Березина В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX века. Л. : Изд-во ЛГУ, 1965. 90 с.
2. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 572 с.
3. Блюм А. В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII — начала XIX в. // Книга : исследования и материалы : сб. 12. М. : Книга, 1966. С. 136—159.
4. Державин Г. Р. Письмо к князю Н. Н. Трубецкому, 24 авг. 1786 г. URL: <http://www.derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/pisma/pismo-472.htm> (дата обращения: 18.02.2013).
5. Ермолин Е. А. Ярославский журнал «Уединенный пошехонец» — источник по истории русской культуры // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI—XVIII веков. Ярославль, 1992. С. 143—151.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

6. Колпаков Г. А. Развитие ярославского просвещения. URL: http://www.vestnik.usru.org/releases/kraevedinie/2_1/ (дата обращения: 18.02.2013).
7. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М. ; Л. : Гослитиздат, 1951. 544 с.
8. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. URL: http://www.az.lib.ru/n/novikow_n_i/text_0120.shtml (дата обращения: 18.02.2013).
9. Уединенный пошехонец : ежемесячное сочинение на 1786 год. Ярославль, 1786.
10. Ярославия : сб. М. : Современник, 1990. 528 с.

ББК 76.310.8

О. Д. Филатова

ЭФИРНАЯ РЕЧЬ: НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Дается ряд наблюдений над некоторыми особенностями современной эфирной речи. Внимание уделяется проблеме взаимодействия норм литературного языка и коммуникативной задачи, стоящей перед журналистом.

Ключевые слова: литературная норма, коммуникация, словесное ударение, вариативность и изменчивость нормы.

The article makes observations of some of the trends in modern oral speech on radio and TV. Attention is paid to the compliance of literary standard and communicative tasks.

Key words: literary norm, communication, verbal accent, variability and mobility of norm.

В эфирной речи на современном радио и телевидении наблюдается борьба двух противоположных установок: с одной стороны, ориентация на свободную разговорную речь, адекватную аудитории, с другой — стремление неукоснительно следовать академической (словарной, книжной в своей основе) норме литературного языка. Как практикующему журналисту, так и преподавателю необходимо понимать причины данного явления, видеть трудности, которые этот конфликт вносит в профессиональную деятельность, и находить варианты коммуникативных решений.

Причин, точнее, факторов, влияющих на коммуникативные стратегии журналиста, несколько. По-настоящему независимыми (хотя и не абсолютно) могут быть только общественные СМИ, которых в Российской Федерации пока не существует. Все остальные в значительной мере зависят от собственника/работодателя и в той или иной мере должны проводить его политику (в широком смысле), что отражается и на речевой деятельности. В результате возникают непростые, нередко конфликтные отношения между лояльностью и объективностью, объективностью и активной гражданской позицией (предполагающей собственный, не всегда беспристрастный взгляд на факты), дискурсом государственной, экономической и культурной элиты, с одной стороны, и стихией живой разговорной речи аудитории — с другой. В настоящее время существуют две основные силы, определяющие деятель-

© Филатова О. Д., 2013

ность СМИ: власть/государство и рынок/бизнес. Их влияние особенно заметно в эфирной практике государственных СМИ, воспринимаемых как транслятор официально закрепленных нормативов во всех областях общественной жизни, и коммерческих СМИ, ориентированных на получение прибыли. Вульгаризация и криминализация языка в коммерческом вещании отмечена уже во многих работах (см. об этом: [2, 5]), в то время как взаимосвязь государственной формы собственности и языка СМИ изучена в меньшей степени.

В государственных СМИ журналистика (как и примыкающие к ней теле- и радиопередачи с элементом развлекательности) оперативно реагирует на дискурсивные установки власти. В результате в эфирной речи отражаются те же тенденции, что и в речевой и законодательной практике представителей ведущих политических сил и администрации различных государственных уровней. В самом общем плане эти процессы можно определить как сложное взаимодействие (от противоборства до плодотворного взаимодополнения) двух полярных устремлений: с одной стороны, к многообразию форм общественной жизни, ее демократизации, к свободной самоорганизации гражданского общества, с другой — к централизации, усредненной нормативности, жесткому регламентированию, которое обеспечивается и поддерживается не только культурной традицией, но и комплексом «карательных» мер. Очевидно, что в настоящий момент преобладающей является вторая тенденция, и это сказывается в подчеркнутом соблюдении языковых норм в конце 2000-х — начале 2010-х годов, что особенно заметно на фоне большой свободы речевого поведения в эфире в начале 2000-х годов и тем более — на фоне «вседозволенности» 1990-х. (Отметим: в данной статье говорится не о контенте — отборе тем, фактов и их интерпретации, а лишь о речевом оформлении этого контента.)

Интересно, что из всего многообразия уровней языка особое внимание журналистов уделяется в последнее время орфоэпии, точнее, словесному ударению. Возможно, это объясняется тем, что ударение — одна из самых «свободных» характеристик слова: при словоизменении и словообразовании оно перемещается с одной морфемы на другую, а то и вовсе на предшествующий предлог, причем логика этих перемещений в школе, как правило, не объясняется (почему *носИть* — *нОсит*, но *звонИть* — *звонИт* и т. п.), следовательно, понятна только специалистам-филологам. Наблюдения последних лет показывают, что в государственных СМИ идет не просто борьба за чистоту и правильность публичной речи, но целенаправленная деятельность по ее унификации: очевидных ошибок — в склонении числительных, использовании предлогов, падежном управлении и т. д. — не становится меньше, зато «выбраковке» подвергаются *варианты*, даже закрепленные в словарях.

Стремление к устойчивой (в идеале — неизменной) системе правил, ясной и непротиворечивой, как таблица умножения, покрывающей всю область языковых явлений и предлагающей только одно верное решение конкретной речевой или коммуникативной задачи, отражает не только «скрытую потребность общества в упорядоченности и определенности», но и страх перед выбором, а значит — возможностью ошибки. «Лингвисты констатируют, — пишет Анна Потсар, — что потребность в норме у среднестатистического носителя языка значительно выше, чем у профессионала». Этого среднестатистического носителя языка она называет «обывателем», которому «нужно, чтобы ему указали единственно правильную форму. Тем самым он подсознательно стремится к некоторой диктатуре. Диктатуре нормы» [3]. Действительно, слушатели все чаще звонят и пишут на радио, чтобы узнать,

«как правильно», или сделать замечание журналистам, нарушающим, с точки зрения слушателей, языковые нормы. Однако очевидно, что заказ на «единственно верную форму» идет не только снизу, от «обывателя», но и сверху — от чиновника, публичного человека, к речи которого неожиданно стали предъявлять требования «правильности» (вспомним диктанты, которые устроили своим подчиненным некоторые губернаторы, или вопросы ЕГЭ, на которые президентом было предложено ответить ряду депутатов, и тому подобные факты). В результате административные рычаги привели в действие процесс унификации публичной речи как профессиональной деятельности — вплоть до попытки «переписать» правила, не укладывающиеся в жесткие рамки и дающие слишком большую свободу выбора. Самый яркий пример — попытка закрепить ударение в падежных формах существительных на одной морфеме, на одной и той же гласной корня или окончания. Наибольшее число расхождений эфирного словоупотребления со словарной нормой (для сопоставления просматривалось несколько как орфоэпических, так и толковых словарей) — в формах предложного падежа единственного числа (*в сЕти, в стЕти, в гЕрбе* и т. д.) и всех падежных формах множественного числа. На последних следует остановиться особо. Одной из первых ласточек новой орфоэпии стало слово *дЕньгами*, что отметила Анна Потсар еще в 2007 году: «Актеры в сериалах и ведущие дневных ток-шоу, как сговорившись, щеголяют произношением слова “деньгами” с ударением на первом слоге. Что характерно, это ударение уже лет двадцать является устаревшим» [3] (на самом деле — гораздо более двадцати лет). Вслед за *дЕньгами* появились и другие слова, измененные по тому же принципу: *играет одну из главных рОлей* (новости на Первом канале), *белыми вОлками* (передача «Человек и закон»), *Кимерия с ее стЕнями* (Радио России), *гЕрбами городов* (радио «Маяк») и т. д., и т. п. На наш взгляд, сомнительно, чтобы такое словопроизношение появилось именно как желание «щегольнуть» старой (досоветской?) нормой (аналогично написанию названий фирм, изданий, торговых марок с концевым твердым знаком): в таком случае оно не стало бы массовым, а сегодня и *обязательным* для работников государственных каналов. Наличие административного нажима ощущается в том, что такое произношение требовало и требует от ведущих (например, на радиостанции разговорного формата «Маяк») определенного усилия, заметного при прослушивании программ: многочисленны примеры привычного произношения слова с последующей поправкой, видимо соответствующей требованиям редакции.

Заметим, что политики, представляющие верхние эшелоны власти, по-прежнему говорят не особо считаясь с литературной нормой, но они, собственно, и не обязаны в данной сфере быть образцом для подражания: так, премьер-министр и президент по-разному ставят ударение в словах *одновременный, обеспечение* и других, но это вряд ли сказывается на их профессиональной деятельности. Напротив, от журналистов требуется именно эталонность речевого поведения, однако, как мы видим, административное стремление к унификации парадоксальным образом приводит к нарушению существующих на данный момент норм литературного языка.

Проблема выбора (или его отсутствия) того или иного слова перерастает для журналиста в проблему коммуникативной стратегии, особенно на радиостанциях разговорного формата, таких как «Маяк». Одно из требований к ведущим ток-шоу — увлечь аудиторию, вовлечь ее в диалог, характер которого сегодня больше напоминает дружескую беседу и даже «болтовню».

Нарочитое расхождение речи ведущего и аудитории (или ведущего и приглашенного гостя) может создать коммуникативный барьер. С этой ситуацией ведущие справляются по-разному. Например, в передаче «Есть контакт» (радио «Маяк») в беседе со специалистом по геральдике многократно повторяющиеся формы слова *герб* (*гербы*) с ударением то на окончании (в речи специалиста), то на корне (в речи молодых ведущих) звучало резко диссонирующе, что почувствовали и сами журналисты: они стали сбиваться и в конце концов — говорить так же, как и студийный гость. Более опытные ведущие в спорных случаях либо обыгрывают наличие вариантов (имеются в виду не только пары, закрепленные словарем, но и широко употребляемые в разговорной речи «двойники», в словаре отсутствующие), либо даже позволяют себе критически комментировать навязанное им произношение. Так, ведущий передачи «Роковой понедельник» («Маяк») превратил «промах» своего партнера в игру («досУг... дОсуг... простите, я не знаю, как тут правильно»), в которую тот немедленно включился: «А зарплата у тебя в следующем квАртале», «А продукты ты покупаешь в маГАзине», «А докУменты ты носишь в пОртфеле» и т. д. Конечно, «опротестовать» непосредственно в прямом эфире норму, расходящуюся с массовым употреблением, могут позволить себе лишь «звезды», имеющие высокий рейтинг: «...состоится премировАние... Господи, ну никто же так не говорит!» (Вадим Тихомиров, «Валенки-шоу», «Маяк»). Одна из функций подобных игр и комментариев — сохранить контакт с аудиторией и единство стиля общения с ней. В таких передачах, как «Валенки-шоу», преобладает разговорный стиль общения с аудиторией, особенно заметный в фонетике, интонациях и лексике («кому чево интересно», «щас как дам», «чѐ? — ничѐ», «и расфигачили все витрины», «пойти немножечко позагореть» и т. д.), и подчеркнутая нормативность только *одного* элемента — правильного, но непривычного ударения (*мастерскИ, премировАние*) кажется посреди этой стихии разговорности не всегда уместной (особенно если учесть, что параллельно в новостях на «Радио России» диктор все равно говорит *премИровать*).

Итак, в требовании одной только школярской правильности проявляется ограниченность как сознания, так и владения родной речью возможностями стилевой игры. Подлинная культура речи предполагает свободный переход из одной функциональной сферы в другую, уместное сочетание элементов, регулируемых разными нормами (в широком смысле слова «норма близка к понятию *узуса*» [1, с. 236]). Следует помнить, что норма даже в узком смысле (как результат целенаправленной кодификации языка) не только изменчива во времени, но и «предусматривает динамическое взаимодействие разных способов языкового выражения в зависимости от условий общения (последнее свойство нормы называют ее коммуникативной целесообразностью)» [1, с. 239]. Язык дает индивиду свободу, но одновременно накладывает на него определенные ограничения, поскольку в нем «есть глубинный уровень <...> который не подвластен прямому влиянию индивида и социума. Это механизм саморегуляции языка <...> Задача этого механизма заключается в обеспечении эффективной коммуникации <...>» [4, с. 24]. И чем более телевидение и радио будут превращаться из средств массовой информации в средства массовой коммуникации (что явно наблюдается на современном этапе), тем менее продуктивной будет попытка волевой унификации тех или иных единиц и характеристик эфирной речи.

Библиографический список

1. Крысин Л. П. Литературная норма и речевая практика средств массовой информации // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академ. проект, 2011. С. 235—245.
2. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ. М. : Изд-во МГУ, 2004. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/18.htm> (дата обращения: 16.02.2013).
3. Потсар А. Орфография неразлейводы. URL:// <http://www.russ.ru/layout/set/print//Mirovaaya-rovestka/Orfografiya-nerazlejvody> (дата обращения: 04.02.2013).
4. Углонова И. А. О языковом механизме саморегуляции // Вестн. Перм. ун-та. 2011. Вып. 1. С. 20—26.
5. Шерель А. Аудиокультура XX века : история, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. М. : Прогресс-Традиция, 2004. URL: <http://nmm.ru/blogs/PRESSI/audiokultura-xx-veka-sherel-a-pdf/> (дата обращения: 06.02.2013).

ББК 76.006.5

*Е. Е. Ломакина, А. В. Бондина***КОММУНИКАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРОДВИЖЕНИЯ
ТОВАРОВ СЕЗОННОГО СПРОСА**

Рассматриваются особенности коммуникации с потребителем в условиях сезонного колебания объемов продаж. Предлагается алгоритм коммуникационных действий в периоды спада спроса.

Ключевые слова: товары сезонного спроса, комплекс маркетинга, мотивационные и коммуникационные программы.

The authors consider the peculiarities of communication with the consumer under the conditions of seasonal fluctuations of volumes of sales. A mechanism of communication actions in periods of lull in sales is proposed.

Key words: goods seasonal demand, complex marketing, motivation and communication programs.

Сезонные колебания объемов продаж являются одной из основных проблем, возникающих перед значительной частью предприятий. Они препятствуют эффективному планированию, ухудшают ликвидность, замедляют экономическое развитие и снижают получаемую прибыль. Имеет место также ряд последствий социального характера, вызванных влиянием сезонности. Это сезонная (скрытая) безработица, уменьшение платежей в бюджеты различных уровней.

Сезонность спроса, как правило, ощущается практически в любом бизнесе. Для того чтобы разобраться, действительно ли это сезонные колебания или требуется корректировка самой стратегии бизнеса, необходимо проанализировать продажи компании за несколько последних лет. Если цифры по итогам каждого года увеличиваются на 20 % и более, а колебания (спады и подъемы) характерны только для определенных периодов (ежегодно совпадающих), можно говорить о сезонном характере спроса на товар.

© Ломакина Е. Е., Бондина А. В., 2013

2013. Вып. 1. Право. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Большинство товаров являются умеренно сезонными: падение объемов продаж в «низкий» сезон (период спада спроса на продукт, обусловленный в основном климатическими условиями) и увеличение спроса в «высокий» (противоположен низкому сезону, обусловлен повышенным спросом на продукт) не превышают 10—20 % от среднестатистического месячного уровня. На рынках с выраженной сезонностью «провалы» продаж достигают 30 % и более [1, с. 17].

Если в результате проведенного анализа выявлено, что сезонность существует, то далее необходимо решить, нужно ли принимать меры по ее корректировке, которая чаще всего направлена на увеличение продаж в период спада. Но бывают ситуации, когда компании пытаются сгладить пики продаж, т. е. сократить их в период ажиотажного спроса с тем, чтобы увеличить в период спада.

Характеристики продукта также влияют на выбор методов продвижения. Сезонность в продажах, а следовательно, и в продвижении продуктов приводит к необходимости циклического способа маркетинговых коммуникаций с потребителем. Существует особая разновидность маркетинга — синхромаркетинг («...маркетинг, применяющийся в условиях нерегулярного спроса при торговле товарами сезонного потребления... либо подверженными иным циклическим или непредсказуемым спадам конъюнктуры» [6]). Эффективным средством синхромаркетинга является поочередный переход на различные географические и другие сегменты рынка. При таком способе вся мотивационная деятельность начинается примерно в одно и то же время и так же синхронно заканчивается. В результате компании вынуждены не только резко увеличивать рекламные бюджеты в этот период, но и зачастую сокращать время, в течение которого продвигается товар, так называемые «активные недели». Исследования показывают, что во многих случаях гораздо эффективнее начинать мотивационный цикл до выхода в высокий сезон с тем, чтобы подойти к началу сезона с уже восстановленным уровнем знания марки. Среди ожидаемых результатов такой активности в течение года можно наблюдать получение конкурентного преимущества, быстрый рост продаж в начале сезона, более длительное нахождение на пике продаж. То же самое можно сказать и о выходе из сезона: если заканчивать цикл продвижения позже, то падение продаж будет не таким резким и быстрым.

Выбор стратегий продвижения сезонных товаров на рынке предполагает комплексный подход, который включает в себя, с одной стороны, анализ деятельности конкурентов, изучение возможностей продвижения предприятий в зависимости от сезона, с другой — калькуляцию затрат (определение затрат в стоимостной форме на производство единицы или группы единиц изделий) в зависимости от их эффективности.

На выбор также влияют цели, которые ставят перед собой компании — участники рынка. Основными из них являются: завоевание большей доли рынка по сравнению с конкурентами; завоевание большей доли рынка по сравнению с предыдущим сезоном, получение максимальной прибыли, повышение узнаваемости марки [9, с. 150].

Перед компаниями — производителями товаров с высокой сезонностью дополнительно стоит сложный выбор: поиск товаров-заменителей, которые помогут сгладить сезонные колебания спроса, либо использование всех доступных каналов и методов стимулирования сбыта в низкий сезон.

При этом представленный на рынке ассортимент товаров в группе, как правило, очень широк, а вероятность появления мелких игроков достаточно высока. Поэтому компании-производители вынуждены стимулировать сбыт в этот период. Чаще всего стимулирование сбыта не зависит от степени концентрации конкуренции на данном рынке товаров [8, с. 301]. Производителям приходится искусственно повышать узнаваемость своих марок через комплекс продвижения и мотивационные программы. В то же время производители стараются получить максимальную прибыль от продажи своих товаров в высокий сезон, чтобы компенсировать спад продаж в период низкого сезона. Еще одной причиной продвижения в высокий сезон является то, что благодаря росту продаж в этот период есть вероятность закрепить свои позиции и в низкий сезон.

Таким образом, большая часть производителей сосредоточена на стимулировании продаж, а как следствие, и спроса только в период высокого сезона. По нашему мнению, такое решение ошибочно. Вследствие этого компании, которые не мотивируют покупателей в низкий сезон или не имеют товаров-заменителей под той же маркой, рискуют начинать каждый последующий сезон на уровне нового игрока, завоевывая потерянную долю рынка. Таким образом, один из способов решения проблемы, с нашей точки зрения, выравнивание кривой сезонности. Здесь задачей является сбалансирование сезонных факторов: повышение спроса в межсезонье и искусственное снижение уровня спроса в сезон для того, чтобы избежать его чрезмерности.

Одной из стратегий выравнивания кривой сезонности выступает принятие решения о стимулировании сбыта в низкий сезон. Оно может проходить по трем направлениям [2, с. 119]:

- использование мотивационных программ и стимулирование сбыта на выходе из сезона;
- использование мотивационных программ и стимулирование сбыта на входе в сезон;
- использование мотивационных программ и стимулирование сбыта в течение всего низкого сезона.

Уточним различия между мотивационной программой и стимулированием сбыта. В широком смысле эти понятия похожи, так как цель одна: максимизация продаж. Различия в методах и средствах реализации. По нашему мнению, мотивационная программа — это комплекс мер, направленных на повышение заинтересованности продавцов реализовать товар, продвинуть его через все ступени дистрибуции (средства: конкурсы для продавцов, премии). Стимулирование сбыта — это комплекс мер, направленных на повышение заинтересованности покупателей приобрести товар (средства: скидки, купоны, подарки).

Для получения синергетического эффекта необходимо применение всех методов продвижения.

Использование компаниями — участниками рынка программ продвижения на выходе из сезона и на входе в сезон дает им не столько возможность получения дополнительной прибыли (при том, что затраты на продвижение будут больше по сравнению с затратами в период высокого сезона), сколько выгоды оптимизации, такие как:

- загрузка производственных мощностей, которые простаивают в низкий сезон (производитель не несет убытков из-за простоя станков);
- повышение узнаваемости марки (в низкий сезон концентрация внимания на продвигаемой марке будет выше);

- сохранение занимаемой доли рынка;
- ускорение продаж, а как следствие, и оборачиваемости товара;
- придание регулярности сбыту;
- оживление продаж товара, который находится в сезонном застое.

Коммуникация с потребителем в период сезонных спадов призвана решить две основные задачи — «создание необходимого уровня и типа осведомленности о торговой марке и формирование определенного, уникального (отличного от основных конкурирующих позиций) отношения к ней» [4, с. 59]. В связи с этим имеет смысл остановиться на проблемах, которые стоят перед коммуникаторами в период сезонных спадов.

Поскольку в основе ведения коммуникации с потребителем рынка сезонных товаров будет заложена борьба со сложившимся стереотипом, как никогда возрастает необходимость в активном стимулировании сбыта. В данном контексте под стимулированием сбыта мы будем понимать прямое средство убеждения потребителя, основой которого служат внешние стимулы, а не свойственные продукту преимущества. По мнению абсолютного большинства специалистов, именно этот маркетинговый инструмент способствует тому, что потенциальные покупатели не будут откладывать покупку товара на более «удобное» время года.

Рассмотрим некоторые особенности коммуникации в период спада продаж, которые мы условно можем разделить на составляющие комплекса маркетинга — «набора поддающихся контролю переменных факторов, совокупность которых фирма использует в стремлении вызвать желательную ответную реакцию со стороны целевого рынка» [3]. Его функция состоит в том, чтобы сформировать набор (mix), который не только бы удовлетворял потребности потенциальных клиентов в рамках целевых рынков, но и максимизировал эффективность организации. Маркетинговая политика предприятия включает товарную, ценовую, сбытовую политику, а также политику продвижения товара на рынке (коммуникационную).

Коммуникационная политика по отношению к потребителям сезонных товаров будет включать следующие инструменты: акции, рекламную кампанию, программы лояльности и работу с постоянными клиентами, рекламу и немонетарные методы.

Акции. Здесь речь идет не об интересных рекламных мероприятиях или розыгрышах. Один из вариантов акций — это формирование специальных наборов из своей продукции (или пакета услуг), которые содержат несколько наименований товаров. В данный набор обычно включаются несезонные либо непопулярные товары (один или несколько). При этом для набора формируется более выгодная цена — по сравнению с той, которую пришлось бы заплатить потребителю за все товары по отдельности.

Рекламная кампания. Этот метод включает в себя грамотно разработанную рекламную стратегию на год. Конечно, она требует дополнительных затрат (рекламный бюджет) и правильного распоряжения выделенными средствами. Суть данного инструмента состоит не только в том, чтобы простимулировать продажи того или иного товара (услуги) и привлечь к нему внимание, но и в том, чтобы показать новые способы его использования, сформировать потребность в нем.

Программы лояльности и работа с постоянными клиентами. Чтобы использовать данный метод для стимулирования продаж в межсезонье нужно быть уверенным, что именно постоянные клиенты совершают боль-

шинство покупок в это время. То есть «необходимо провести анализ продаж в разрезе клиентов» [7, с. 51]. Довольно часто оказывается, что до 80 % продаж в период спадов осуществляется именно через постоянных клиентов. И это вполне обоснованно, ведь привлечь нового клиента в данный период, когда потребность у него еще не сформирована и неактуальна, довольно сложно. Поэтому в период спада имеет смысл особое внимание уделять программам лояльности для постоянных клиентов.

Реклама и стимулирование сбыта немонетарными методами. Суть данных методов состоит в том, чтобы «не просто привлечь внимание к товару, а показать новые условия его потребления или способы использования» [5, с. 39]. Например, мороженое зимой можно использовать для приготовления десертов на праздники, купальники для посещения бассейнов, а дезодоранты, чтобы не потеть в метро.

Хотя напоминать о существовании товара в период спада тоже очень важная задача. Спад закончится, только если за это время не пропадет интерес к товару вообще. Его нужно поддерживать, не допуская, чтобы потребители забыли о товаре за время межсезонья.

В процессе коммуникационной активности на сезонных рынках часто используют комбинированную стратегию. В общем виде акценты могут быть расставлены следующим образом:

- в начале периода подъема — стимулирование сбыта и промоакции;
- на пике подъема — отсутствие рекламы;
- в конце периода подъема — стимулирующая реклама;
- в начале периода спада — стимулирование сбыта;
- при максимальном спаде — имиджевая и поддерживающая реклама и PR, точечная реклама для постоянных клиентов;
- в конце периода спада — стимулирующая реклама, точечная реклама для целевых групп клиентов.

Конечно, эта схема носит довольно условный характер и может видоизменяться в зависимости от специфики бизнеса.

Итак, подводя итог, мы можем утверждать, что коммуникация с потребителем в период сезонных спадов имеет ряд особенностей, таких как:

- поиск клиентов самой компанией;
- борьба с ложными стереотипами;
- выстраивание коммуникации на убеждении потребителя посредством внешних стимулов (а не собственных продукту преимуществ), к коим относятся скидки и распродажи, использование сезонных коэффициентов, акции, рекламные кампании, выгодные условия покупки, корректировка ассортимента, переориентация на другую целевую аудиторию, программы лояльности, реклама и стимулирование сбыта немонетарными методами, которые укладываются в общую концепцию комплекса маркетинга.

Мы пришли к выводу, что изучение кривой сезонности является главной и значимой составляющей деятельности любой компании, работающей на рынке сезонных товаров. Организация и проведение коммуникационных программ на выходе и входе в сезон и в межсезонье необходимы, они помогают компаниям-производителям не только загрузить свои производственные мощности и снизить плановые убытки, но и тщательно подготовиться к входу в новый высокий сезон и плавному выходу из него.

Библиографический список

1. *Афанасьева С.* Как преодолеть сезонность товара // Профессия — директор. 2009. № 5. С. 13—19.
2. *Беляевский И. К.* Маркетинговое исследование: информация, анализ, прогноз. М. : Финансы и статистика, 2001. 320 с.
3. Комплекс маркетинга // Свободная энциклопедия маркетинга. URL: <http://marketopedia.ru/6-kompleks-marketinga.html> (дата обращения: 13.12. 2012).
4. *Рафел И., Рафел Н.* Как завоевать клиента. СПб. : Питер Пресс, 1996. 156 с.
5. *Ромат Е.* Реклама в системе маркетинга. Харьков : Студцентр, 1995. 254 с.
6. Тематические словари. Финанс. URL: <http://www.finam.ru/dictionary/> (дата обращения: 21.10.2012).
7. *Тренин Н. Н.* Механизмы управления предприятием. М. : ЮЭЛ Консалтинг, 2000. 304 с.
8. *Швальбе К.* Практика маркетинга для малых и средних предприятий. М. : Республика, 1995. 409 с.
9. *Эбергарт А. Е.* Место и роль стимулирования сбыта товаров сезонного спроса. М. : Изд-во МГОУ, 2010. 352 с.

ББК 76.006.5

*Т. А. Майорова***PR-СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

Анализируется современная ситуация в образовательной среде города, связанная с необходимостью PR-сопровождения инноваций. Предпринята попытка систематизации достижений и проблем в данной области. Основой для проведенного анализа стало внимание к каналам распространения PR-информации о деятельности образовательной организации.

Ключевые слова: проект в области связей с общественностью, рекламные материалы, рекламные технологии, целевая аудитория, каналы продвижения, позиционирование организации.

The author has attempted to systematize the results and problems in this sphere. The analysis was initiated by the necessity to disseminate PR information about educational organization activities. The article analyses the situation in the city's educational system, connected with the need for PR innovations.

Key words: project in PR-sphere, promotional materials, promotional technologies, target audience, promotional channels, organization positioning.

Все, кто имеет отношение к сфере образования, чувствуют, что сегодня пришло время коренных изменений в этой области. А в насыщенном информационном пространстве подобные процессы невозможны без системного PR-сопровождения инноваций. Предлагаем рассмотреть проблемы, которые при этом возникают, на примере учреждений основного общего образования города.

Во-первых, отсутствует план PR-сопровождения деятельности муниципальной системы образования. На наш взгляд, соответствующий раздел необходим в Программе развития Управления образования города. В новом Законе «Об образовании» данный вопрос тоже не освещен. Соответственно в программах развития школ города данное направление прописывается редко и эпизодично. Например, можно найти такие разделы: «Проект “Имидж школы”» или «Участие школы в конкурсах, фестивалях и форумах» и т. п. Хорошо, если в этом случае указываются цели и задачи данного направления, просматривается именно развитие, а не конъюнктурные моменты, связанные с необходимостью участия в рейтинговых проектах.

А между тем, даже чисто с утилитарной точки зрения, видение стратегических путей продвижения учреждения полезно. Рекламный баннер, рекламный ролик, буклет, презентация-визитка об образовательном учреждении живет приблизительно два-три года, стоит недешево, требует значительных усилий по информационному и дизайнерскому наполнению, и потому желательно представлять себе цели тех мероприятий, содержание и проблематику которых он должен отразить хотя бы на этот срок.

Другая проблема — позиционирование образовательного учреждения, т. е. определение, в чем его «фишка». В качестве конкурентоспособных моментов обычно указываются следующие: высококвалифицированный педагогический коллектив; качественные показатели обученности учащихся, результатов ЕГЭ и ГИА; современная система оценки качества образования; современная материальная база и т. п.

Однако это некие общие позиции, которые никак не определяют своеобразие конкретной школы. Согласно широко распространенному в специальной литературе подходу, «позиционирование — это выделение товара среди аналогов по определенным характеристикам, обеспечивающим его конкурентоспособность» [2].

Что же является товаром в деятельности школы? Выпускник? Повысивший компетентность учитель? Методический продукт? В нашем случае явно корректней говорить не о товаре, а об образовательной услуге или о некоей комплексной характеристике, объединяющей и перечень услуг, и определенный результат их оказания. Тогда в орбиту позиционирования будут включены все значимые целевые аудитории, ведь именно на них рассчитан, как теперь говорят, PR-месседж.

В литературе предлагают различные подходы к позиционированию на рынке товаров и услуг. Превосходящее позиционирование предполагает утверждение, что продукт компании самый лучший. Использовать превосходящее позиционирование могут себе позволить известные бренды, которые имеют лояльных потребителей, не подвергающих сомнению данные утверждения. В нашем городе таким преимуществом может пользоваться лицей № 21, занявший в минувшем учебном году лидирующие позиции в муниципальном рейтинге образовательных учреждений, являющийся автономным образовательным учреждением.

Однако превосходящее позиционирование иногда вызывает некоторое недоверие. В этом случае компании обращаются к заменяющему позиционированию. Выбирается одна характеристика и делается акцент на ее отличии от такой же характеристики конкурентов. Так, лицей № 67 стал муниципальной площадкой информационных инноваций, проекта «Медиашкола», и по-

тому может подчеркивать именно это конкурентное преимущество — своеобразное «лицо» учреждения.

Дополняющее позиционирование основано на выделении дополнительного фактора конкурентоспособности, которого нет у конкурентов. Сюда могут быть отнесены лицей № 22, школа № 26 с углубленным изучением предметов естественно-научного цикла.

В зависимости от количества выбранных характеристик различают позиционирование двухмерное и многомерное.

Двухмерное позиционирование основано на двух главных привлекательных свойствах продукта. Применительно к образовательной среде это могут быть такие свойства, как доступность и качество образовательных услуг, или доступность и их разнообразие, или доступность и качество.

Многомерное (позиционирование) шкалирование основано на выделении более двух параметров качества, по которым товар сравнивается с аналогами. Для школы значим такой набор характеристик образовательных услуг: качество, доступность, разнообразие, профессионализм, степень соответствия социальному заказу, психологическая и физическая безопасность и т. д. При этом важно опять же не потерять ту «фишку», которая отражает специфику именно данного образовательного учреждения.

В городе есть опыт более точного позиционирования образовательных учреждений. Например, школа № 43 имеет статус Иваново-Вознесенского кадетского корпуса. На официальном сайте школы дается информация об этом: «26 февраля 1999 года вышло Постановление главы города Иваново № 170 “Об открытии кадетского корпуса”» [4]. Данная особенность просматривается во всех документах учреждения.

Школа № 18 позиционирует себя как школа национальных культур. Это также четко отражается в Программе развития учреждения, его основных мероприятиях. Например, мы читаем на странице «Социальные партнеры» о следующих знаковых мероприятиях: «Региональная ученическая конференция “Родной язык в пространстве русского мира современной России”», городской детский спортивный праздник «Сабантуй», детский городской фестиваль национальных культур и др. [6].

Согласно новому Закону «Об образовании», образовательные учреждения именуются образовательными организациями. В статье 23 дается такое общее определение: «Общеобразовательная организация — образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования» [3]. Таким образом, как-то выделиться среди многочисленных сходных по наименованиям структур будет еще труднее, чем сейчас.

При этом возникают «неудобные» вопросы. Для кого следует выделяться, перед кем позиционировать себя, если при наборе в школы сегодня жестко учитывается прописка ребенка, решающим фактором является так называемый заявительный принцип? Какое влияние — положительное или отрицательное — на имидж образовательного учреждения накладывает ситуация, когда родители будущих первоклассников занимают очередь для подачи заявления в школу с вечера или за несколько дней до этого?

Получается, что позиционировать себя образовательное учреждение, конечно, может и должно, но только с учетом этих ограничений и рассчитывая на свои внутренние ресурсы. В Приложении к лицензии на право ведения

образовательной деятельности обозначаются основные и дополнительные общеобразовательные программы, которые реализует школа. Особенно заметна эта специфика при определении дополнительных программ. Это могут быть, например, следующие направления: художественно-эстетическое, естественно-научное, культурологическое, социально-педагогическое, туристско-краеведческое, эколого-биологическое, научно-техническое, военно-техническое и т. д. Опираясь на отбор конкретных составляющих, и следует определяться с позиционированием образовательной организации.

Как актуальный с точки зрения PR-сопровождения, но и достаточно проблемный выступает сегодня вопрос возникновения новых форм образовательных сообществ. Многие из них имеют сетевую природу. В статье 15 Закона «Об образовании» говорится о «сетевой форме реализации образовательных программ», которая «обеспечивает возможность освоения обучающимся образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций» [3]. В реализации образовательных программ с использованием сетевой формы наряду с организациями, осуществляющими образовательную деятельность, также могут участвовать научные организации, организации культуры, физкультурно-спортивные и иные организации, обладающие ресурсами, необходимыми для осуществления обучения, проведения учебной и производственной практики и иных видов учебной деятельности, предусмотренных соответствующей образовательной программой. Понятно, что при таких условиях роль связей с общественностью многократно возрастает.

Приметой времени стало возникновение образовательных центров, комплексов, холдингов. В электронной газете «Вести образования» в статье А. Воронцова «Если холдинг возникает — значит, это кому-нибудь нужно» дается такое определение: «Под образовательным холдингом можно понимать совокупность образовательных организаций, имеющих общие образовательные взгляды, принципы, сходные подходы (образовательные системы) к организации образовательного процесса и реализующие общую образовательную программу и программу развития» [1].

На данное нововведение откликнулась Википедия, в которой уже появилась короткая статья на тему «Образовательный холдинг» [5]. При этом непосредственно в педагогическом сообществе весьма противоречивое отношение к подобному рода новообразованиям. Кто-то сводит идею только к укрупнению соответствующих структур, других не устраивает дублирование функций различных подразделений внутри нового сообщества.

Примечательно, что в Ивановской области имеется интересный, еще не вполне осмысленный опыт в данной сфере. Лицей № 22 более 20 лет входил в учебно-научно-педагогический комплекс «Университет — лицей № 22». Лицей какое-то время располагался в трех зданиях, в придачу к этому имел в своем распоряжении отдельный дом компьютерной техники, где проводились уроки информатики. Учащимся были открыты богатые ресурсы ИвГУ — лаборатории, ботанический сад, музеи, квалифицированный педагогический корпус. Поэтому можно говорить о существовании мегасистемы, нуждающейся в сильном координационном центре, отвечающем и за связи с многочисленными целевыми аудиториями с их многоаспектными интересами.

Сегодня лицей № 22 включен в более широкую орбиту сетевого проектирования. На базе учреждения по инициативе городского центра дополни-

тельного образования (повышения квалификации) образован муниципальный ресурсный центр (МРЦ), целью которого стало информационное и методическое сопровождение введения новых образовательных стандартов в Иванове.

Каковы же основные моменты, актуальные с точки зрения PR-сопровождения сетевого образовательного проекта? Здесь проблематично выстраивать конкретную иерархию позиций, попробуем определить последовательность критериев и оценить степень их применимости к деятельности муниципального ресурсного центра.

Во-первых, нужно, чтобы проект был важен не только для узкого круга педагогов, а для многочисленных представителей различных целевых аудиторий. Вопрос введения новых образовательных стандартов в той или иной степени волнует сегодня школу, родительскую общественность, государство. Это поистине национальный и при этом новый по духу проект. Применимо к проводникам идеи его введения может быть актуализировано слово «миссия».

Говорят, что слово «миссия» по отношению к деятельности организации к нам пришло «с запада», где его значение достаточно коммерциализировано. Стало модным говорить о миссии продукта, миссии проекта, миссии лица и т. д. Однако в условиях сегодняшней постоянной спешки, информационной перегруженности, выраженной ориентации на рыночные отношения даже в социальной сфере такой подход часто конъюнктурен. Поэтому при PR-сопровождении необходимо донести ценностный компонент проекта, позиционировать его как остро актуальный для педагогического сообщества города. В этом качестве он способен порождать не сконструированные, а подлинные информационные поводы, интересные для СМИ всех уровней — от корпоративного до регионального.

Во-вторых, важен статус руководителя проекта, его имидж, его репутация. Муниципальный ресурсный центр возглавила Тамара Александровна Воронова — кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики Ивановского государственного университета, научный руководитель учебно-научно-педагогического комплекса «Университет — лицей № 22». Это ученый, который постоянно держит руку на пульсе передовой педагогической практики и законодательных изменений в сфере образования, является общепризнанным экспертом в этой области. Здесь же следует сказать о наличии команды единомышленников, еще одном необходимом условии позиционирования сетевого проекта как действительно значимого. В нашем случае такой командой стали как преподаватели университета, так и кадровый состав лицея, а позднее и других школ.

В-третьих, на наш взгляд, важно иметь своеобразное поле для креатива, чтобы идея сетевого проекта не лежала на поверхности, обладала необходимым творческим потенциалом, ломала стереотипы. Ведь именно разрывая стереотип, как следует из известной методики Ж.-М. Дрю, рождается бренд.

С 2010 года, когда только началась деятельность ресурсного центра, много и далеко не всегда квалифицированно говорят о переходе средней школы на новые образовательные стандарты. Усиленно муссируются слухи о платном образовании, безразмерном учебном дне, повышенных требованиях к подготовке учащихся, странных подходах к оцениванию образовательных результатов и т. д. Относительно старшей школы наблюдается целый шквал неоправданно резких суждений по поводу невыгодной для учащихся необходимости выбора учебных предметов, введения новых предметов, распаде традиционной классно-урочной системы, катастрофическом снижении уров-

ня подготовки школьников и т. п. В учительской среде все чаще слышен горький вывод: «Пора уходить из школы».

Естественно, в данных условиях необходимо было развернуть широкую просветительскую и методическую деятельность по подготовке прежде всего административного корпуса и непосредственно учительства к переходу на новые стандарты начального общего образования, усиливая и PR-сопровождение данной деятельности в виде организации многочисленных круглых столов, семинаров, презентаций, выступлений в прессе, на форумах, конкурсах и других открытых мероприятиях.

В результате была организована работа пяти проектных групп, за три года обучение прошли представители более 20 образовательных учреждений, с некоторыми установились крепкие деловые связи. На базе ресурсного центра возникло именно педагогическое сообщество, информация о котором постоянно появляется на сайте методического центра и непосредственно лица. Имеются публикации в корпоративных изданиях, в том числе ИвГУ.

Таким образом, мы видим, что образовательная среда сегодня остро нуждается в усилении такой важной составляющей деятельности, как связи с общественностью. При отсутствии четкой программы эта работа часто реализуется эпизодически, интуитивно, непоследовательно, неглубоко, держится на энтузиазме одиночек. Пришла пора профессионализма.

Библиографический список

1. *Воронцов А.* Если холдинг возникает — значит, это кому-нибудь нужно. URL: <http://eurekanext.livejournal.com/148247.html> (дата обращения: 22.02.2013).
2. *Герасименко В. В.* Виды позиционирования товаров на рынке. URL: http://www.dv-reclama.ru/others/articles/marketing/detail.php?ELEMENT_ID=24009 (дата обращения: 22.02.2013).
3. Об образовании в Российской Федерации : Закон РФ. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974> (дата обращения: 22.02.2013).
4. URL: <http://iv43.iv-schools.ru/pages/3716-3970-2860> (дата обращения: 22.02.2013).
5. URL: <http://mosedu.couo.ru/index.php> (дата обращения: 22.02.2013).
6. URL: <http://school18.ivedu.ru/c1-nasha-shkola/page=3> (дата обращения: 22.02.2013).

ББК 63.3(4)61-3

М. А. Бандурин

ПОЛИТИКА СЭМЮЭЛЯ ХОРА В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА (июнь — декабрь 1935 г.)

Рассматривается политический курс главы британского внешнеполитического ведомства Сэмюэля Хора по отношению к Третьему рейху в июне — декабре 1935 г. При этом доказывается, что он представлял собой маневр британской дипломатии, связанный с концепцией баланса сил и являющийся одним из самых показательных ее проявлений в 1930-х гг.

Ключевые слова: С. Хор, Третий рейх, баланс сил, Восточное Локарно, воздушный пакт, англо-германское морское соглашение.

The policy of Samuel Hoare — the Head of the British Foreign Office concerning the Third Reich in June-December of 1935 is examined. It is proved that it was a manoeuvre of the British diplomacy connected with the concept of the balance of power and one of its most significant manifestations in the 1930-th.

Key words: S. Hoare, the Third Reich, balance of power, Eastern Locarno, Air Pact, Anglo-German Naval Agreement.

Последний глава внешнеполитического ведомства Великобритании в коалиционном правительстве Р. Макдональда, занимавший этот пост с 7 июня по 18 декабря 1935 г., член консервативной партии Сэмюэль Хор известен прежде всего проектом урегулирования итало-абиссинской войны, начавшейся в том же году, — пактом Хора — Лавалья. Однако именно он подписывал, хотя и не разрабатывал, англо-германское морское соглашение 18 июня 1935 г., которое можно поэтому назвать «договором Хора — Риббентропа». Кроме того, он стал вдохновителем, или, по крайней мере, выразителем, весьма показательного маневра британской дипломатии по отношению к Третьему рейху, осуществленного вскоре после заключения этого соглашения.

В ходе 1934 г. и первой половины 1935 г. британская политика по отношению к нацистской Германии преследовала две основные цели. Во-первых, сохранить нейтралитет относительно настойчивых попыток Франции прийти к соглашению с СССР и осуществить на его основе проект так называемого Восточного Локарно — некоего аналога западных Локарнских соглашений для Восточной Европы, однако, в отличие от них, фактически основанного на военном союзе. Тем более что германская сторона недвусмысленно сообщила о своем негативном отношении к этому проекту еще в сентябре 1934 г. [2, S. 366—367]. Во-вторых, вывести рассмотрение ключевого для Великобритании вопроса о морских вооружениях из контекста Женевской конференции по разоружению, которая зашла в тупик и завершилась 11 июня 1934 г. Решение этого вопроса изначально предполагалось не в рамках Версальских, а в рамках Вашингтонских установлений. Первое привело к

визиту главы Форин офис Дж. Саймона в Берлин 25—26 марта 1935 г. и фактическому срыву в апреле того же года так называемого «фронта Стрезы» — объединенной коалиции Великобритании, Франции и Италии против Третьего рейха — германо-британской дипломатией [5, р. 24]. Второе — к заключению 18 июня 1935 г. англо-германского морского соглашения.

Это соглашение, предусматривающее ограничение отношения мощи германского флота к британскому фиксированным коэффициентом 35 %, осуществлялось в русле стратегических интересов Великобритании и было открытым признанием ее превосходства в морской сфере со стороны А. Гитлера [3, S. 853—856]. Однако к моменту его заключения возникли еще три обстоятельства. 7 марта 1935 г. германская сторона объявила о существовании люфтваффе — военно-воздушных сил Третьего рейха, что не означало одномоментного увеличения численности боевых самолетов, но само по себе застигло врасплох британскую сторону [8, р. 118]. 16 марта было объявлено о создании вермахта. Эти акции специально приурочивались А. Гитлером к визиту Дж. Саймона. 2 мая 1935 г. был заключен франко-советский договор о взаимопомощи, который ожидал ратификации французской палатой депутатов. В этих условиях в рамках подписания морского соглашения прозвучали следующие мысли. Его главный вдохновитель, первый лорд Адмиралтейства и представитель политической группы имперских изоляционистов Э. Чатфилд отметил: поскольку скоро Германия уже фактически аннулировала военные статьи Версальского договора, их в любом случае нельзя уже чем-либо подкрепить, так что нет смысла беспокоиться об этом [9, р. 121]. С. Хор сразу после своего назначения заявил, что раз французская сторона проводит курс на билатеральное соглашение без каких-либо консультаций с британской, то и британская имеет все основания для проведения собственного билатерального курса без того, чтобы выслушивать критику со стороны Франции [9, р. 113].

Но после подписания соглашения подобный настрой быстро изменился. Еще в ходе его заключения изначально антигермански настроенный заместитель главы Форин офис Р. Ванситтарт заявил главе германской делегации И. фон Риббентропу, что британское правительство рассматривает морское соглашение как первый шаг к общему и по преимуществу коллективному соглашению по ограничению вооружений и что оно не является эксклюзивным двусторонним пактом, направленным на политическую изоляцию Франции [12, S. 152]. Однако И. фон Риббентроп, не занимавший никаких должностей в министерстве иностранных дел и бывший главным партийным советником А. Гитлера по Великобритании, не стал заострять на этом внимание ни министра К. фон Нейрата, ни фюрера.

Проект заключения воздушного пакта, направленный на урегулирование воздушных вооружений в условиях провала Женевской конференции, был предложен британской и французской сторонами еще 3 февраля 1935 г. В его контексте британское правительство обнародовало планы по воздушному строительству, что и стало поводом для провозглашения люфтваффе с германской стороны. Этим шагом А. Гитлер не отказывался от заключения воздушного пакта, однако предлагал осуществить его на основании реального паритета в области воздушных вооружений, поскольку Третий рейх, утверждал он, в любом случае не в состоянии стать первой по мощи воздушной державой. Это он заявил в ходе переговоров с Дж. Саймоном [3, S. 1053]. Британская сторона первоначально согласилась с данной точкой зрения, и в ходе заседания британского кабинета 1 мая 1935 г. был сделан вывод о воз-

возможности осуществления воздушного пакта на основании реального паритета и изъятия его из плана по общему урегулированию [6]. 21 мая А. Гитлер сделал заявление, что Третий рейх по-прежнему готов подписать любое соглашение по ограничению вооружений при условии, если оно начнет действовать одновременно для всех подписавшихся сторон, и заключить двустороннее соглашение с любой стороной, которая этого пожелает [7, р. 674—678].

25 мая 1935 г. Германия внесла предложения по воздушному пакту. Он позиционировался как подкрепление Локарнских соглашений и затрагивал только локарнские державы — Великобританию, Францию, Германию, Италию и Бельгию. Этим она дополнила англо-французский проект. В германском предложении подчеркивалось, что германская сторона, несмотря на ее отсутствие в Лиге Наций, продолжает полностью следовать Локарнским соглашениям. Воздушный пакт предусматривал воздушную поддержку подвергшейся воздушному нападению стороны всеми воздушными силами остальных подписавшихся сторон. О сокращении воздушных вооружений ничего не говорилось [4, S. 198—199].

Однако первые недоразумения проявились еще в последние дни пребывания Дж. Саймона в должности. 28 мая состоялись его переговоры с послом Третьего рейха в Лондоне Л. фон Хёшем. Л. фон Хёш отметил, что необходимо добиться осуществления реального воздушного паритета, на что глава Форин офис не сделал никаких замечаний, но и не стал возражать. Он заявил, что желательно внести в пакт пункт о запрещении воздушных бомбардировок, а также что, несмотря на вынесение вопроса о воздушных вооружениях из контекста других вопросов, в данном случае будет недостаточно только англо-германского соглашения [4, S. 216—218]. 31 мая статс-секретарь Б. фон Бюлов сделал британскому послу Э. Фиппсу дополнительные разъяснения: германская сторона не пойдет на пересмотр требований А. Гитлера о воздушном паритете; так как реального сокращения воздушных вооружений не ожидается, Германия настаивает на их качественном ограничении в контексте актуального паритета [4, S. 232—234]. Таким образом, британская сторона решила внести в пакт запрещение воздушных бомбардировок, хотя в ходе переговоров с Гитлером в марте Дж. Саймон выносил этот вопрос за пределы воздушного пакта [4, S. 383—384].

9 июля 1935 г. переговоры продолжились, и обсуждение приняло еще более неожиданный для германской стороны оборот. Л. фон Хёш встретился с Р. Ванситтартом, а затем, сразу же, с новым главой Форин офис С. Хором. Оба британских политика заявили, что, несмотря на мартовские переговоры с Гитлером, вопрос о воздушном пакте не может быть решен без англо-французских совещаний. Они считали: так как англо-французские отношения ухудшились в результате англо-германского морского соглашения, их необходимо улучшить, прислушавшись к запросам французской стороны в контексте воздушного пакта. Хотя Л. фон Хёш подчеркнул бесполезность Восточного Локарно, оба британских политика настояли на том, чтобы германская сторона изменила к нему отношение, поскольку он может стать реальной основой для воздушного пакта [4, S. 419—421].

На фоне франко-советского сближения и по следам англо-германского договора С. Хор произнес 11 июля 1935 г. длинную речь в палате общин. Он подчеркнул: «Морское соглашение ни в коем случае не является эгоистичным. Мы ни в коем случае не стали бы заключать соглашение, не идущее, по нашим представлениям, в русле интересов других морских держав. Мы бы

никогда не заключили договор, препятствующий общему соглашению и даже не способствующий таковому. Вопрос о морском разоружении всегда рассматривался отдельно от вопросов сухопутного и воздушного разоружения. Он всегда рассматривался обособленно, и это, насколько мне известно, было свойственно всем морским державам. <...> Мы все желаем заключения воздушного пакта. Мы все желаем ограничения воздушных вооружений. Поэтому может возникнуть вопрос, почему, если мы хотим всего этого, воздушный пакт не может быть заключен без задержек. Я думаю, если я изложу ситуацию перед комитетом, он сочтет, что эта проблема не так проста, как кажется на первый взгляд. Я напомнил бы комитету, что фундаментальное условие воздушного пакта состоит в том, что все пять сторон должны согласиться на него. Не всегда просто найти основу для соглашения пяти сторон о чем-либо. В случае воздушного пакта мы стоим перед затрудняющим фактом того, что некоторые из правительств, среди них французское, считают мир неделимым целым, поэтому нельзя иметь дело с какой-то частью в отдельности, а необходимо иметь дело сразу со всеми частями вместе. <...> Многие европейские правительства — нет необходимости их называть — полагают Центральную и Восточную Европу опасными регионами. Некоторые из них заходят так далеко, что считают соглашение на Западе в виде воздушного пакта, отделенное от урегулирования других вопросов, угрожающим Востоку еще в большей степени, чем текущее положение дел. <...> Было время, когда германский канцлер выступал против Восточного пакта. Предложения тогда приняли форму, с которой он не мог согласиться. Теперь, однако, все изменилось. <...> Мы поймали рейхсканцлера на слове и в последние несколько недель получили их практическое подтверждение в виде англо-германского морского соглашения, на которое я уже ссылаясь. Поэтому мы уверены, что сделали шаг на пути к урегулированию. Но урегулирование, так же как и мир, одновременно едино и множественно; и все пути ведут к различным преимуществам» [10].

Двусмысленность речи С. Хора, которая и ознаменовала собой маневр британской дипломатии, состояла в том, что она одновременно осуждала франко-советское политическое мировоззрение, подчеркивала важность англо-германского морского договора и принижала значение мартовских переговоров с А. Гитлером и его последующих заявлений, потому что при внимательном их рассмотрении становится ясно: в отношении фюрера к Восточному Локарно на самом деле не изменилось ничего. Это отметил К. фон Нейрат в циркуляре от 15 июля, который был направлен Л. фон Хёшу. Он подчеркнул, что англо-германский воздушный проект намеренно подменяется С. Хором англо-французским. К. фон Нейрат заявил, что в случае затягивания обсуждения пакта Германия в одностороннем порядке будет наращивать свои воздушные вооружения в целях усиления собственной безопасности, поскольку франко-советский договор создает ей угрозу, и сделал вывод: «Прохладное отношение к Германии и ее запросам, которое проявил С. Хор, неудивительно, ведь оно связано с хорошо знакомой всем британской политикой по поддержанию баланса сил. Поэтому вновь появившаяся подчеркнутая тенденция в пользу Франции после заключения англо-германского морского соглашения была в целом ожидаема, и не только нами» [4, S. 437—440].

28 июля Л. фон Хёш получил от британской стороны ответ, что она будет дожидаться решения Франции. При этом французская сторона была склонна рассматривать воздушный пакт в билатеральном ключе, а не в его первоначальном варианте. Германскому послу осталось лишь отметить, что создавать

билатеральные соглашения, направленные против Германии, — излюбленный метод французской дипломатии [4, S. 457—459]. Очередная речь С. Хора перед парламентом 1 августа 1935 г. развеяла последние сомнения. Он заявил: «Я считаю заключение Восточного пакта одним из важнейших факторов в деле прогресса в Европе. Для меня полностью ясно, что без продвижения в осуществлении Восточного пакта будут созданы большие трудности для удовлетворительного продвижения в деле заключения воздушного пакта и других мероприятий по замирению Европы. Уважаемые джентельмены могут быть уверены, что я продолжу продвигать эти взгляды в переговорах с другими европейскими правительствами. Сам я не вижу причин, почему Восточный пакт в настоящем виде не может быть заключен, и вполне уверен, что, если он будет заключен, это будет мерой по замирению Центральной и Восточной Европы и решительно поспособствует заключению воздушного пакта, чего желаем не только мы, но и германское правительство» [11].

Таким образом, британский политический курс после заключения англо-германского морского соглашения продемонстрировал неожиданный поворот от прохладного отношения к Восточному Локарно, очевидного в конце 1934 г. и даже в рамках «фронта Стрезы», к прямо противоположному. Политика С. Хора жестко связала заключение воздушного пакта с заключением Восточного пакта и выдвинула это в качестве условия германской стороне. Хотя по опыту Женевской конференции было хорошо известно, что Франция склонна противодействовать проектам по урегулированию вооружений, политика С. Хора все же отдала воздушный пакт на ее усмотрение, чем со своей стороны внесла вклад в его срыв.

5 августа 1935 г. последовал довольно жесткий меморандум британской стороны. В нем говорилось, что заявленный в речи Гитлера от 21 мая проект заключения билатеральных пактов касается лишь соседей Третьего рейха, поэтому неприемлем. Заключение же Восточного пакта приведет к дублированию Локарнских соглашений и будет способствовать заключению воздушного пакта, что находится в интересах безопасности как Великобритании, так и Третьего рейха. Следствием подписания коллективного пакта о ненападении с шестью восточными державами станет выполнение заявленных Гитлером мирных планов [4, S. 527—528].

Трудно сказать, какие реальные цели преследовала Великобритания этими шагами, однако она с очевидностью вновь заталкивала Третий рейх в международную изоляцию, из которой сама же в самом недавнем прошлом его вызволила, признав его вооружения. Ясно лишь то, что эта политика вполне объяснима в условиях, когда германская сторона использовала люфтваффе как инструмент политического влияния, и, проводя ее, Великобритания в любом случае мало что теряла. Эффект получился обратным: А. Гитлер задумался об односторонней ремилитаризации Рейнской зоны. Несмотря на то что Восточное Локарно юридически не противоречило старым Локарнским соглашениям, новая британская политика по его поддержке шла вразрез с гитлеровским курсом, изначально направленным на разрушение франко-советского альянса, тем более что А. Гитлер неоднократно и недвусмысленно озвучил свое отношение к Восточному пакту, в том числе в присутствии британских политиков. Однако в пользу нацистской Германии было то обстоятельство, что на деле британский курс являлся половинчатым — в духе политики поддержания баланса сил, он не стремился на практике к

созданию действенного политического блока с Францией и тем более с СССР. Это полностью проявилось в марте 1936 г. в ходе рейнского кризиса.

С. Хор продолжал придерживаться этой линии вплоть до своей отставки, несмотря на переключение внимания британской политики осенью в сторону итало-абиссинской войны и парламентских выборов. Последние указания в этом отношении он дал Э. Фиппсу в декабре 1935 г. 13 декабря состоялись его переговоры с А. Гитлером. Фюрер заявил, что, так как советско-французский пакт является военным союзом, направленным против Германии, он ломает положение, созданное Локарнским договором, в рамках которого планируется заключить воздушный пакт. Поскольку этот пакт предусматривал совместные действия французской и советской авиации, это исключало для Германии возможность ограничить свои воздушные силы в рамках паритета, пусть даже и с сильнейшей из локарнских держав [1, с. 593]. Таким образом, в результате политики С. Хора А. Гитлер отказался от своих первоначальных предложений и ни тот ни другой проект воздушного пакта не был реализован. Однако политический момент был выдержан в духе баланса сил.

Библиографический список

1. Документы внешней политики СССР. М. : Политиздат, 1973. Т. 18. 718 с.
2. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. C: 1933—1937. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1973. Bd. 3, Hbd. 1. 540 S.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. C: 1933—1937. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1973. Bd. 3, Hbd. 2. 630 S.
4. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. C: 1933—1937. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. Bd. 4, Hbd. 1. 622 S.
5. *Bar Y.* Between Disarmament and Remilitarisation. German, French, and British Diplomacy, 1933—1936. Utrecht : Universiteit Utrecht, 2006. 60 p.
6. Cabinet Conclusions, 1 May 1935. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/small/cab-23-81-cc-25-35-24.pdf> (дата обращения: 24.02.2013).
7. *Domarus M.* Hitler Speeches and Proclamations 1932—1945. Wauconda (IL) : Bolchazy-Carducci Publishers, 1990. 3388 p.
8. *Förster J.* Germany's twisted road to war 1919—1939 // The Origins of the Second World War: an International Perspective / ed. by F. McDonough. London : Continuum, 2011. P. 110—126.
9. *Hamm G.* Imperial Defence and the «Ultimate Potential Enemy»: British Foreign Policy and the Anglo-German Naval Agreement 1930—1935. Vancouver : Simon Fraser University, 2000. 143 p.
10. House of Commons Debates, 11 July 1935. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1935/jul/11/foreign-office> (дата обращения: 24.02.2013).
11. House of Commons Debates, 1 August 1935. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1935/aug/01/international-situation> (дата обращения: 24.02.2013).
12. *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933—1940. Außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München : Wilhelm Fink, 1980. 371 S.

ЮБИЛЕИ

40 ЛЕТ ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ ИВГУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

29 декабря 1973 г. Совет министров СССР принял Постановление № 942 «Об организации в г. Иваново государственного университета». В 1974 г. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР утвердило структуру ИвГУ, куда вошел юридический факультет с дневным и заочным отделениями.

Деканами факультета были кандидаты юридических наук, доценты Б. Н. Иванов, Б. И. Клейнер, Н. Е. Зиновьев (заслуженный юрист Российской Федерации, несколько лет возглавлял избирательную комиссию Ивановской области, был проректором по заочному и вечернему обучению ИвГУ), Л. И. Семенова, доктора юридических наук, профессора Г. В. Хныкин и Е. И. Колюшин (заслуженный юрист Российской Федерации, член ЦИК РФ). С 1996 г. факультет возглавляет кандидат юридических наук, доцент, почетный работник образования Ивановской области О. В. Кузьмина.

В настоящее время на факультете четыре кафедры:

1) теории и истории государства и права; заведующий — канд. ист. наук, доцент Е. Л. Поцелуев; до него кафедрой руководили кандидаты юридических наук, доценты В. И. Куклин (в 1988 г. стал доктором юрид. наук), почетный работник высшего профессионального образования А. В. Хохлов и Е. Е. Амплеева;

2) конституционного, административного и финансового права; и. о. заведующего — канд. ист. наук, доцент Н. В. Исаева; до нее — Е. И. Колюшин, Н. Е. Зиновьев и канд. юрид. наук, доцент М. Н. Лопатина;

3) гражданского права и процесса; заведующий — канд. юрид. наук, доцент И. Ю. Карлявин; до него — Л. И. Семенова, доктор юрид. наук, профессор А. И. Бибилов, занимавший ранее должности зам. декана, проректора по заочному и вечернему обучению, проректора по коммерческой работе;

4) уголовного права и процесса; заведующий — О. В. Кузьмина; до нее — доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, первый председатель комиссии по правам человека в Ивановской области Э. С. Тенчов (1928—2007).

По инициативе Е. Л. Поцелуева на факультете успешно прошло шесть международных конференций, в том числе при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда — памяти С. А. Муромцева (2010) и Г. Ф. Шершеневича (2012).

В 1998—2013 гг. опубликованы монографии А. А. Павлова, Е. Л. Поцелуева, Е. А. Петровой, О. В. Родионовой, Н. В. Исаевой, Г. В. Хныкина, Е. В. Тресцовой и М. С. Огородникова, Э. Г. Корнилова, О. М. Лебедевой.

С 2000 г. выходит «Вестник ИвГУ. Сер. «Право. Экономика. Социология»», в настоящее время серия — «Естественные, общественные науки» (член редколлегии — канд. юрид. наук, доцент Т. М. Явчуновская). Много

Серия

• «Естественные, общественные науки»

лет издавался «Иваново-Вознесенский юридический вестник», главным редактором которого был А. И. Бибиков.

В 2000—2008 гг. по инициативе и под редакцией Е. Л. Поцелуева вышло в свет шесть сборников межвузовских научных трудов.

Преподаватели факультета активно участвуют в научных мероприятиях, проводимых в России и за рубежом.

На кафедре уголовного права и процесса и на кафедре гражданского права и процесса функционирует аспирантура. В 2013 г. открыт прием в магистратуру по направлениям «Социальное государство: проблемы теории и практики» (руководитель — доктор юрид. наук, доцент О. В. Родионова) и «Защита прав и интересов граждан и юридических лиц как участников гражданских правоотношений» (руководитель А. И. Бибиков).

А. И. Бибиков возглавляет Ивановский филиал Центра изучения римского права Российской академии наук и МГУ.

На факультете преподают профессор А. С. Булычев (бывший председатель Президиума коллегии адвокатов Ивановской области), федеральные судьи доцент Ю. В. Новиков и канд. юрид. наук К. А. Тимошкин, канд. филос. наук, губернатор Ивановской области, председатель Правительства Ивановской области М. А. Мень.

В январе 2013 г. на факультете обучалось более 900 студентов.

За почти 40 лет своей деятельности факультет подготовил более 10 тыс. специалистов, среди которых судья Верховного Суда РФ, канд. юрид. наук В. П. Степалин, заместитель председателя Правительства Ивановской области М. Б. Поляков, начальник УВД по Ивановской области в 2003—2012 гг. генерал-майор А. Ю. Забегалов, руководитель управления Министерства юстиции по Ивановской области Н. В. Кузьмина, президент Ивановской областной нотариальной палаты Е. С. Полетова, председатель Совета судей в Ивановской области С. Н. Коновалова, доктора юридических наук А. В. Смирнов, О. А. Рузакова, О. В. Родионова, Г. В. Хныкин, О. В. Чельшева, более 40 кандидатов юридических наук.

Высшее юридическое образование в университете получили граждане Афганистана, Китая, Кубы, Монголии, стран Африки, многие из которых занимают высокие должности в своих государствах.

Факультет принимает участие в выполнении договора о сотрудничестве, заключенного ИвГУ с университетом г. Пассау (ФРГ) в январе 1990 г.

С 2007 г. благодаря доктору юридических наук, профессору, декану юридического факультета Халуку Кабаалиоглу налажено сотрудничество со Стамбульским университетом Едитепе (YEDITEPE UNIVERSITY). В феврале 2012 г. между нашими университетами была подписана Рабочая программа к договору о сотрудничестве в области юриспруденции на 2012—2014 гг. Летом 2010 г. несколько студентов изучали турецкий язык в Стамбульском университете. В 2012 г. в течение семестра Е. Копытова успешно прошла включенное обучение на юридическом факультете этого вуза.

Для чтения лекций студентам приглашаются ученые США, Германии, Турции и Украины. Факультет поддерживает контакты с Ассоциацией американских юридических школ и Американской ассоциацией юристов. Некоторые студенты и аспиранты стажировались в аппарате Конгресса США.

По инициативе Е. Л. Поцелуева в 2007 г. был образован Центр изучения немецкого права, который успешно функционирует и в настоящее время.

В марте 2009 г. и апреле 2011 г. состоялись поездки студенческих групп под руководством Е. Л. Поцелуева в ФРГ (гранты Немецкой службы академических обменов — DAAD), научные стажировки И. Ю. Карлявина, О. В. Соколовой и Е. Л. Поцелуева (гранты DAAD).

Факультет представлен в Молодежном союзе юристов Российской Федерации, Молодежной областной думе и Молодежном областном правительстве.

Учитывая наличие высококвалифицированных преподавателей, интерес к научным исследованиям, ежегодное проведение международных научных конференций, укрепление научных контактов с ведущими юридическими вузами России и зарубежных государств, факультет способен эффективно готовить кадры для судебной системы, правоохранительных органов, государственной и муниципальной службы, юридического сопровождения бизнеса, внести достойный вклад в модернизацию региона, укрепление правопорядка, гражданского общества и правового государства.

О. В. Кузьмина,

декан юридического факультета

Е. Л. Поцелуев,

зав. кафедрой теории и истории государства и права

5 ЛЕТ МЕЖВУЗОВСКОМУ ЦЕНТРУ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ИВГУ

По инициативе Е. Л. Поцелуева 23 декабря 2007 г. был образован Центр изучения немецкого права, который является подразделением факультета. Ученым советом факультета Е. Л. Поцелуев единогласно был избран руководителем Центра. Почетный президент Центра — почетный доктор Санкт-Петербургского университета, почетный профессор Сибирского федерального университета и ИвГУ, Prof. em. Dr. Dr. h.c. Мартин Финке (Martin Fincke) (Universität Passau). У Центра есть гимн (автор — Л. Меркурьева), девиз — «Наука. Польза. Сотрудничество» и эмблема (автор — Е. Л. Поцелуев). В Центр входят декан О. В. Кузьмина, ее заместитель — О. В. Соколова, заведующие кафедрами — И. Ю. Карлявин и Е. Л. Поцелуев, доцент Е. В. Тресцова. На 20 марта 2013 г. членами Центра являлись 57 студентов юридического факультета ИвГУ. В начале этого года в Центр вступили аспиранты и преподаватели из Красноярска, Екатеринбурга, С.-Петербурга, Пензы и Калининграда. В результате он стал межвузовским.

С 2007 г. на факультете проходят международные научные конференции, в которых принимают участие члены Центра и профессора из университета Пассау: М. Финке, В. Бойльке (W. Beulke), А. Енгландер (A. Angländer); представители Полицейской академии Нижней Саксонии. Доклады немецких коллег опубликованы в материалах конференций на немецком и русском языках. Ученые из ФРГ прочитали лекции нашим студентам.

С апреля 2008 г., в рамках Фестиваля гуманитарной науки в ИвГУ, работает секция немецкого права.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

В 2008 г. под редакцией Е. Л. Поцелуева вышел межвузовский сборник научных трудов «Немецкое право: теория права, уголовное и гражданское законодательство». Готовится к печати 2-й выпуск сборника статей «Немецкое право: философия права, конституционное право, уголовное и гражданское право» под редакцией Е. Л. Поцелуева, в котором есть работы профессоров, докторов права И. Брауна (J. Braun) и Г.-Г. Дедерера (H.-G. Dederer) из университета г. Пассау.

Доцент И. Ю. Карлявин получил германо-российскую юридическую премию, учрежденную Российско-германским юридическим институтом (РГЮИ) и Российско-германским объединением юристов (DRJV).

С 20 декабря 2009 г. по 30 января 2010 г. прошла научная стажировка Е. Л. Поцелуева в университете г. Пассау, которая укрепила связи двух факультетов.

В марте 2009 г. и апреле 2011 г. под руководством Е. Л. Поцелуева совершены студенческие поездки (Studienreise) членов Центра в Германию (гранты DAAD), во время которых состоялись дискуссии с профессорами, руководителями факультетов, институтов, центров Свободного университета Берлина, университетов Гейдельберга, Ганновера, Кельна, Марбурга, Пассау, Потсдама, директором Конституционного суда ФРГ в Карлсруэ, Полицейской академии и офицерами Министерства внутренних дел и спорта Нижней Саксонии.

По инициативе руководителя Центра ректорат и кафедра немецкой филологии дважды (в 2009—2010 и 2011—2012 годах) реализовали проект «Деловой немецкий язык». Сейчас также идут занятия на подобных курсах.

Ежегодно члены Центра проходят обучение на летних курсах немецкого языка университета г. Пассау, сдают экзамены и получают сертификаты.

Центр стал мостом между Россией и Германией, он вносит вклад в сближение наших стран и народов, повышение правосознания и правовой культуры, изучение юридической карты мира, преодоление косности.

*Е. Л. Поцелуев,
руководитель межвузовского Центра изучения немецкого права,
координатор международных связей и мобильности
юридического факультета ИвГУ*

Сведения об авторах

- АГЕЕВА** кандидат психологических наук,
Зоя Александровна доцент кафедры социальной психологии,
Ивановский государственный университет.
ast55@mail.ru
- БАНДУРИН** аспирант кафедры всеобщей истории
Михаил Александрович и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
js.ivsu@bk.ru
- БОНДИНА** специалист по маркетингу и рекламе,
Анна Владимировна ООО «Агат-Центр».
a.bondina@agatgroup.com
- ЗАВОЗЯЕВ** аспирант кафедры психологии, социальной
Игорь Иванович работы и политической психологии,
Ивановский государственный университет.
aic@ivanovo.ac.ru
- ИВИН** кандидат филологических наук,
Андрей Анатольевич доцент кафедры журналистики, рекламы
и связей с общественностью,
Ивановский государственный университет.
aivine@yandex.ru
- КОГАЛОВСКАЯ** кандидат психологических наук, доцент кафедры
Анна Сергеевна социальной работы и прикладной социологии,
Ивановский государственный университет.
askogal@yandex.ru
- КУЗЬМИНА** кандидат юридических наук,
Ольга Владимировна доцент, заведующая кафедрой уголовного права и
процесса, декан юридического факультета,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru
- ЛОМАКИНА** кандидат филологических наук,
Елена Евгеньевна доцент кафедры журналистики, рекламы
и связей с общественностью,
Ивановский государственный университет.
el.lom@mail.ru
- ЛУКЪЯНОВА** старший преподаватель кафедры общей
Елена Валентиновна и педагогической психологии,
Ивановский государственный университет.
lev4932@mail.ru
- ЛУКЪЯНОВ** кандидат биологических наук, доцент кафедры
Игорь Юрьевич общей биологии и физиологии,
Ивановский государственный университет.
ue4206@mail.ru

Серия

• «Естественные, общественные науки»

- МАЙОРОВА** кандидат филологических наук,
Татьяна Алексеевна доцент кафедры журналистики, рекламы
и связей с общественностью,
Ивановский государственный университет.
mayorova_t_a@list.ru
- НАЗАРОВ** доктор психологических наук, профессор,
Владимир Иванович первый проректор по учебной работе,
Ивановский государственный университет.
nazarov@ivanovo.ac.ru
- ПОПЕЛЬ** кандидат психологических наук, доцент кафедры
Нина Валерьевна общей и педагогической психологии,
Ивановский государственный университет.
nine1@mail.ru
- ПОЦЕЛУЕВ** кандидат исторических наук,
Евгений Леонидович доцент, заведующий кафедрой теории
и истории государства и права,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru
- СМИРНОВА** кандидат педагогических наук,
Наталья Владимировна доцент кафедры педагогики,
Ивановский государственный университет.
natvlsmirnova@mail.ru
- ТАИБОВА** кандидат юридических наук,
Оксана Юркиновна доцент кафедры конституционного,
административного и финансового права,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru
- ТУРЧИН** доктор психологических наук, доцент,
Анатолий Степанович заведующий кафедрой общей
и педагогической психологии,
Ивановский государственный университет.
ast55@mail.ru
- ТРЕЦОВА** кандидат юридических наук, доцент кафедры
Елена Владимировна гражданского права и процесса,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru
- ФИЛАТОВА** кандидат филологических наук,
Ольга Дмитриевна доцент кафедры журналистики, рекламы
и связей с общественностью,
Ивановский государственный университет.
odf16@mail.ru
- ФИЛИППОВ** аспирант кафедры психологии
Алексей Александрович социальной работы и политической психологии,
Ивановский государственный университет.
technika20let@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.